

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

Ловелука луна

Nogai Ai

№ 1 / 8 / 94

ЧИТАЙТЕ
В НОМЕРЕ:

З. Хабичева. «Ты святой, мой народ!»

Х. Байрамукова. Четырнадцать лет.

*Интервью с президентом Ассоциации
народов Кавказа М. Байрамуковым.*

Подборка стихов карачаевских поэтов.

М. Хубиев. Юмор Карачая.

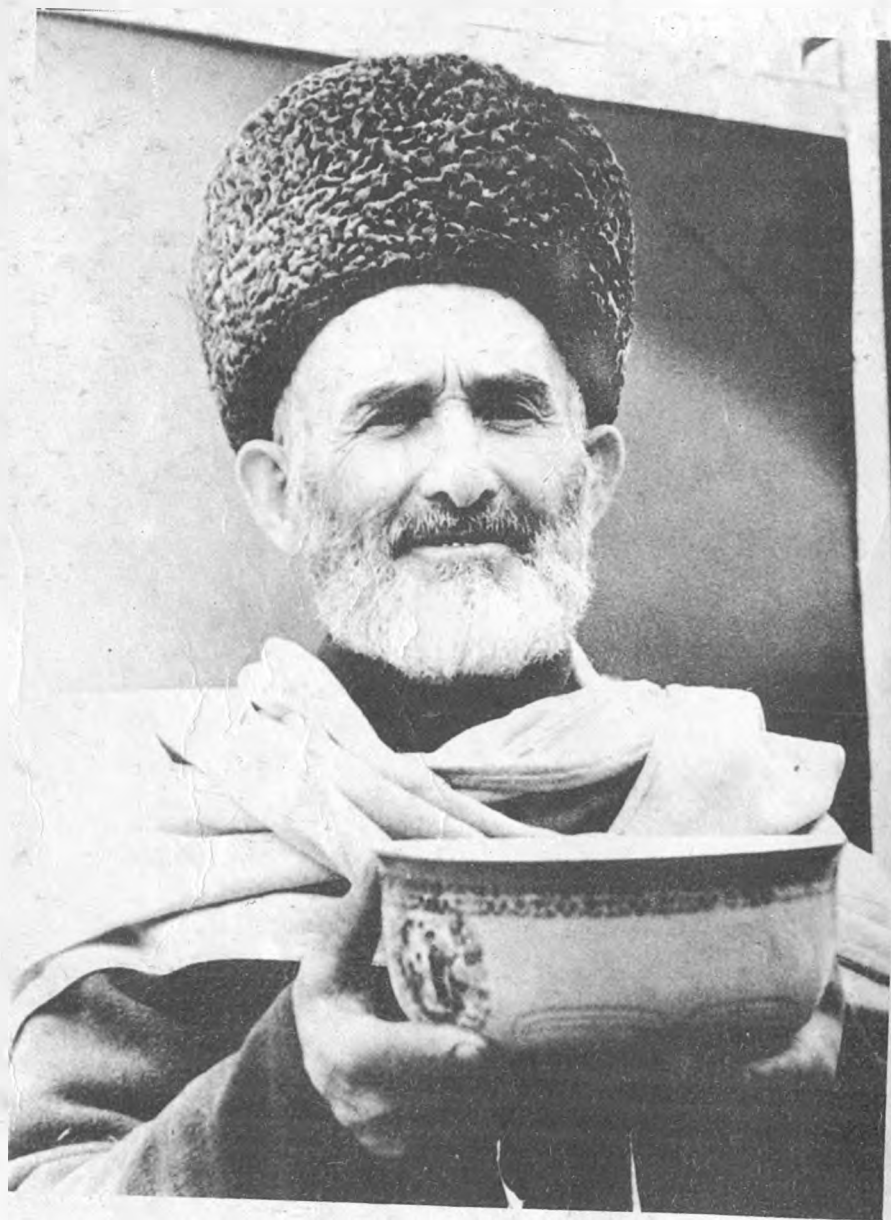

Фото К.-М. Чанкаева. ТАМАДА.

ПОЛОВЕЦКАЯ ЛУНА

№ 1 / 8 / 94

Публицистический
и литературно-
художественный
журнал

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор

И. КАПАЕВ

В подготовке номера принимали участие:

В. Буяльская
/редактор/
В. Казаков
Р. Керейтов
К. Кумратова
Ф. Сидакметова
Ю. Созаруков
К.-М. Чанкаев

Оформление обложки

Ю. Карасова

Технический редактор

М. Дышекера

Учредители

Иса КАПАЕВ и
Валерий КАЗАКОВ

Адрес редакции

357100, Черкесск,
ул. Международная,
85, кв. 24.
Тел. 5-60-84

ПОЧТА «ПЛ»

5

ПОЭЗИЯ

Стихи *Б. Кечеруковой, Х. Какушева, Ф. Байрамуковой, М. Дудова, Б. Берберова, Д. Мамчуевой, Х. Джаубаева, А. Суюнчева, А. Кубанова*

8

СКВОЗЬ БЕДУ И БЕСПРАВЬЕ

Из материалов оргкомитета по проведению мероприятий, посвященных депортации карачаевского народа
Р. Тебуев. К вопросу о депортации карачаевцев
А. Акбаев. Элия (отрывок из поэмы)
И. Чотчаев. Карачаевцы на родине
Е. Головкин. «Главное — единство!»
З. Хабичева. «Ты святой, мой народ!»
Р. Ортабаева. Карачаевские сказочники

15
21
25
28
32
37
42

ПРОЗА

Х. Байрамукова. Четырнадцать лет. Роман

51

ИЗ ТЬМЫ НА СВЕТ

Н. М. Карамзин. История государства Российского (извлечения о ногайцах)
А. Кубанов. Из книги Йоганна Шильтбергера «Путешествие по Европе, Азии и Африки с 1394 года по 1427 год»
В. А. Фоменко. Археологические памятники Пятигорья и ранняя история ногайцев Предкавказья

100
104
112

ПОЛОВЕЦКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Сообщения о новостях в ученом мире
С. Зайцева. «Новые имена — 93»
Л. Гочияева. Имел случай родиться
З. Зинева. Затмений не будет
Б. Калмыков. Самобытные физические упражнения и игры у тюркских народов
О новых книгах

120
122
126
128
129
134

УЛЫБКА ХОДЖИ НАСРЕДИНА

М. Хубиев. Алан из Карачая
Ю. Созаруков. Литературные пародии

139
143

Как отмечалось во всех предыдущих выпусках, основная задача нашего издания — это сохранение и развитие культуры и истории ногойского народа и освещение добрососедских взаимоотношений ногойцев с другими народами в далеком прошлом и настоящем. С первой частью нашей задачи, по отзывам наших читателей, мы справляемся, со второй же дело обстоит несколько хуже. Поэтому мы решили больший объем очередного номера посвятить культуре, истории, литературе того или иного народа. Выбор наш пал на карачаевцев. Поводом послужила и наша почта, и то обстоятельство, что, к нашему восхищению, среди карачаевского народа оказалось немало наших почитателей.

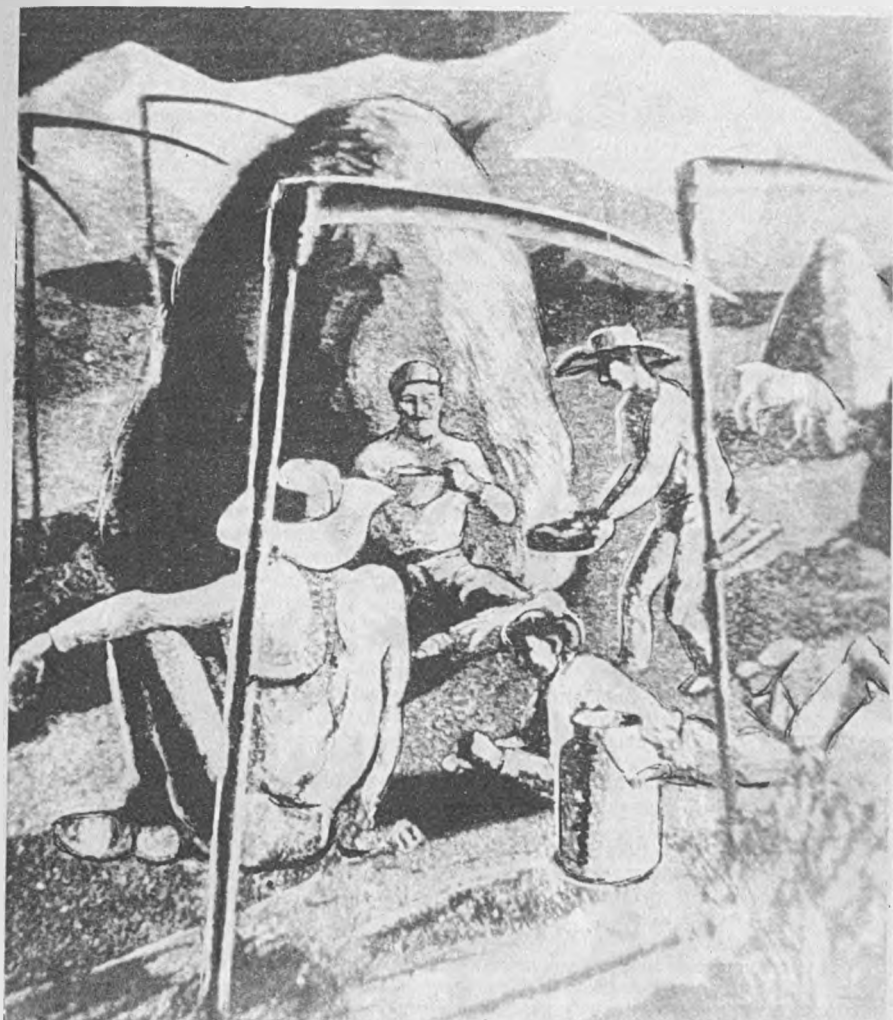
Кубанские ногойцы издревле живут в добрососедских отношениях с обитателями горного Карачая. Нас объединяет не только многовековая история, но и единый с карачаевцами и балкарцами тюркский язык, наши народы вполне могут обойтись без переводчика.

Я сам с детства любил читать карачаево-балкарский эпос в оригинале, а став взрослым, читал и читаю современных авторов. Бывая в командировках в карачаевских селениях, встречался со старожилыми, слушал их хабары о жите-быте, страстные воспоминания о выселении и множество преданий о ногойцах. От стариков я впервые узнал о нахождении сохранившихся по сей день ногойских кладбищ в горных районах Бийчесына, Кызыл-Калы, Койдана и Эльтаркача. Карачаевские аксакалы, в отличие от многих современных литераторов и ученых, никогда не проводили черту различия между нашими народами. Например, рассказывали какое-нибудь предание о ногойцах и соперничали так, будто речь шла о жителях их аула. В карачаевских аулах живут немало семей ногойского происхождения. Одни помнят об этом, другие забыли. Да и в ногойских аулах живут представители родов, когда-то переселившихся из Карачая...

Помню год возвращения карачаевцев из Средней Азии. Мои земляки, эркин-юртовцы, всем аулом выходили на железнодорожную станцию встречать вернувшихся из ссылки. Женщины ведрами выносили чай, жареные лепешки, всевозможные национальные угощения, играла ногойская гармошка, сотни людей обнимались, находили близких, друзей, просто знакомых...

В ноябре 1993 года у нас, в городах и селах Карачаево-Черкесии, отмечалась трагическая дата: 50-летие депортации карачаевского народа. Для участия в этом знаменательном мероприятии в город Черкесск съехались представители всех республик Северного Кавказа, Ставропольского, Краснодарского краев и Ростовской области. Гости и жители нашей республики почтили память безвинно погибших, осудили виновников этого бессмысленного произвола над целым народом...

Эта дата стала главной и для очередного номера нашего журнала.

Художник Умар МИЖЕВ. КОСАРИ.

На снимке: Эфенди Исмаил КОЧКАРОВ (начало века).

Почта «ПЛ»

У нас накопился обширный материал, но не на все читательские письма мы в состоянии ответить. Поэтому мы постарались рассортировать письма по основным требованиям и дать общий ответ в нашей почтовой рубрике.

Продолжают поступать письма по поводу подписки на журнал. В предыдущем номере мы объяснили причину нашей несостоятельности проведения подписки через «Союзпечать», поэтому просим следить за нашими объявлениями в нашем журнале: вполне возможно, что мы их можем дать в доступные вам печатные издания. Инфляционный процесс продолжается, и насколько повысится цена, мы не можем определить и в данное время, в процессе подготовки этого номера.

В нашей почте есть совершенно отличительные от общего потока письма. Встречаются и такие, обсуждение содержания которых отнюдь не входит в нашу компетенцию: кто-то обращается с рационализаторскими предложениями в области машиностроения, электробытовой техники, кто-то недоволен государственной политикой России, кто-то обеспокоен общественным устройством страны. Мы понимаем, что и мы сами, и наши читатели еще страдаем гигантоманией, и поэтому не осуждаем авторов этих писем, но и ответить им нам трудно, так как наш журнал — другого направления, да и специальных сотрудников, занимающихся политологией, не имеем.

Приходят письма о проблемах быта, благоустройства аулов. Давно у нас лежит письмо жительницы Ногайского района Республики Дагестан М. Акмурзаевой. Она пишет: «В последние годы у нас в районе проводится немало конференций, праздников. Приглашаются на них гости издалека. Но скажите, что у нас можно показать гостям? Разве гостиницу, клуб, больницу или библиотеку?! Как их покажешь? Такое положение во всех ногайских аулах. Зная это, руководители гостей везут в собственный дом. Там есть что показать, там есть чем угостить. Поэтому складывается впечатление, что все эти годы власти заботились лишь о домах руководителей, об их благосостоянии. О народных учреждениях никто не заботился. О каком Ногайстане можно говорить, если все ногайское добро растаскивалось по домам единиц, если сами ногайцы-руководители вредили своему народу». (Резкие выражения мы постарались смягчить.) Есть письма об отсутствии транспорта, об острой нехватке продуктов питания, топлива (угля) — эти сообщения мы постарались довести до глав администрации.

А вот письма по поводу трагической гибели нашей певицы Зухры Шандиевой. Особо нам запали в душу слова поэтессы Эльвиры Кожаяевой из Нефтекумского района:

«Потерявшая любимую дочь, моя степь будет вечно помнить тебя, Зухра.

Нам остались твои песни. Мы будем сидеть возле магнитофона и слушать записи, они, словно с неба, будут доносить твой голос.

Ах, Зухра, наша Зухра...»

Продолжают поступать отзывы на наши публикации. Единодушные отклики мы получили на наш почтовый материал в сдвоенном номере (№ 1-2, 1993 г.). Не посчитав за труд, на нескольких страницах прислал свой отзыв А. Аджимурзаев из а. Сарысу Шелковского района Чечни. «Мы благодарны редакции, — пишет он, — за то, что напечатали читательские размышления по поводу книги М. Аджиева. Каждый, кому не лень, старается унижить ногайскую историю. Раньше ее скрывали и довели народ до такого беспомощного состояния. Надо побольше печатать материалы ученых, пусть они будут даже ранее опубликованные. Не каждый опубликованный научный материал доходит до

простого читателя. Вот, слышал, что вышла очень правдивая книга о ногайцах Максима Глухова-Ногайбека «Судьба гвардейцев Сеюмбека». Автор совсем нам не известный. Если у Вас будет книга, ознакомьтесь с ней. Ведь не скоро дойдет до нас книга, вышедшая в Татарии. Тем более, говорят, что сегодняшнее руководство Татарии эту книгу пыталось не выпустить, а значит, и после выхода ей не дадут хода. А сейчас я высылаю статью, опубликованную в казачьей газете Кавказского района Краснодарского края. В газете «Вольная Кубань» напечатан доклад атамана, а в нем любопытные факты об истории ногайцев на Кубани. С этой газетой Вам надо связаться.»

Мы благодарны А. Аджимурзаеву за присланную вырезку из газеты и постараемся наладить контакт с «Вольной Кубанью». А насчет книги «Судьба гвардейцев Сеюмбека» мы слышаны, и в настоящее время член редколлегии Р. Керейтов имеет ее на руках. Мы постараемся ознакомить с ее содержанием широкий круг наших читателей.

«У меня было тяжелое впечатление, когда я прочитал книгу М. Аджиева «Мы — из рода половецкого». Автор нарочно утаивал нашу историю, игнорировал ногайцев. Аджиеву, видимо, показалось, что раздавленный тоталитарной системой ногайский народ не сможет постоять за свою историю. И, когда это прошло бы безнаказанно, следующим шагом было бы присвоение нашего исторического наследия и всех наших культурных ценностей. Его серьезное высказывание: «представляете, я себя почувствовал половецем» — сначала вызвало смех, но после я понял, что именно так рождаются дилетанты. Дилетанты во всем. Так, однажды мясник может почувствовать себя врачом... Я прочел ваш номер, где вы даете читательские отзывы на эту книгу. Этого мало! Не надо стесняться! В своей книге он посягает и на русскую историю. Не Аджиеву разгадывать тайны русской истории?! Достаточно своих академиком. Почему редакция не заявит об этом прямо в лоб?» — пишет нам житель г. Калининграда Московской области К. Межитов.

«Народ без истории — это беспомощный народ. Нужны ученые, писатели, журналисты, чтобы они восстанавливали историческую правду и одновременно широко популяризировали среди народа. Мы живем в большой семье народов, а чтобы уважать друг друга, мы должны как можно больше знать друг о друге. Поэтому, пожалуйста, публикуйте в журнале труды настоящих кумыкских, карачаевских, черкесских и других ученых. Мы хотим знать, как они рассказывают о своих народах», — написал нам житель аула Эркин-Халк А. Санглибаев.

Предугадывая содержание нынешнего номера, написал нам Р. Казиев из аула Эркин-Юрт: «Недавно познакомился с двумя очень занимательными книгами. Это — «О происхождении тюркских народов» К. Лайпанова и И. Мизиева, а также книга «Тюрки Северного Кавказа» Х. Биджиева. Постоянно покупаю и читаю газету «Алания» С. Байчорова. Публикации мне нравятся, радует то, что у карачаевцев такой большой научный потенциал. Но я уже не первый раз замечаю, и это меня очень удивляет, что такие подготовленные ученые, извлекающие интересные сообщения из фольклора, истории народов, проживающих в Волжско-Уральском бассейне, далекой Сибири и Средней Азии, почти не делают сноска на богатейший ногайский фольклор, который хорошо понимают, на ногайскую топонимику и даже на вышедшие в местном издательстве труды о ногайцах. А я думаю, что там у своих близких для сравнения они могли почерпнуть немало полезного. Например, о том же божестве Тангри, обрядах и песнях об андыршоппай, мифических существах албаслы и елимаузе... А если для сравнения взять этнический состав и названия племен, образованных ногайский народ, — это же целый клад для тюрколога! Роды: ас, карас, кокай, есеней, исун, кобек, костек, канглы, керейт, кыпшак, конгырат, найман, сильджиут, барак, баис, бораган, булгар, карасирак — сохранились по сей день в соответствии с древними названиями, сохранились в современных ногайских аулах Карачаево-Черкесии, и эти ногайские этнонимы намного легче объясняют тюркское происхождение скифских и сарматских племен, нежели искать их объяснение у хакасов или у чувашей. Понимаю, что для показа широты кругозора надо использовать обширную географию, ну и для убедительности, конечно. Но, к примеру, в поиске объяснения имени скифского царя Таргитая почему нельзя было упомянуть, что у ногайцев есть целая эпическая песня «Эр Таргыл» или племя «таргу ногай», а на «тай» кончатся все древние имена ногайцев: «Шоратай, Алтай, Исатай и т. д.» Или хотя бы взять давнишний камень преткновения: этноним «Алан». Ни один уче-

ный даже не обмолвился, что у ногайцев, начиная от эпоса «Эдиге» и в самых небольших песнях, есть запев:

«Алан, алан, алан юрт,
Аланлаган ногай юрт».

(Стремительный, стремительный, стремительный юрт (родина) Сильно устремленный (вперед) ногайский юрт.)

Ногайцы себя к аланам не причисляют, но любопытно, что в языке сохранен этот яркий эпитет, которым даже государство характеризуется».

Может быть, Р. Казиев и прав, мягко упрекая известных карачаевских ученых. Нам же хочется сказать ему, что ногайские ученые сами должны делать подобные изыскания и, конечно, использовать материалы для сравнения и далеких, и близких, и малых, и больших народов, тогда аргументация лишь укрепитя. В нашем номере мы даем рецензии на научные труды, возможно, что в будущем ученые учтут замечания нашего читателя.

А. Менгалиев из Ногайского района Республики Дагестан пишет нам: «Моя дочь учится в Карачаево-Черкесии. Бывая у вас в республике, я не раз встречался с карачаевцами, прислушивался к их говору и удивлялся схожести наших языков. Расскажите нам об истории и быте карачаевцев».

Поэзия

Карачаевская поэзия — одна из самобытнейших на Северном Кавказе. Ее представители старшего поколения: Халимат Байрамукова, Назир Хубиев, Азамат Суюнчев — хорошо известны массовому российскому читателю. Сейчас лицо карачаевской поэзии определяет поколение, вступившее в литературу после войны, — Ахмат Кубанов (недавно ушедший из жизни), Азрет Акбаев, Хусей Джаубаев, Махмуд Кубанов, Юсуф Созаруков, Фатима Байрамукова, Кулина Салпагарова, Билял Лайпанов, Альберт Узденов, и список этот еще можно продолжать. Их всех роднит целостность выражения общенародных чувств и эмоций. Они в поэзии провозглашают идеи истины, добра и красоты, активно борются за эти идеалы. С творчеством Юсуфа Созарукова, Биляла Лайпанова и Кулины Салпагаровой наш журнал уже познакомил читателей и постарается еще вернуться к их поэзии.

В списке представляемых в номере поэтов мне хочется обратить внимание на имя поэтессы Байдымат Кечеруковой. Она активно работает в поэзии, особенно удачно ее песенное творчество. Она выпустила несколько книг для детей с нотами. Байдымат Кечерукова совершила беспрецедентный шаг в литературе, издав сборник детских песен с нотами сразу на трех языках: карачаевском, балкарском и ногайском. Этим опытом мы непременно воспользуемся при публикации литературных и фольклорных памятников наших народов.

Байдымат КЕЧЕРУКОВА

КОНФЕТКИ ИЗ ТУЧКИ

Ах, что за бусинки
Сыплются из тучки?!
Белые горошинки
Падают на ручки!

Град впервые видит
Доченька Мариям.
Думает, что можно
Градинки «ням-ням».

Их она поела —
Горло заболело...
Изо льда конфетки
Вы не ешьте, детки!

ВСТРЕЧА С МЕДВЕЖОНКОМ

В лес по ягоды пришли мы,
Ах, как много здесь малины!
Две — в лукошко, десять — в рот,
Развеселый мы народ!

В самой чаще оказались,
С медвежонком повстречались...
И со страху, вот беда,
Разбежались кто куда!

Мы лукошки побросали,
Их в лесу найдем едва ли.
Ой, какое невезенье —
Не видать теперь варенья!

Миша — тот не испугался,
На полянке он остался,
Из лукошек ест малину:
— Ну, оставь хоть половину!

Перевод Галины Усовой

Хусей КАКУШЕВ

* * *

Проснулся от нахлынувшего счастья
И удивился: что за чудеса?
Вдруг лист бумаги соскользнул случайно,
Что я минувшей ночью исписал.

Я взял его и стих новорожденный
Прочел, волнуясь... показалось мне,
Что некий тайный голос вдохновенно
Мне нашептал все это в тишине.

Исторглась мысль волшебной силой страсти
И на бумагу белую легла.
Рождение стиха рождает счастье.
И эта ночь счастливою была.

Перевод Тамары Кобзевой

Фатима БАЙРАМУКОВА

* * *

За днями дни проходят быстро годы
и в сердце оставляют четкий след.
Добры к одним, жестокие с другими,
лишь равнодушных не бывает лет.

Но в суете бегущих прочь мгновений
мы славим тех, кто жизни суть постиг
Среди надежд, ошибок и сомнений...
Миг длится — годы, годы — словно миг.

О, помнить бы: наступит час разлуки!
Пусть юность будет — непрерывный пир.
Как счастлив тот, кто без потерь, без муки
сумел понять себя и — целый мир.

*Перевод Игоря Елисеева*Мурат ДУДОВ

Из серии
«Прощание с Ленинградом»

Позеленели боги
От тревоги
На старом доме
С надписью чудной.
Рабы-атланты
На чужом пороге
Стоят, забыв
О стороне родной...

Чудак художник
Пишет спящий город,
Холст осветив
Своей беды огнем, —
Зачем же так?..
Ответил он не скоро:
«Мы все, мой друг,
Куда-нибудь уйдем». —
И замолчал.
И только кисть кричала,
Что жизнь, увы,
Нельзя начать сначала.

Отбрасывает тень на стену
висящий на гвозде кувшин —
то лунный луч, придя с вершин,
его наполнил сокровенно.

В стене не поржавеет гвоздь,
и нету трещин на кувшине.
Для сердца ты — желанный гость,
приди, как лунный свет — к вершине.

И снова тень отдаст стене
кувшин, наполненный луною.
Я верю — ты придешь ко мне
и не расстанешься со мною.

Перевод Натальи Аршиновой

Дина МАМЧУЕВА

МУЖЧИНА!

Так в древние бывало времена —
Заплачет беззащитная жена:
«Мужчина! Муж! Лишь в доблести твоей —
Спасенье жизни — нашей и детей!»
Вздыхнет старуха мать у очага:
«Мужчина, защити нас от врага!»
Наивно скажет маленькая дочь:
«Пусть папа всех врагов прогонит прочь!»
И сложит песнь о воинах поэт,
Отважнее которых в мире нет.
Кровь воина была ценой побед:
Солдат мог заслонить семью от бед,
Израненный, но все-таки живой
Он возвратиться мог с войны домой.
Да, было так когда-то...
Но теперь
Война — не просто кровожадный зверь,
Она способна океаном бед
Стереть с земли живого даже след:
И меч войны, коль будет обнажен,
Не пощадит ни матерей, ни жен,
И мира ненадежна тишина,
Недавно отгремевшая война
Страданий столько людям принесла...
Но снова прорастают злаки зла!
В единственном живущем из миров

У мира есть достаточно врагов.
 Поверженная смерть опять в седле
 Готова пронестись по всей Земле,
 Разжечь готова взрывами ракет
 Пожар на самой лучшей из планет.
 История в судьбе отражена:
 Планета-мать для ран обнажена.
 Мужчина!
 Занесен над миром меч,
 И только ты способен уберечь
 И Родину, и Землю, и Семью —
 В борьбе за мир будь смелым,
 Как в бою!

Перевод А. Тюрина

Хусей ДЖАУБАЕВ

ГОЛУБОЕ ВЕДРО

Сеет дождь через мелкое сито
 На дворе твоём ночью и днем.
 Голубое ведро позабыто
 И висит на заборе вверх дном.

Дождь поет, он покой навевает,
 Но покоя ему не дано.
 Он слезами ведро омывает,
 Но по-прежнему пусто оно.

Льется, льется любовь стратотерпца,
 Ничего он не знает о том,
 Что твое перевернуто сердце,
 Как ведро голубое, вверх дном.

Перевод Ю. Кузнецова

Азамат СУЮНЧЕВ

ГОРЫ МОИ — КОРНИ МОИ

Я люблю простор широкий
 И большие города.
 Но всему приходят сроки,
 Возвращаюсь в любовь сюда.

Здесь зеленые долины,
 Здесь хрустальные ключи,
 Белоснежные вершины
 Лечат душу, как врачи.

Чистый снег в горах искрится,
Бурно плещется река.
Здесь рождается, как птица,
Сокровенная строка.

Я сосну возьму в объятия,
Я прильну к ней, как к сестре,
Тополя — родные братья...
Лес подарит посох мне.

Мне утес подставит плечи,
Солнце — бубен золотой,
В небе южном звезды-свечи,
Как светло! Пляши и пой!

Чтоб строка, как скрипка, пела
Сердца радости и боль.
Я займу у пихт и елей
Вековую канифоль.

И стерплю друзей упреки:
— Как живешь в лесу, в горах?..
— Я живу здесь, слава богу,
Как столетник на корнях.

Перевод автора

Ахмат КУБАНОВ

О суеслов! Змею заклятую,
и ту с тобой не породним:
язык змеи разрублен надвое,
но корень у него один.
А ты в делах пошиба низкого
двумя корнями жить привык:
посеет зло и тут же выскажет
свое сочувствие язык.

*Перевод
Владимира Гордейчева*

Биял ЛАЙПАНОВ

ДЕРЕВО КАРАЧАЯ

Вот дерево зеленое
Над мертвой пустотой,
Терпением вознесенное —
Не хрупкой красотой.

Утесы обнаженные
Корнями захватив,
Ветрами обожженное,
Оно — как жизни взрыв

Могучее растение —
Не легкий стебель трав,
Законы тяготения
И гибели поправ.

Лишь право на дыхание
Завоевав себе,
Не ищет сострадания,
Не сдавшись злой судьбе.

Над пропастью подвешено,
Всегда напряжено,
Борясь со смертью бешено,
Почти летит оно!

Внизу ущелье тесное,
В нем дуют ветры злы.
Усилие телесное
Скрутило ствол в узлы.

Но, жизнью не обязано
Ни небу, ни земле,
Лишь со скалою связано
И предано скале.

Ветвями небо схвачено,
Внизу — обрыв стеной.
За каждый миг заплачено
Немыслимой ценой.

Когда в горах теперь его
Увидишь незначай —
Запомни это дерево...
Ведь это — Карачай!

Перевод А. Тюрина

Сквозь беду и бесправье...

На снимке: Открытие торжественного собрания в г. Черкесске, посвященного 50-летию депортации карачаевского народа. Собрание ведет председатель Совета Министров Карачаево-Черкесской Республики Владимир Исламович Хубиев.

В городах и селах Карачаево-Черкесии прошли массовые мероприятия, посвященные знаменательной дате. Траурными митингами, открытиями мемориалов жертвам геноцида, показом спектаклей о страшных днях карачаевского народа был отмечен этот необычный юбилей в нашей республике.

1-2 ноября в г. Карачаевске состоялась 2-ая Всероссийская научная конференция «Репрессированные народы: история и современность». Ее организаторами стали Верховный Совет и Совет Министров Карачаево-Черкесской Республики, Карачаево-Черкесский госу-

дарственный педагогический институт, Карачаево-Черкесский технологический институт и Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. На конференцию приехали ученые из всех регионов Северного Кавказа. Конференцию открыл председатель Совета Министров Карачаево-Черкесской Республики В. И. Хубиев. С основным докладом «50 лет депортации карачаевского народа» выступил ректор КЧГПИ доцент А. Д. Койчуев. В выступлениях доктора исторических наук, профессора Калмыцкого государственного университета В. Д. Убушаева, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника НИИ гуманитарных исследований Чеченской Республики Л. М. Паровой, доктора философских наук, профессора КБГУ С. И. Эфендиева, начальника Департамента по реабилитации депортированных народов при правительстве РФ И. И. Алиева и других был дан глубокий анализ сталинско-бериевскому акту произвола в отношении невинных народов.

После прослушивания докладов участники научной конференции разделились на пять секций. В работе секций вместе с видными учеными приняли участие аспиранты и студенты разных ВУЗов. На секциях рассматривались такие темы: «Вклад депортированных народов в победу Великой Отечественной войны», «Депортация народов — результат тоталитарного режима сталинской национальной политики», «Жизнь и труд депортированных в местах их поселения», «Проблемы полной реабилитации депортированных народов», «Тема депортации в литературе народов Российской Федерации». С обстоятельными сообщениями выступили профессора К. Т. Лайпанов, К. М. Текеев из Карачаевска, С. С. Агаширинова из ДГУ, И. Х. Ахматов и С. И. Эфендиев из КБГУ. Многие ученые на себе испытали тяготы бесчеловечного произвола, поэтому их научные исследования органично переплетались с личными воспоминаниями и доходили до самой глубины души собравшихся.

После завершения научно-практической конференции, 2-го ноября, в г. Черкесске в республиканском драматическом театре состоялось торжественное собрание, посвященное памятной трагической дате карачаевского народа. На собрание прибыли многочисленные делегации из Кабардино-Балкарии, Чеченской Республики, Ингушской Республики, Республики Калмыкия, Ставропольского и Краснодарского краев, Ростовской области, приехали немало почетных гостей из Москвы и других столиц СНГ.

С докладом «50 лет со дня депортации карачаевского народа» выступил Председатель Верховного Совета КЧР В. Н. Савельев.

На снимке: Открытие мемориала жертвам депортации в ауле Кумыш. Мемориал освящает отец Василий.

О ДЕПОРТАЦИИ КАРАЧАЕВСКОГО НАРОДА

После Октябрьской революции, 17 ноября 1920 г. по инициативе и под руководством Умара Алиева в составе Горской республики был образован Карачаевский округ с административным центром в г. Кисловодске. 12 января 1922 г. ВЦИК издал Декрет о создании объединенной Карачаево-Черкесской автономной области, напрямую входящей в РСФСР. 26 апреля 1926 г. она была разделена на две самостоятельные автономные единицы — Карачаевскую автономную область (КАО) и Черкесский национальный округ. Территория КАО составляла 11,4 тыс. кв. км, численность населения около 80 тыс.

В последующие годы Карачаевская автономная область добилась значительных успехов в развитии экономики, науки и культуры. И все это — несмотря на резкий спад животноводства и других отраслей народного хозяйства в результате гражданской войны, коллективизации, репрессий 37—38 гг., уничтоживших значительную часть народа, в том числе интеллигенции.

В этот период большими темпами развивалась сеть учреждений культуры, науки, народного образования, здравоохранения, издательского дела.

Широкое развитие получили шерстоваляльное производство, резьба по дереву, золотошвейный и другие художественные промыслы.

В довоенное время сформировалась карачаевская интеллигенция, выдвинулись крупные общественные и государственные деятели, ученые, просветители: У. Алиев, К. Курджиев, И. Хубиев, И. Тамбиев, Х. Аппаев, И. Каракотов, М. Урусов, А. Батчаев, А. Биджиев и другие.

Далеко за пределами Карачая звучали песни народных певцов-сказителей — К. Кочкарова, А. Джанибекова, И. Семенова.

Дальнейшее развитие экономики и культуры Карачая было прервано Великой Отечественной войной.

Свыше 15600 бойцов (или каждый пятый представитель карачаевского народа) сражались против фашизма, из них 9 тысяч, или 10% населения, погибли на фронте, 2 тысячи карачаевцев — женщин и мужчин — были мобилизованы на строительство оборонительных рубежей. (Книжное обозрение, 1989, № 40, с. 5.) По данным доктора исторических наук полковника Х. Ибрагимбеяли, к званию Героя Советского Союза были представлены 18 карачаевцев — их дела прошли штабы полков, дивизий и армий, но «осели» в канцеляриях фронтов по причине принадлежности бойцов к репрессированному народу, хотя при этом назывались другие, выдуманные причины. Только на территории Белоруссии действовали десять партизанских отрядов, созданных и возглавлявшихся командирами-карачаевцами А. Бархозовым, Ю. Хаиркизовым, А. Узденовым, Ю. Каракотовым, О. Касаевым и другими (Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1972, т. 2, с. 267). Многие

карачаевцы активно воевали против фашистов в составе партизанских отрядов на оккупированной территории области, показывая образцы героизма (З. Эркенова, И. Акбаев, И. Чомаев и др.), о чем говорилось в воззвании Ставропольского крайкома ВКП(б).

С большим патриотизмом карачаевцы отправляли на фронт лошадей, хлеб, мясо, теплую одежду, вязаные шерстяные вещи. Только за 1941 г. для нужд Красной Армии были направлены 6 вагонов подарков, 700 тыс. теплых вещей. Один Малокарачаевский район собрал и сдал в банк миллионы рублей на строительство двух эскадрилий боевых самолетов «Колхозник Карачая» и «Красный Карачай», за что получил благодарственную телеграмму от Верховного Главнокомандующего (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 43, д. 1756, л. 24).

За пять с половиной месяцев оккупации, с 12 августа 1942 г. по 18 января 1943 г., фашистские захватчики нанесли огромный урон народному хозяйству, принесли народам области неисчислимые страдания и горе. Они расстреляли и умертвили в газовых камерах свыше 6 тыс. граждан (газета «Красный Карачай», 1943, 23 апреля), уничтожили и вывезли 49% лошадей, 45% крупного рогатого скота, 69% овец и коз, 40% свиней от общего поголовья, свыше 23 тыс. птиц, разрушили 402 животноводческие фермы, 8 тыс. пчелосемей, промышленные предприятия (ГАКЧР, ф. р-581, оп. 1, д. 2, л. 73; «Красный Карачай», 1943, 23 апреля).

Патриотизм карачаевцев наглядно проявился и в период восстановления разрушенного войной хозяйства. Достаточно сказать, что уже к середине 1943 г., т. е. спустя 5 месяцев после освобождения Карачая, животноводческие фермы области были восстановлены на 99,1%. Особенно высоким был процент восстановленного скотопоголовья в колхозах Учкуланского района: по лошадям — 118%, крупному рогатому скоту — 101%, овцам и козам — 147%; в Малокарачаевском районе соответственно — 92%, 100%, 105%. Эти успехи во многом определяются тем, что карачаевцы перед приходом немецких частей приняли, по тайно составленным спискам, колхозный скот на хранение в свои подворья, а затем после изгнания фашистов полностью восстановили все колхозное скотопоголовье, в том числе и за счет своего собственного скота (ГА КЧССР, ф. р.-5816, оп. 1, д. 2, л. 73-74).

Проведение в жизнь целого ряда мероприятий по восстановлению разрушенного хозяйства позволило ко времени депортации карачаевцев полностью восстановить в области 71 колхоз с имеющимся в них наличием скота. При этом план продажи зерна и подсолнечника с учетом обменного фонда был выполнен колхозами на 103%, индивидуальными хозяйствами — на 110%, овощей и картофеля — на 101%. Было продано мяса и молока на 101%, индивидуальными хозяйствами — на 108% (ЦГАОР; ф. 9479, оп. 1, ед. хр. 137, л. 176-180).

18 апреля 1943 г. секретарь Преградненского РК ВКП(б) И. В. Самойлов писал первому секретарю обкома партии И. Щепину:

«...Карачаевское население проявляет большую активность в проведении всех мероприятий Советской власти, оно дружно работает в колхозах, а также принимает участие в общественной жизни» (ГА КЧССР, ф. 45, оп. 1, д. 91, л. 27).

Спустя три месяца после освобождения Ставрополя первый секретарь крайкома ВКП(б) М. Сулов информировал И. Сталина: «Трудящиеся Ставрополя... и Карачая в знак горячей любви к своей Отчизне, доблестной освободительнице — Красной Армии и безграничной преданности Вам... всю свою жизнь, все свои силы отдают на великое дело освобождения любимой Родины от чужеземных поработителей» (Ставропольская правда, 1943, 3.04).

12 октября 1943 г. , в глубокой тайне, был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Карачаевской автономной области и административном устройстве ее территории». В нем весь карачаевский народ был огульно обвинен в предательстве, в противодействии мероприятиям Советской власти и в других преступлениях. Предписывалось: «Всех карачаевцев, проживающих на территории области, переселить в другие районы СССР, а Карачаевскую автономную область ликвидировать»... Территория Карачая расчленялась и передавалась Грузии, Ставропольскому и Краснодарскому краям.

Указ не выдерживает критики с точки зрения исторической, юридической, нравственной.

ПЕРВОЕ. История человечества не знала подобного случая обвинения и наказания всего народа, ибо принцип коллективной ответственности недопустим, народ в целом не может быть субъектом преступления.

ВТОРОЕ. Упомянутый Указ противоречил международному праву и Конституции СССР. В нем были нарушены положения о государственно-территориальном устройстве, о закреплении за колхозами земель «навечно», о праве личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное хозяйство и т. д.

ТРЕТЬЕ. Указ противоречил принципам гуманизма и правам человека, так как им были растоптаны честь и достоинство каждого гражданина только из-за принадлежности к карачаевской национальности, а сам народ был поставлен на грань физического уничтожения.

Формальным поводом для принятия Указа и депортации народа являются обвинения в том, что «карачаевцы вели себя предательски, вступали в организованные немцами отряды для борьбы с Советской властью, предавали немцам честных граждан, сопровождали и показывали дорогу немецким войскам, наступающим через перевал на Закавказье, а после изгнания оккупантов противодействовали проводимым советскими властями мероприятиям, скрывали от органов власти бан-

дитов и заброшенных немцами агентов, оказывали им активную помощь».

Тщательное изучение актов государственных комиссий военного времени, материалов и документов центральных, краевых, областных архивов, публикаций в печати, многочисленных бесед с работниками партийных, советских органов, НКВД, прокуратуры, госбезопасности и другими гражданами, находившимися в период оккупации области на территории Карачая, показывает, что вышеуказанные обвинения являются вымышленными, беспочвенными, представляют собой грубую фальсификацию действительного положения дел.

Рамазан ТЕБУЕВ

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ДЕПОРТАЦИИ КАРАЧАЕВЦЕВ

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы, официальные ответы госорганов и сведения, опубликованные в печати, позволяют нам выделить три основные причины выселения карачаевцев.

1. Расширение этнической территории «исторической Грузии», чего Л. П. Берия не скрывал в беседе с первым секретарем Кабардино-Балкарской АССР Кумаховым: «Есть предложение передать район Эльбруса Грузии, ибо ... Грузия должна иметь оборонительный рубеж на северных склонах Кавказского хребта»¹. «Нет сомнения в том, — отмечалось на Российской научно-практической конференции «Репрессированные народы: история и современность», проходившей в г. Элисте 28-29 мая 1992 г., — что Сталин и Берия тайно мечтали о создании «Великой Иверии — от моря до моря». Вряд ли случайно то, что были высланы народы Северного Кавказа, сопредельные с Грузией, и большая часть территории упраздненных республик и областей отошла к Грузинской ССР»². Руководство Грузии не ограничивалось включением в состав республики той ее территории, которая была передана Грузинской ССР Указом Президиума Верховного Совета СССР. Она незаконно захватила отошедшие к Кабарде селение Верхний Баксан и земли в его районе. Несмотря на неоднократные обращения, эти земли были возвращены только после приезда балкарцев на историческую родину в 1957 году.

Территории высланных народов были не только присоединены к Грузии, но и неоднократно предпринимались попытки доказать исторически принадлежность присоединенных территорий к Грузии. Так, с начала 50-х годов некоторые грузинские лжеученые пытались научно обосновать, что, «территория исторического Карачая — это исконно грузинские земли... современная территория Клухорского (часть

бывшей КАО — Р. Т.) района (частично и соседних районов) не только испытало влияние картвельских племен, но и находилась в прошлом этнически в географических границах Грузии»³. Вопреки исторической правде, отдельные ученые из Академии наук СССР пытались доказать правомерность присоединения части территории Карачая и Балкарии к Грузии. Так, в 1952 г. ленинградский ученый Л. И. Лавров, обосновывая законность этого присоединения, заявлял, что в некую историческую эпоху часть Северного Кавказа, в первую очередь верховья реки Кубани и р. Баксана, были заселены сванами⁴. Другой ученый, П. Г. Акритас, выдавая желаемое за действительное, утверждал, что балкарцы и карачаевцы появились на Северном Кавказе только в 16-м веке⁵. Все эти лжеученые задним числом исторически обосновывали принадлежность к Грузии карачаевских и балкарских земель, которые были отторгнуты по воле Сталина и Берия. Здесь необходимо отметить, что за годы Советской власти границы внутри страны произвольно менялись очень часто. Однако никогда эти изменения не рассматривались с точки зрения этнической истории, т. е. не обосновывалась принадлежность этих территорий исторически тому или другому народу. Такие обоснования впервые были сделаны в отношении Грузии. И на присоединенных к Грузии территориях делалось все возможное, чтобы ничто не напоминало о проживании там других народов. Проводилась политика тотального уничтожения всего карачаевского, разрешалось заселение этих земель грузинами и сванами. Всем переселившимся из Грузии выделялись 1-5 га пахотной и 2-3 га сенокосной земли, тогда как другим советским гражданам полагалось по 0,15-0,20 га. Чтобы стереть все карачаевское, по-варварски уничтожались веками созданные материальные и духовные ценности. Зато вандалы XX века построили в Карачае два дома из надгробных плит усопших карачаевцев.

2. В книге «Серый Кардинал» авторы Р. Медведев и Д. Ермаков упоминают, что «Суслов играл не последнюю и весьма зловещую роль (в выселении карачаевцев — Р. Т.) в развернувшемся насилии. Он сыграл не только по долгу службы, но и по личной инициативе»⁶. Попытаемся раскрыть причины ненависти «Серого Кардинала» к карачаевскому народу. Будучи руководителем штаба краевого партизанского движения, М. А. Суслов находился не только за пределами дислокации партизан края, но даже и за пределами края — в г. Кизляре. И он практически не мог оперативно (с расстояния в 500 км) руководить партизанским движением в Карачае. В первые же дни прихода фашистов партизанские базы в Домбае, Архызе, Рожкао были захвачены. Ключевые горные проходы в Приэльбрусье, а также Ма-

хара и Санчара, фашисты заняли без сопротивления. В течение 12-15 дней (в августе) были заняты все населенные пункты и горные перевалы. За все это М. А. Суслов как руководитель штаба краевого партизанского движения должен был нести персональную ответственность. Вот здесь-то был сострянпан тезис о том, что местное население не поддержало партизан и предало их немцам. Спасая свою голову, как отмечают Р. Медведев и Д. Ермаков, «М. А. Суслов оказал посильную поддержку ведомству Л. П. Берия в сборе фальшивых обвинений и свидетельств преступлений карачаевцев против Советской власти. Была организована и пропагандистская кампания в поддержку вершимого насилия и произвола»⁷.

3. С первых лет Октябрьского переворота началась экспроприация богатства у карачаевцев. В 1906 г. в Карачае работала специальная комиссия по изучению земельного положения карачаевцев. По данным этой (Абрамовской) комиссии, 35-тысячный карачаевский народ имел 657,7 тысячи голов скота⁸. В целом карачаевское население на рынках Кавказа, Грузии и России реализовало животноводческую продукцию на сумму 3307369 рублей⁹. Близость Кавказских Минеральных Вод, железнодорожная связь с Россией, при большой товарности животноводства, делали карачаевский быт богатым и разнообразным. И это было «виной» карачаевского народа. Тысячи голов скота изымались у народа в пользу Красной Армии. Грабили карачаевцев деникинцы, шкуровцы, хвостиковцы и др. Грабили и те, кто, спасая свою шкуру в годы гражданской войны, через горы Карачая бежали за пределы России. В результате население с большим недоверием смотрело как на белых, так и на красных.

В конце 20-х, 30-х годов ко всему этому добавились раскулачивание, насильственное обобществление (коллективизация), принудительный труд, постоянные поборы, террор в отношении народа. Все это вызывало протест у карачаевского народа. И этот естественный протест народа против насилия, уничтожения национального богатства, духовной культуры в условиях сталинской тоталитарной системы квалифицировался властями как сопротивление существующей власти, и поэтому в числе обвинений против карачаевцев фигурировал тезис о неприятии карачаевским народом советской системы государственного управления.

Демократические преобразования в России дают нам возможность сказать всю правду о трагедии репрессированных народов в годы сталинско-бериевского произвола. Этот произвол может квалифицироваться только как геноцид. Античеловеческая акция сталинско-

бериевской клики, коммунистической партии в отношении балкарцев, ингушей, крымских татар, калмыков, карачаевцев, немцев, чеченцев и др. народов полностью подпадает под это понятие.

¹ Литературная газета, 17 мая 1969 г.

² Репрессированные народы: история и современность. Элиста, 1992, сс. 10, 23.

³ Зардашвили Т. К. К установлению некоторых географических наименований Клухорского района// «Известия Всесоюзного географического общества». Л., 1852, т. 84, вып. 3, с. 312.

⁴ Правда о выселении балкарцев. Нальчик, 1992, с. 234.

⁵ Там же.

⁶ Медведев Р., Ермолов Д. «Серый Кардинал» — Сулов М. А., политический портрет. М., 1992, с. 69.

⁷ Там же, с. 74.

⁸ Кубанский сборник, т. XIX. Екатеринодар, 1910, с. 362.

⁹ Там же, с. 322.

На снимке: Карачаевцы в Средней Азии, семья Созаруковых (из архива поэта Ю. Созарукова).

ПОЭТ АЗРЕТ АКБАЕВ — ДЕПУТАТ ГОСДУМЫ

Азрет Алиевич Акбаев родился в 1941 году в городе Теберде Карачаевского района. Образование высшее. В 1943 году семья Акбаева вместе с народом была депортирована в Казахстан. В том же году его

отец погиб в боях за Родину под Сталинградом. Азрет работал учителем, журналистом телерадиокомитета, руководил Урупской районной комсомольской организацией, последнее время был председателем Фонда культуры Карачаево-Черкесии. Азрет Акбаев является членом Союза писателей Российской Федерации. Он издал много поэтических сборников на карачаевском языке. Переводы его стихов печатались в издательствах Ставрополя, Нальчика, Москвы, Алматы, выпускались там отдельными книгами.

Абсолютным большинством голосовавшего населения Карачаево-Черкесской Республики Азрет Алиевич Акбаев избран депутатом Государственной Думы Российской Федерации.

Приурочивая к скорбной дате карачаевского народа, мы публикуем отрывок из его поэмы «Элия». Поэма о выселении готовится к изданию отдельной книгой.

Азрет АКБАЕВ

ЭЛИЯ* (из поэмы)

По-соседству стояли люди,
По-соседству стояли дети,
И стояли усталые матери
И беспомощные старики.
Я их помню, я всех их помню...
Оробевшие, изможденные,
Со слезами в глазах стояли.
И над нами, над нашими спинами,
Над плечами отягощенными,
Над склоненными головами
Длиннокрылою черной птицей
Бесконечно кружило горе.
Опускалось все ниже, ниже
И крылами нас задевало.
И я видел, я это видел:
Даже бороды аксакалов,

* Элия — молния.

Белоснежные и густые,
Вдруг подернулись черной, тонкой
Горькой траурной каймой.
Сколько наших людей погибли
От болезней и от печали
В этих траурных эшелонах,
Что в изгнание нас увозили.
Много нас полегло вдоль рельсов
В землю наших бескрайних странствий,
Дочерей, сынов Карачая —
Дочерей и сынов Кавказа.
Даже трупы не хоронили,
Нам на это сил не хватало.
На земле, промерзлой и голой,
Кое-как нагребали холмик,
Чтоб едва прикрыть могилу...
Оскорбленные и убитые
Оставались лежать под ветром
Наши братья и наши сестры,
Наши дети и аксакалы.

Мать
кого-то звала на помощь
И кого-то вновь проклинала!
И царапала с диким криком,
Заливала лицо свое кровью...
Было... Было! С ума сходили
От великой беды народной!
И с растрепанными волосами
По пустынной земле метались
Наши матери, наши сестры,
Дочки Горного Карачая,
Наши мученицы святые.
И сегодня на тех дорогах
Я хочу, я мечтаю видеть
Нашу женщину, мать-горянку,
Сотворенную из гранита,
В бесконечно скорбящей позе
По безвинно погибшим детям,
Детям горного Карачая.
И пока мы живем и дышим,
В нашем сердце вскипают слезы,
Наши души тревожит память,
Память сумрачных лет жестоких,
Черных лет, когда в колыбели
Погибал младенец невинный.

* * *

И девчонки рано выросли.
И мальчишки рано выросли,

И в работу они впрягались
С девяти малых лет от роду...
И в одиннадцать лет мальчишка
Оставался лихой порою
Самым старшим в семье мужчиной.
Как мы тяжко с нуждою бились,
Выцарапывались из горя,
Из худой нищеты голодной.
Каждый мальчик, каждый ребенок
В те года сжимался пружиной,
И рукам прибавлялось силы,
И сердцам прибавлялось жизни.
А лихое, крутое время
Добавляло и добавляло
Бесконечной горечи капли,
Неумолимо переполняя
Этой горечью чашу жизни.
Мы еще детишками были,
Но уже до конца познали
Боль и голод, и унижение,
И порою жестокой смерти
Мы, детишки, в глаза смотрели.
Нашим детским сердцам усталым
Каждый день наносились раны.
«Вы — изменники! Вы — бандиты!» —
Слышал я многократно это.
Это дьяволы изрекали,
Бесы в образе человечьем,
Грязь бросали в глаза ребенку,
И глаза наполнялись болью.
В наших душах переселенцев
И в мозгах заплелись дороги,
Заплелись угрозы, проклятья,
Незаслуженное презренье.
«Карачаевцы не бандиты,
Не предатели!.. Вы поверьте...
Вы послушайте... Вы поймите...» —
Мы просили тогда защиты.
И людские души теплели,
И простые добрые люди
Нам тепло сердец отдавали.
Но судьба народов решалась
Там, в высоких и грозных креслах,
В тишине больших кабинетов,
Выносились там приговоры.
И лихого деспота слово
Поднималось мечом тяжелым
И сверкало над головою
Обессиленного народа.
И в далекой Азии горцы

Жили в низких, сырых землянках,
 От рассвета и до заката
 Занимались трудом тяжелым,
 Старики и женщины, дети
 Не ломались во тьме кромешной,
 Не отказывались от веры,
 Свято верили в избавление,
 В человеческий светлый разум.

Перевод с карачаевского

Ислам ЧОТЧАЕВ,
ветеран войны и труда.

КАРАЧАЕВЦЫ НА РОДИНЕ

9 января 1957 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о восстановлении автономии карачаевского народа, по которому Черкесская автономная область преобразовалась в Карачаево-Черкесскую АО в составе Ставропольского края. Восстановление Карачаевской АО было нецелесообразным по нескольким причинам. Во-первых, она в то время оказалась до основания разрушенной и разграбленной. Во-вторых, отсутствовали национальные руководящие кадры, которые могли бы возглавить область. К тому же нужно было полностью наладить коммунальное, транспортное хозяйство.

Таким образом, образование Карачаево-Черкесской автономной области в то время было единственно правильным решением. Оно ставило в равное положение и другие ее народы: черкесов, абазин, ногайцев.

Возвращение карачаевцев на свою историческую родину стало не только политическим событием. Оно было и необходимым условием полной его реабилитации и прежде всего возрождения его культуры, наук, подготовки национальных кадров. Вскоре обком партии назначил заместителем заведующего одного из его отделов Р. Алиева, заведующими отделами — Б. Караева, И. Чотчаева и А. Эбзеева. Были созданы комиссии по приему и размещению возвращавшихся переселенцев, разработан план по размещению карачаевцев на постоянное место жительства. И надо сказать, что план этот был выполнен, несмотря на попытки отдельных районных и хозяйственных руководителей воспрепятствовать ему.

Уполномоченный областными организациями М. Акбаев сумел блестяще организовать возвращение карачаевского населения из Средней Азии и Казахстана. Карачаевцы привезли оттуда много скота, зерно, сахар, другую продукцию, которую потом продавали на рынке, что способствовало оживлению торговли, а значит, и процветанию обла-

сти. Правительство страны выделило на строительство жилья, хозяйственных построек, школ и больниц 310 тысяч кубометров леса, 19 млн. листов шифера, 400 тонн кровельного железа, 1800 тонн гвоздей и другие стройматериалы. Впоследствии были выделены дополнительно еще 15 процентов от этого количества материалов, а кроме того — 122,9 млн. рублей на бытовое и хозяйственное строительство.

Область в исторически короткий срок заняла одно из первых мест по выполнению государственных планов и экономическому потенциалу среди автономных образований благодаря энтузиазму и трудовой активности карачаевцев и других народов. Это не очень устраивало Сулова, по чьей вине карачаевский народ был депортирован в 1943 году. Боясь установления этой вины, Сулов договорился с руководством Ставропольского крайкома КПСС скрыть от народа Указ ПВС СССР о восстановлении карачаевской автономии и вести старую политику в отношении его. И вот уже, вопреки решениям XX съезда КПСС и упомянутому указу, с их подачи подтверждается мысль, что карачаевцы были высланы правильно и возвращение их на Кавказ является лишь гуманным шагом со стороны КПСС и правительства, что карачаевцы не реабилитированы, а амнистированы.

Больше того, идет антикарачаевская пропаганда, результатом которой стали IV пленум обкома КПСС (1974 г.) и III пленум (1981 г.), на которых карачаевский народ обвинили в тяжких грехах. По такому же сценарию проводились пленумы горкомов и райкомов, собрания первичных парторганизаций. Тех, кто не соглашался с их решениями, исключали из партии. Такая участь постигла А. Кубанова, других карачаевцев.

После пленума партийные органы запустили идеологическую машину на полный ход. Работала она в одном направлении — оклеветать, оговорить карачаевский народ. Увы, за этой пропагандой стояли и органы безопасности, и органы внутренних дел. Утверждалось, что карачаевцы подарили Гитлеру коня. Карачаевцам приписывался расстрел эвакуированных детей возле аула Н. Теберда. Наконец, приписали существование 650 бандитов в 65 аулах области.

Но в Карачае всего-то было 42 аула. В каждом из них находились сынки богатых людей, эксплуатировавших чужой труд, да дезертиры, как, впрочем, и среди других национальностей, но их были единицы. Так на карачаевский народ, вернувшийся на историческую родину, обрушился поток фальши и клеветы политической окраски. Травля эта шла более 30 лет. Да только ли травля? Нарушался и принцип подбора кадров.

С 1979 по 1989 гг. были отстранены от партийного, советского и хозяйственного руководства 150 карачаевцев. Неофициально им запрещалось занимать посты первых секретарей в парторганах,

руководителей правоохранительных органов, прокуратуры, суда, ведущих отделов управления сельского хозяйства и т. д.

Как правило, должности эти занимали люди, присланные крайкомом КПСС, хотя они не знали ни обычаев, ни традиций коренного местного населения. На эти должности не допускались и представители русского народа, проживавшего давно в области. Я уже не говорю о женщинах-карачаевках: ни одна из них не была выдвинута на руководящую должность.

Талантливому карачаевскому художнику Х. Крымшамхалову, впоследствии народному художнику КБР, было отказано в трудоустройстве у себя на родине, и он был вынужден работать за ее пределами. Таких примеров можно привести немало.

А разве можно считать справедливым, что интересы интеллигенции, рабочих, колхозников (карачаевцев) постоянно ущемлялись при представлении их к наградам и почетным званиям. Если в условиях депортации звания Героя Социалистического Труда были удостоены три карачаевца, то и за 35 лет после возвращения на родину это звание получили также трое. Производственные коллективы неоднократно представляли заведующую МТФ совхоза «Учкекенский» Х. Кубанову, чабана колхоза «Ильичевский» Х. Гочияева, дояра совхоза «Красновосточный» М. Биджиева и других, достигших высоких показателей, к званию Героя Социалистического Труда, но безуспешно.

Только за одиннадцатую пятилетку в области были награждены орденами и медалями 624 человека, в том числе 122 карачаевца, или 19 процентов от числа награжденных. По расчетам республиканской комиссии по реабилитации карачаевского народа, свыше 500 карачаевцев не получили соответствующих положенных наград из-за принадлежности к репрессированному народу.

Публикации провокационных статей в газетах, выпуск таких, как «Именем ВЧК», противопоставление карачаевцев другим народам и его дискриминация крайкомом и обкомом КПСС — таково было на деле осуществление национальной политики и выполнение решений XX съезда КПСС и Указа ПВС СССР от 9 января 1957 года. О каких правах можно было вести речь?

Не оставались в покое и личная жизнь, быт карачаевцев. Кто что делает? Где бывает? За счет чего живет? Как проводит свадьбу и похороны? Сколько человек на них присутствует, в том числе коммунистов и комсомольцев? Это иногда доходило до абсурда. Проводились незаконные обыски и конфискация имущества без санкции прокурора и решения суда.

А чего стоит организованная обкомом установка небезызвестного памятника детям вблизи Н. Теберды, якобы погибшим от рук карачаевцев. И это-то на трассе международного туризма: чтобы

приехавшие сюда люди могли услышать рассказ о карачаевцах-детоубийцах.

И все же, несмотря на весь трагизм своего положения, карачаевцы сумели сохранить чувство национального достоинства и патриотизма, преданность родине, стремление жить в мире и согласии с другими народами. Это о них написал в 1854 году великий россиянин Лев Толстой: «Карачай — нейтральный народ, живущий у подошвы Эльбруса, отличается, своей верностью, красотой и храбростью.»

Известный декабрист В. Якубович, служивший в царской армии в период Кавказской войны, неоднократно посещал место проживания карачаевцев. Он писал: «Карачаевцы умеют проявить мужество, храбрость, честность, трудолюбие, гостеприимство, любить родной край».

В период перестройки и гласности стало возможным создавать общественные организации, открыто говорить слово в защиту своего народа. Так возникло общество «Джамагъат», которое возглавили А. Урусов (председатель), А. Кубанов, И. Алиев, А. Эбзеев и другие. Они провели проверку архивных документов ВС СССР от 9 января 1957 года, собрали свидетельские показания очевидцев, доказали несостоятельность предъявленных карачаевскому народу нелепых обвинений в предательстве в период временной оккупации территорий области немецкой армией. «Джамагъат» активно боролся с бюрократической верхушкой крайкома, обкома партии. Членам общества удалось найти упрятанный Указ ПВС СССР о восстановлении карачаевской автономии, который стал теперь достоянием народа, добиться исправления многих незаконных акций и провести два съезда карачаевского народа совместно с представителями братских народов.

«Джамагъат» способствовал проведению всенародного опроса населения Карачаево-Черкесской Республики, что спасло всех нас от возможных катастрофических потрясений в наше тяжелое время. Неоценимую работу провела республиканская комиссия по реабилитации карачаевского народа: она собрала все необходимые документы и доказала полную невиновность карачаевского народа и несостоятельность предъявленных ему многочисленных обвинений.

Братские народы — русский, черкесский, абазинский, ногайский и другие, хотя и сочувствовали карачаевцам, но не могли ранее выступить открыто против всесильной верхушки тоталитарного режима.

В настоящее время мы налаживаем новые взаимоотношения со всеми народами нашей многонациональной республики, как равные партнеры во всех сферах жизни. Это в наших общих интересах.

(«День республики», 1993 г.)

И
Н
Т
Е
Р
В
Ь
Ю

*Как ни печально,
«СМУТНЫМ ВРЕМЕНЕМ»
Зовутся нынешние дни,
Но будем верить
тем не менее,
Что станут ясными они.*

Уважаемый Магомет Хусеевич!

Это четверостишие я написал в октябре-90 в Черкесске, когда работал над сценарием фильма «Круглая дата с острыми углами», посвященного 70-летию юбилею Карачаево-Черкесской АО.

Верю: такие люди, как Вы, сделают все, чтобы финальные строки сбылись как можно скорее.

«ГЛАВНОЕ — ЕДИНСТВО»

С президентом Ассоциации народов Кавказа Магометом Хусеевичем Байрамуковым беседует журналист Евгений Головкин, автор сценария документального фильма «Круглая дата с острыми углами», посвященного Карачаево-Черкесии.

— Уважаемый Магомет Хусеевич, начнем издалека?

— Я родился в том самом победном, сорок пятом году, но не на земле своих предков, а в Киргизии, в селе Сосновка. Как известно, наш карачаевский народ во время Великой Отечественной войны был незаконно репрессирован. Так что не пришлось мне в самом раннем детстве восхититься красотой гор Кавказа. А увидел я их уже двенадцатилетним мальчишкой, когда наша семья вернулась из Средней Азии в

Карачаево-Черкесию. Быстро пролетели школьные годы. Потом учеба в знаменитой Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

— И какими были Ваши первые шаги по окончании «Тимирязевки»?

— Наверное, мне грех жаловаться на распределение: в 1970 году стал я работать старшим инженером управления тепличного овощеводства Министерства сельского хозяйства СССР.

— Выходит, агроном переквалифицировался в строителя?

— В то время задела меня, как говорится, за живое одна идея. Короче говоря, начал готовить технико-экономические обоснования крупнейшего в Европе тепличного комбината в Карачаево-Черкесии. Мои выкладки дошли до Дмитрия Степановича Полянского, союзного министра сельского хозяйства.

— Они были одобрены министром?

— Иначе не довелось бы мне со своими расчетами быть принятым Председателем Совета Министров СССР Алексеем Николаевичем Косыгиным. Он внимательно выслушал меня, позвонил по телефону председателю Мосгорисполкома Владимиру Федоровичу Промыслову и сказал: «Рядом со мной сидит парень, который много обещает. Я подписываю постановление Совмина о строительстве тепличного комбината для реализации продовольственной программы Москвы. Надо этого парня привлечь как специалиста».

— Представляю, каким окрыленным Вы вышли из высокого кабинета.

— Окрыленный-то окрыленный, но ведь обещания «парню», т. е. мне, надо было выполнять. Начал я работать в Главном управлении капитального строительства Мосгорисполкома, а в 1977 году мне доверили руководство управлением капитального строительства тепличных комбинатов Мосгорисполкома. Через два года новая должность: директор объединенной дирекции тепличного комбината «Южный».

— Как Вас встретили земляки?

— Мои отношения с местными властями в Карачаево-Черкесии, если откровенно, трудно было назвать безоблачными. И сейчас удивляюсь, откуда только у тех руководителей брались бесконечные придирки и стремление к мелочной, а то и жесткой опеке. Когда меня спрашивали о том, помогают ли партийные органы, я всегда отвечал так: «Лишь бы не мешали». Мое «свободолюбие» стоило мне расставания с партбилетом, правда, всего лишь на три месяца.

— Итак, в Москве Вы получили поддержку со стороны самого члена Политбюро ЦК КПСС и других высоких должностных лиц, а вот в родных краях...

— Не будем ворошить прошлое, но до сих пор с благодарностью вспоминаю оказавших мне реальное содействие первого секретаря Мо-

сковского городского комитета КПСС Виктора Васильевича Гришина, уже упомянутого Владимира Федоровича Промыслова и начальника главного управления капитального строительства Мосгорисполкома Ивана Михайловича Болтовского. За счет бюджета Москвы в поселке комбината были построены несколько жилых домов, детский сад, больница, торговый центр.

Когда «Южный» стал, что называется, на ноги, мне была предоставлена работа в качестве заместителя начальника объединения «Москапстройкомплект». В дальнейшем работал заместителем, а затем и начальником главка Министерства жилищно-коммунального хозяйства РСФСР.

— Очевидно, Вы всегда ставили перед собой самые высокие цели...

— Этапным для себя считаю 1989 год: именно тогда было образовано Всесоюзное объединение кооперативов, на базе которого родилось межотраслевое научно-промышленное объединение «Прогресс». Не скрою, горжусь тем, что имею честь быть его генеральным директором. Задачей этой, как мне кажется, достаточно мощной структуры является внедрение достижений науки и техники в народное хозяйство Отечества.

— К тому же Вы имеете честь быть и Президентом Ассоциации народов Кавказа. Нельзя ли рассказать о ней поподробней?

— Ассоциация народов Кавказа была создана депутатами Верховных Советов СССР и РСФСР региона Северного Кавказа как общественная организация в 1991 году. Через два года Ассоциация перерегистрировалась, получив при этом производственно-экономический статус. Являясь ее президентом, считаю, что эта организация должна обратить особое внимание на возрождение традиционных национальных промыслов, на сельскохозяйственное, промышленное, строительное и перерабатывающее производство. Думается, Ассоциация примет действенное участие в разработке и реализации программ социально-экономического развития региона Северного Кавказа, его политической стабилизации, проводя самую эффективную пропагандистскую работу по созданию единого экономического пространства Северного Кавказа как составной части Российской Федерации. Ассоциация является основным учредителем экономического сообщества «Кавказ».

— В наши дни много и справедливо говорят об упадке российской культуры. Что делает Ассоциация народов Кавказа для того, чтобы в какой-то мере устранить эту несправедливость?

— В честь избрания I-го Президента России Ассоциация создала симфонический оркестр «Россия» под управлением народной артистки

СССР Вероники Дударовой, несколько вокально-инструментальных и танцевальных ансамблей на Северном Кавказе. Ассоциация уже третий год издает журнал «Эхо Кавказа», выпустила альбом «космической» художницы Валентины Васильевой, финансировала подготовку полнометражного художественного фильма «Холод» о геноциде против целого народа, получившего первый приз на международном киносоревновании в 1992 году в Карловых Варах. Назову еще несколько добрых дел Ассоциации: строительство большой мечети в г. Карачаевске, а также возведение других мечетей и христианских храмов, разнообразная благотворительная деятельность с выделением значительных средств на ликвидацию последствий стихийных бедствий, на поддержку талантливых мастеров искусств.

— Магомет Хусеевич, очевидно, читателям журнала будет интересно познакомиться с некоторыми Вашими размышлениями относительно различных аспектов российской жизни.

— Нельзя без острой душевной боли воспринимать кровь, льющуюся на благословенной земле Азербайджана, Армении, Грузии. Не может не насторожить деятельность Конфедерации горских народов, если она так и не сумела помирить ингушей и осетин. Мой карачаевский народ в свое время жестоко пострадал. Я этого никогда не забуду. Но ведь нельзя жить лишь обидами прошлого.

Особенно тревожит меня усердно разжигаемый определенными кругами национализм. Его «вдохновители» забыли очевидную истину: «Из искры возгорится пламя». У нас пылают националистические пожары, мы суетимся по поводу создания территориальных границ, тогда как весь цивилизованный мир, напротив, стремится к объединению.

Нужно энергичное вмешательство в неблагоприятные политические события — иначе добром они не закончатся. Поменьше хныканья и громких лозунгов. Среди нас много критикующих семьдесят лет в истории Отечества, но забывающих о том, сколько наломано дров за последние пять лет.

— В чем Вы видите выход из нелегкой ситуации, в которой ныне оказалась Россия? Я имею в виду как политику, так и экономику.

— При нынешней политической неразберихе главное — экономика, поднятие жизненного уровня людей. Не зря же говорят, что сытый волк не станет нападать.

Сегодня все люди в России равны в экономическом отношении. Кругом непочатый край работы. Так что полоса шумных и бесполезных митингов должна исчезнуть. Главное — единство всех.

В нынешнее нелегкое время нельзя забывать о тех, кто слабо защищен от всевозможных передряг, свалившихся на многих из нас. Так что пусть процветает благотворительность, благотворительность и еще раз благотворительность! Но будем учитывать и такое немаловажное

обстоятельство, как содействие тем, кто в первую очередь может заниматься благотворительностью. Разумеется, речь идет о предпринимателях. И содействие это заключается прежде всего в цивилизованной налоговой политике. К сожалению, сейчас она в России далека, мягко говоря, от идеала. Я, например, думаю, что налоговые сборы не должны превышать тридцатипроцентную планку. А лучше всего остановиться на 20%. И в то же время при разумной налоговой политике надо обязать бизнесменов бескорыстно построить, скажем, школу или больницу.

В Италии, насколько мне известно, Союз кооператоров дает третью часть национального дохода. Но все члены этой солидной организации освобождены от налогов — вот пример, достойный для подражания.

— С молодых лет Вы уверенно продвигаетесь по служебной лестнице. Нет ли у Вас какого-то секрета столь удачной, на мой взгляд, карьеры?

— В любой деятельности нельзя продвинуться ни на один шаг без элементарной внутренней культуры. Проявляется она в том числе хотя бы в тоне внутренней культуры. Проявляется она в том числе хотя бы в тоне «руководящего» голоса. Иван Михайлович Болтовский, о котором я сегодня говорил, любил повторять: «Если бы все умение начальника состояло лишь в громком голосе, то лучшим создателем был бы ишак». Я бы дополнил это меткое наблюдение вот такой мыслью: чрезмерно нервные люди не имеют права быть руководителями.

Не дает покоя и другая мысль. Руководители любого ранга — в первую очередь это относится к президентам и премьер-министрам республик, входящих в состав России, не говоря уже о самых высших должностных лицах — должны нести уголовную ответственность за невыполнение своих программных обещаний, что оборачивается обменом целых народов. А ведь многим обещалкиным зачастую удается безнаказанно уходить с проваленных постов. Грустной эпохе демагогии и болтовни пора кануть в Лету.

— Мне только остается пожелать успешной реализации всего, что намечено Вами и Вашими сотрудниками.

— Спасибо.

От редакции: во время выхода журнала мы узнали радостную весть и поздравляем Магомеда Хусеевича с избранием наказным атаманом народов Кавказа Великого братства казачьих войск и присвоением ему чина генерал-майора.

В 1985 году Зинхара Хабичева-Боташева выпустила книгу «Озарение души» о жизни выдающегося сына карачаевского народа Ислама Крымшамхалова (1864-1910 гг.), одного из просвещеннейших людей своего времени, владевшего несколькими языками, глубоко разбиравшегося в вопросах изобразительного и музыкального искусства, литературы, поэта и художника. Ислам Крымшамхалов был другом выдающегося осетинского поэта К. Хетагурова, известного русского художника Н. А. Ярошенко. В его доме в Теберде бывали А. И. Куинджи, А. М. Васнецов, Н. Н. Дубовьской, С. И. Танеев и другие художники, композиторы, теоретики искусства.

С большим удовольствием предлагаем читателям «Половецкой луны» отрывок из этой книги. (З. Хабичева-Боташева. Озарение души. Картины жизни Ислама Крымшамхалова. Черкесск, 1985 г.)

Зинхара ХАБИЧЕВА-БОТАШЕВА

«ТЫ СВЯТОЙ, МОЙ НАРОД!»

Солнце уже зашло за горы, его косые лучи последний раз осветили могилу и группу людей возле и исчезли. Снег уже не сверкал и горы стали как-то выше, суровее, будто ближе подступили и думают свою вечную думу. А люди все еще стоят в глубокой задумчивости.

По лицу старого Мисоста — друга покойного — катились слезы, но он не замечал их, он переводил глаза с могилы на живых и думал: «К чему люди мечутся, топчя друг друга из-за пустяков, хлопочут весь век о наживе, когда все кончится вот этой могилой?» Он всматривался в лицо поодаль стоящего старика — врага его... Этот старик при жизни Ислама старался во всем вредить ему, а теперь смерть всех примирила, и он вместе с другими сельчанами работал над могилой.

Магомат не сомневался, что завтра он примется за свои прежние дела, и не раз, может быть, со злорадным чувством вспомнит, что Ислама нет уже, но сейчас лицо его задумчиво и грустно.

«К чему ссора, вражда и ненависть. Не одно ли нужно и важно в этой короткой жизни: доброе отношение друг к другу, общая работа во имя любви», — думал старый Мисост*...

— Люди! — звучный голос Ахмата Байрамукова вывел Мисоста и других из печальной задумчивости. — Ушел от нас Ислам. Я чувствую себя нищим. Мне кажется, что вырвана одна из лучших страниц истории нашего народа. Когда еще время создаст подобного гиганта, в котором были бы сконцентрированы все лучшие черты, характерные для человека незаурядного? Невозможно, трудно, больно примириться со случившимся. Нужно укрепить его память на земле. Это будет необходимо не только потомкам, но и нам самим. Наш долг и перед собой оставить память о факелоносцах народа.

Потом говорил Кондратьев.

— Как жаль, что во время жизни мы не всегда успеваем сказать друг другу ласковые и признательные слова. И вот, когда потеряем,

* Из архива Х. Б. Крымшамхалова, племянника Ислама.

слова рвутся из горла на волю, словно птицы. Народ, который может оценить своих героев, — это великий народ. При жизни Ислама многие вредили ему. Его называли гяуром, утопистом, фантастом. Смешно и горько было ему это слышать. Что смешного в том, что он мечтал о равенстве и справедливости на земле, что смешного в том, что человека он считал самым гуманным существом на свете, способным на большие духовные подвиги?!

Кондратьева сменил Аппа Джанибеков:

— Если мы научимся ценить свою культуру, ее носителей — значит мы начнем путь восхождения к вершинам мировой культуры. В истории нашего народа нет другого имени, которое бы сделало для нас столько, сколько имя Ислама. Вся его жизнь была подвигом во имя процветания горской культуры!

Мисост Акбаев сказал:

— Я не встречал более совестливого человека. Он никогда не говорил о своем происхождении. Простота и величие были свойственны ему. Сердцем и умом он был выше всех нас.

Из толпы выступил Кязим Мечиев.

— Для Балкарии смерть Ислама Крымшамхалова невосполнимая потеря. Балкария плачет, когда плачет Карачай, и радуется, если у вас радость. Мы два народа, как две вершины Эльбруса — всегда и неразрывно вместе. Однако мне лучше сказать стихами. Стихи я написал Исламу десять лет назад. Но он попросил меня, чтобы я никому не говорил, что посвятил их ему. И вот сейчас я считаю своим долгом сказать вам всем об этом.

Кязим стал читать стихи:

Не стремящиеся заковать народ в цепи,
Умеющие честью его дорожить.
Неправого осудив, на верный путь ставящие, —
Такие предводители нам нужны!

Ища путь облегчения для народа,
Вперед глядя, верно его ведущие.
В интересах крестьян: справедливые, —
Такие предводители нам нужны!

Подняв людей на доброе дело,
Бережно к ним относящиеся.
Свет радости дарящие людям, —
Такие предводители нам нужны!

Заботами мирными отягощенные,
Не грехи, а добрые дела творящие,
Готовые покинуть свет, не угнетая батраков, —
Такие предводители нам нужны!

Чуждые разделению людей на рабов и узденей,
Умеющие верно рассудить споры,
Уступить место умеющим лучшим, —
Такие предводители нам нужны!

Веры народной достойные,
Язык народа знающие богатый,
Не омрачающие дни наши, —
Такие предводители нам нужны!

Женщины во дворе дома Ислама сидели в ожидании тех, кто посхал на кладбище. Раздавали вещи Ислама — так положено по обычаю. Сафият выносила картины. К ней подошла Мария Николаевна.

— Простите, Сафият. Не надо раздавать картины. Берегите их.

Сафият ничего не сказала и ушла в дом. Мария Александровна беспомощно оглянулась. Вокруг Таукоз собрались люди и она что-то рассказывала. Мария направилась туда.

...С кладбища все возвращались молчаливые, грустные. И в тишине раздался детский голос:

— Смотрите на небо! Смотрите! Люди-птицы!

Все подняли головы. Над Джамагатским кладбищем парили на самодельных крыльях два человека. Это были ученики Джумарыка.

Вернувшись с похорон Ислама, Ахмат Байрамуков вспомнил о тетрадах, которые передала ему в Ялте Наталья Николаевна. Он достал эти тетради, бережно положил их перед собой, открыл обложку первой.

Это отрывочные дневниковые записи. Написанные разными чернилами и, видимо, в разное время — в Петербурге, Москве и дома в Карачае. Они были коротки, лаконичны. Даты нигде не значились. Сразу было видно — человек делал заметки для себя, для памяти, как откровение души.

Ахмат углубился в чтение.

«Вот и снова я в Москве. Чувствую себя хорошо, исполнен желания писать и писать. Знакомств стараюсь избегать, понимаю, как мало у меня времени и как много надо сделать. Решил вести краткий дневник. Только книги, театр, выставки — сознательно отказываюсь от всяческих развлечений — работа и творчество. Дома — котом подходит к горлу, если я не брал кисть в руки; ложился в постель и рядом клал бумагу и карандаш, чтобы утолить жажду творчества — здесь то же самое.

Единственное, от чего я не мог отказаться — это от писем родным и друзьям — это слишком много для меня. Друзья связывают меня с родиной, а не думать о ней я не могу. Я живу для нее, дышу для нее, люблю ее и преклоняюсь перед нею»...

«Мой народ! Ты невелик, как многие на этой земле, и велик, как все на ней. Ты горд и гостеприимен, ты добр и чист, ничьи земли ты не делил, ничьих детей ты не сиротил. Ты святой, мой народ! А если и есть в тебе такие, то не для них красота общения, убоги они и невежественны, не умеет их лицо сиять радостью блаженства. Они заметны сразу. Я пою тем, которые полны любовью к миру, справедливости».

«С утра еще не выходил из дому. Обычно я так и делаю: даже не одевшись, сажусь за мольберт. Пишу или читаю. Кстати, я много приобрел здесь книг. Это мои друзья... Они ничего не отнимают — только дают».

«Нечаянно забрел на окраину города. Было тихо, даже не хотелось уходить из такого спокойного места. Смотрел, как заходит солнце. Вспомнилось, как заходит солнце у нас в горах».

«Шел сегодня по Арбату, думал о своем, когда увидел идущих мне навстречу горцев. Сердце защемило. А когда услышал их гортанную речь, слезы подступили к горлу. Сегодня у меня праздник!»

«Я думаю о талантливости, одаренности своего народа. Сколько веков молчали художники, молчали, ждали своего часа. Представляю, что будет, когда вырвется наружу все, что силой сдерживалось! Это будет подобно водной стихии, прорвавшей плотину».

Фольклор — это образ народа, его душа. В нем хранится все лучшее и вечное. Народный символ прекрасного никогда не стареет.

Нравственное совершенствование нации надо начинать с истоков Искусства. Стремление к совершенствованию — основа существования народа. Я вместе с друзьями нес факел просвещения. Мы высоко-высоко поднимаем этот огонь, чтобы он был виден издали. Спешите за нами, юные, догоните нас, обгоните! Мы хотим видеть вас впереди себя! Мой солнцем коронованный край, мой Карачай!...»

* * *

«Одиночество — это плачущий светом фонарь в день дождливый. Это лодка, забытая на середине озера, по которой хлещет долгий дождь. Это невозможность слышать женщину, что живет в твоём доме...»

* * *

«Шел дождь. Я уезжал из Теберды. Неподалеку от тропинки увидел дочь Мисоста — Сафият — стройную и юную, куда-то спешащую. И так мне стало хорошо и печально. Любимая прошла мимо меня...»

* * *

«Ездил в Петербург на несколько дней. Излазил Эрмитаж и музей Александра III. Чего там только нет! Соскучился о картинах. Ходил по залам до закрытия.

Я заметил, что во всех великих произведениях искусства сочетается боль и красота.

Мне так много надо сказать людям».

* * *

«Живопись — великая сила! Это такая радость! Я знаю настоящую живопись, я много видел, чувствовал и пережил. Я знаю теперь, как надо работать»...

* * *

«Нартский фольклор — это фундамент, с которого начинается горский стиль. Фольклор — это наша гордость, он исключительно национален и чист как родник. Народное искусство! Оно как первая любовь, порождение ее, необыкновенно сильное самовыражение духовных потребностей людей.

В искусстве нет князей и плебеев — есть талантливые и бесталанные. Сейчас никто не знает, кто первым спел «Орайда», но все знают, что это был необыкновенно талантливый человек. На земле, как и в искусстве, есть две нации — чуткие, совестливые люди и невежды. В создании народного искусства участие принимали только первые!»

* * *

«Сегодня у меня радостный день — так много писем от друзей моих. Удивляюсь, как Анна отыскал мой адрес. Он пишет: «За меня не волнуйтесь, у меня все хорошо. Мой покой бережет охрана, а царь позаботился о том, чтобы не забыли дать мне хлеб и работу. Берегите себя, за вас боюсь я очень — вы же на свободе».

Весь день думаю о словах Анны».

«Природа и условия жизни влияют на человека. Поэтому и различаются люди между собой, отличается и их искусство. Свобода и рабство, честь и поражения, военные набеги и пасторальные идиллии — все это накладывает отпечаток на характер народа.

Мой народ живет высоко в горах, он никого не стремится унижить. Он богат высотой духа! Потому, наверное, когда я слышу народные песни, что поют Карма или Таукоз, мне кажется, что я летаю над горными вершинами, как Джумарык!»

* * *

«Я убежден, что в основе творчества любого народа, человека должно быть национальное начало. Нельзя забывать о достижениях мировой культуры!»

* * *

«Работаю много и доволен. Живопись — самая большая радость. Что-то стало покалывать под лопатками, как в мой первый приезд в Москву... наступают холода, идет осень. Как сейчас красиво в горах! Дождь в Теберде... Солнце в Теберде... Что может быть прекраснее?!

Из дальних странствий домой надо возвращаться богатым, наполненным знаниями и добротой. Чем больше живешь, тем сильнее осознаешь, что все мы уйдем, и не лучше ли скрасить друг другу тот отрезок времени, что называется жизнью...»

На этом записи обрывались...

Ахмат долго сидел задумавшись. Он словно беседовал с навсегда ушедшим другом. В этих кратких записях были мысли Ислама, его духовное завещание.

Римма Абул-Керимовна Ортабаева — известный собиратель карачаево-балкарского фольклора. Широкую известность получили ее сборники «Джетегейли — джети джулдуз», «Карачай — малкар фольклор», «Эртде биреу бар эди» и др. Римма Ортабаева — кандидат филологических наук, живет в г. Черкесске и в настоящее время работает заведующей карачаевским отделом Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований. Предлагаем вниманию читателей статью о карачаевских сказителях-сказочниках.

Римма Ортабаева

КАРАЧАЕВСКИЕ СКАЗОЧНИКИ (ДЖОМАКЧЫЛА)

К сожалению, сведения о карачаево-балкарских сказочниках ограничены. По существу, мы можем назвать лишь беглые заметки С. Танеева, И. Иванюкова, М. Ковалевского об Исмаиле Урусбиеве,

А. Дьячкова-Тарасова о сказочниках из старинного карачаевского аула Карт-Джурт — 63-летнем Будаюне Джанкезове и 77-летнем Хасане Алиеве...

В то же время следует отметить, что многие ученые, писатели, путешественники, изучавшие быт, образ жизни, нравы карачаевцев и балкарцев, отмечали широкую распространенность здесь фольклорной традиции. П. Остряков — один из первых русских путешественников, ознакомившихся с карачаево-балкарским фольклором, отмечал: «Какая колоссальная фантазия, какие описания природы, какие величественные типы! Из легенд их, кроме поэтической стороны, можно было бы узнать все их религиозные и нравственные идеалы, обыденную жизнь, историю с мифических времен до наших дней, потому что нет того выдающегося в их жизни события, нет того мало-мальски замечательного лица, которое не было бы воспето своим Гомером, и песня последнего не переходила из рода в род»*. О склонности карачаевцев к образному мышлению, любви к устным преданиям, рассказам, сказкам писал М. Алейников: «Карачаевцы вообще народ довольно словоохотливый, любящий на досуге поболтать о разных предметах, преимущественно о старине; в особенности же они большие охотники до преданий о прошлом своей родины, охотники до рассказов о героях, о нарских богатырях или об огромнейших и безобразнейших эмегенах, великанах-чудовищах, обладавших сверхъестественною силою...»**

Известный русский этнограф-кавказовед Г. Ф. Чурсин отмечал, что «карачаевцы издавна приобрели у своих соседей славу хороших ораторов и мастеров слагать песни»***.

Профессиональной школы сказительства у карачаевцев и балкарцев, как и у других народов Северного Кавказа, не было. Сказочники занимались сочинением и рассказыванием сказок в свободное от работы время, а работа была такой же, что и у земляков. Они «пахали землю, пасли скот, тесали камень и дерево, строили жилища»****, но при всей своей занятости, постоянных заботах о хлебе насущном, находили время для рассказывания сказок, так как бесконечно любили свое дело.

Джомакъчы-крестьянин «слагал сказки, вернувшись с поля или с пастбища, сидя у очага, пока жена клала заплаты на его изношенный бешмет. А может быть, он придумывал их ночами у пастушьего костра перед белой горой или в пещере, когда пламя освещало скалу. Могло быть и так, что он — пахарь, пастух и сказочник — ехал ночью по су-

* Вестник Европы, 1897, № 8, с. 700-701.

** Алейников М. Карачаевские сказания. — Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. III. Тифлис, 1883.

*** Газета «Кавказ», 1906, № 270.

**** Кайсын Кулиев. Так растет и дерево. М., «Современник», 1975, с. 415.

хой горной дороге среди скал, смотрел на звездное небо и в этот час творил свои легенды. А возможно, он это делал, глядя на дождь, который не давал ему работать в поле или косить и убирать сено...»*.

Среди сказочников прошлого было немало женщин. В народной памяти до сих пор сохранились имена таких талантливых сказочниц, как Батчаева Алтын (Сокьур Алтын), Магулаева Тотай, Хубиева Карма, Сарыева Фердаус, Батчаева Хаммесей, Гаджаева Инглисхан и другие.

По воспоминаниям Н. М. Хасанова, ныне покойного, Фердаус Даутовна Сарыева — жительница аула Хузрук — могла часами рассказывать сказки, и делала это с большим удовольствием.

Большой мастерицей сказывания сказок была и Карма Хубиева (урожденная Хапаева). По воспоминаниям старожилов аула Хурзук, эта высокая женщина с рябым от следов оспы лицом обладала замечательной памятью, а также звучным и удивительно приятным голосом. Карма любила рассказывать сказки о животных назидательного характера («Волшебный жеребенок», «Умней оказалась коза» и др.). Превосходным исполнением сказок Карма приводила в восторг своих слушателей. Она то повышала голос, то понижала, то делала паузы. Необычайно подвижным было и лицо ее. Оно становилось то радостным, то печальным, то суровым...

Кроме того, Карма была великолепной исполнительницей историко-героических песен, хотя по установившейся традиции, их, как правило, исполняли только мужчины. Абугали Узденову, недавно ушедшему из жизни, довелось в детстве услышать пение Кармы Хубиевой. В это время Абугали пас телят в урочище Покун-сырт. Однажды он попал на свадьбу, на которой присутствовала и пела Карма. До сих пор помнит Абугали слова удивительно поэтической песни о народном богатстве, которую исполняла Карма:

Сен кече болса, джудлузланы санайса,
Кюндюз болса, уллу джолгъа къарайса.
Джолгъа къарай, кёзлеринги тот этдинг,
Шемшер хазырларынги от этдинг...
Когда наступает ночь, ты считаешь звезды,
Когда наступает день, смотришь на большую дорогу,
От долгого смотрения глаза твои поржавели,
Своими шемшеровыми газырями ты развел огонь...

(Подстрочный перевод)

«Сколько было в этом голосе сил, чувств, красоты! Каждое слово проникало в сердце и оставалось в нем, будто его приколоты булавкой», — вспоминал Абугали Узденов.

* Кайсын Кулиев. Так растет и дерево. М., «Современник», 1975, с. 415.

Большую популярность в народе получило имя балкарского певца и сказочника Исмаила Эттева. Он был желанным гостем в каждом доме, на каждом коше, на каждой свадьбе.

Интересные сведения о нем приводит в своей статье «Ашуг» Кайсын Кулиев: «Его, близкого родственника моего отца, я хорошо знал с детства, запомнил навсегда. Аул Кам (здесь жил Исмаил Эттев — Р. О.) находился в нескольких верстах от нашего селения. Исмаил бывал у нас часто. Усы у него были так длинные, что он их закладывал за уши, а кулиевские невестки, в их числе и моя мать, называли его «длинноусым». (Горянки не имели права называть родственников мужа их настоящими именами и давали им прозвища.) Исмаил был высок ростом. Зимой чаще всего ходил в шубе из волчьих шкур, в папахе коричневого цвета, не расставался с палкой, которая имела четырехгранный железный наконечник. Такую палку, необходимую для скалолазов, балкарцы и сваны называют мужра. На поясе у ашуга висел кинжал — в будни в простых черных ножнах, а по торжественным случаям — в покрытых серебром или даже позолоченных. Энергичное, мужественное лицо сказочника было прекрасно. Он улыбался замечательно, так бывает чаще всего с талантливыми людьми, душевно щедрыми и доброжелательными... Его появление в нашем дворе для нас, детей, всегда было радостью и праздником. Еще бы! Он рассказывал нам такие сказки! Их ни от кого другого мы не могли услышать»*.

По воспоминаниям Кайсына Кулиева, Исмаил Эттев часто возглавлял группу всадников, едущих за невестой. С этой трудной миссией он часто бывал и у соседних народов — в Кабарде, Карачае, Осетии**.

Исмаил Эттев был мастером бытовой сказки, которая «наиболее ярко и остро отражает социальную действительность» (В. Г. Белинский). В сказках чегемского джомакъчы («Как путешествовал горец» и др.) моральное превосходство всегда было на стороне бедного, угнетенного, что вызывало раздражение у богачей. Они не раз пытались заставить Исмаила Эттева замолчать. Об этом свидетельствует случай из жизни сказителя. «На очередной свадьбе в ауле Исмаила, как всегда, попросили петь. Он спел веселую песню «Открой, красавица, мне дверь!» Один их подвыпивших аульчан, очень гордившийся тем, что он состоятельный человек, решил смутить ашуга и громко, чтобы услышали все, сказал:

- Несчастный Исмаил! Когда ты образумишься!
- Когда ты станешь умным и добрым! — ответил ашуг.
- Всю жизнь трещишь, как сухой бубен! — продолжал гордец.
- Сухой бубен куда полезней и приятней тебя! — съязвил Исмаил.

* Кайсын Кулиев. Так растет и дерево, с. 287-288.

** Там же.

— Неужели песни петь и рассказывать сказки ты считаешь делом, достойным серьезного мужчины? — не унимался спесивый человек.

Тогда ашуг спокойно приподнялся и, заложив усы за уши, так же спокойно сказал:

— Верно, почтенный, я никого не бью плеткой. И ты имеешь основание считать меня несерьезным мужчиной? Каждому свое — у тебя плетка, а у меня — песня. Тебе нравится, когда люди плачут, я же люблю, когда люди радуются. Так знай же: человек с песней — это всадник, а без нее он пеший. Вот ты, хотя у тебя целый табун лошадей, и есть тот пеший, которому за мной не угнаться!

Народу было много. Все смеялись, довольные ответом своего любимца. Спесивец же вынужден был оставить свадьбу, победенный и посрамленный тем, кого он назвал несерьезным мужчиной*.

Чегемский сказочник Исмаил Эттев сыграл значительную роль в развитии карачаево-балкарской сказочной и песенной традиции.

Среди сказочников нашего времени, унаследовавших лучшие черты исполнителского мастерства сказителей прошлого, следует назвать Локмана Эбзеева, Джамбота Бостанова, Хопая Узденова, Магомета Тоторкулова, Юсуфа Байрамукова, Магомета Крымшамхалова, Абул-Керима Салпагарова, Сюлемена Курджиева, Азрета Батчаева, Хауа Каракетову, Хусейна Гочияева, Сагита Батчаева, Ибрагима Батчаева, Исмаила Кушетерова, Ахию Биджиева, Османа Темиржанова, Мустафу Гузоева, Каншауа Казакова, Ахию Таукунова, Османа Мамаева, Хусея Чанаева, Хамзата Гуртуева, Абусалама Бозиева и других. Именно от них записаны лучшие тексты карачаево-балкарских народных сказок, хранящихся в фондах Карачаево-Черкесского и Кабардино-Балкарского научно-исследовательских институтов. В качестве своих учителей многие из современных джомакъчы называют прославленных сказочников прошлого. Так, учителями сказочника Магомета Крымшамхалова были жители этого же аула Танай Халкечев и Зекерья Чагаров. Сказочник и певец из аула Нижняя Теберда Магомет Шунгаров перенял свой репертуар от своего знаменитого земляка Локмана Доюнова.

Сказитель Ибрагим Батчаев (род. в 1905 г.) — знаток многих сказок, легенд, капаров — унаследовал свой репертуар от своего отца Сослана Батчаева, который прожил 116 лет и до последних дней жизни сохранил феноменальную память. «До сих пор помню сказки, которые он рассказывал, — «Хан и его сыновья», «Егюзальф», «Трус»... — вспоминает Ибрагим Сосланбекович. — В них всегда добро побеждало зло».

Юсуф Локманович Байрамуков — житель села Пригородное — один из лучших сказочников нашего времени. От него записаны мно-

* Кайсын Кулиев. Так растет и дерево, с. 288-289.

гие волшеббно-фантастические («Тогъузак», «Чора», «Кичи-Батыр», «Айю улу Агъырджан», «Три брата») и бытовые сказки («Как женили Хаджи-Мурат», «Охотник» и др.).

Кроме сказок, в репертуар Байрамукова входят нартские сказания («Сосурка», «Ачей и Хубун» и др.).

В каждой сказке, которую рассказывает этот высокий, статный человек с голубыми глазами, раскрывается мастерство сказочника. Он не боится забыть что-нибудь, каждый раз творчески воссоздает текст, придерживается устоявшейся сказочной обрядности: постоянных сказочных формул, переходных фраз, дословного повторения целых эпизодов и т. д. Но в то же время мы обратили внимание на то, что в сказках Юсуфа Байрамукова нет традиционных концовок («Как не видели мы всего, о чем рассказали, так пусть мы не увидим болезни и смерть» и др.). Сказочник любит использовать диалоги. Они усиливают эмоциональное воздействие его сказок.

Свой репертуар Юсуф Локманович Байрамуков перенял от самых различных людей — пастухов, охотников, землепашцев, с которыми свела его судьба. Среди них было немало людей другой национальности. Вот почему в его репертуаре есть и казахские, и кумыкские, и черкесские сказки.

Жизнь Байрамукова сложилась нелегко. При живых родителях он испытал горькое сиротство. Его мать — Шамахан Эзиева — родилась в многодетной крестьянской семье. Она отличалась удивительной красотой, трудолюбием, была мастерицей на все руки. Ее рано выдали замуж за нелюбимого человека. Семейная жизнь не сложилась. Шамахан ушла от мужа с 3-мя сыновьями в отцовский дом, где жили еще два ее брата и сестра с семьей. «Мое детство и детство моих братьев закончилось в день, когда мать вторично вышла замуж за вдовца с 8-мью детьми и ушла из дома, оставив нас, — вспоминает Юсуф Локманович. — Мы стали сиротами при живых родителях, страдали от голода, холода, избиений. С 7-ми лет я стал пасти ягнят своего богатого родственника... Однажды я увидел детей, которые катались на санках. Очень захотелось мне покататься. «Покатаюсь, никуда ягнята не денутся!» — решил я. Взял у одного из мальчишек санки и стал кататься. Боже мой! Как я был счастлив! От быстрой езды захватывало дух. Вдруг я увидел прямо перед собой искаженное от злобы лицо моего хозяина. В жизни не видел лица страшнее! Он выхватил из моих рук санки и ударил ими меня по голове. Ударил изо всех сил! Я потерял сознание. Когда я пришел в себя, увидел над собой заплаканное лицо своей матери. «Вы погубили мою жизнь, вы сунули меня в могилу!» — кричала она. Дед и бабушка сидели, низко понутив головы... Детство... Я часто вспоминаю о нем. Когда мне трудно, я спрашиваю себя: «А

сравнимы ли нынешние твои неурядицы с тем, что пережил семилетним мальчишкой?...»*

Единственным удовольствием в жизни мальчика были сказки, которые рассказывали пастухи. Они заронили в душу будущего джомакчи любовь к поэтическому слову, легенде, устному рассказу. И эту любовь он пронес через все жизненные испытания: тяжелое детство, безрадостную юность, войну, на которой был трижды ранен...

Поражал богатством сказочного репертуара Магомет Ахлауович Крымшамхалов (недавно ушедший из жизни). Он жил в ауле Кызыл-Уруп Урупского района. В его репертуаре преобладали волшебные-фантастические сказки («Кичи-Батыр», «Талкябуку», «Сам с вершок, а борода — тысяча вершков» и другие).

Кроме сказок, в его репертуар входили легенды («Кара», «Бурмабут», «Аймуш»), нарские сказания («Сосурка», «Ерюзбек и мальчик»). Этот невысокого роста, несколько суховатый, строгий, недолгимый, на первый взгляд, человек заметно преображался, когда начинал рассказывать сказки: на лице появлялась улыбка, глаза добрели, морщины разглаживались.

Множество сказок, устных рассказов знает житель аула Каменно-мост Кичи-Батыр Мурзабекович Чагаров. Рассказывает он неторопливо, часто останавливаясь, не пропуская ни одной подробности. Так, одну из сказок, известную под названием «Бекир, у которого не было носа», во время фольклорной экспедиции 1983 года на Бичесыне он рассказывал нам с утра до позднего вечера.

Кроме таких длинных, многосюжетных сказок, в репертуар Чагарова входят также короткие сказки, содержащие в себе какую-нибудь шарату, загадку, задачу («Кто это был?», «Кто больше» и др.).

Талантливый сказочник покоряет тонким пониманием слова, эстетическим чутьем, стройностью и логичностью мысли. А ведь ему пришлось закончить только 7 классов сельской школы. Развитию его сказительских способностей содействовали и его работа (вот уже много лет он трудится в животноводстве), и интересные люди, с которыми ему пришлось общаться, и живописнейшая природа, которую он очень любит... Многие сказки он слышал в детстве от своего деда по матери Якуба Хаджи-Алиевича Ортабаева — человека художественно одаренного.

Большой интерес представляет репертуар сказочника из аула Новый Карачай Магомета Тенгизовича Тоторкулова (род. в 1915 году). В основном это волшебные-фантастические сказки, в которых джомакчи дает свободу своему дару импровизации, поэтому его сказки не похожи ни на чьи другие («Больной мальчик — сирота», «Трусливый

* Записано от Байрамукова Ю. Л. 24 августа 1984 года в селе Пригородном.

мальчик», «Пять могил»). Они отличаются «внешним» правдоподобием. Сказитель пытается точно определить время действия сказки. Магомет Тоторкулов — мастер сложных, многосюжетных сказок с многочисленными поэтическими вставками, песнями (инарами), диалогами.

Кроме сказок, в репертуар Тоторкулова входят юмористические рассказы из жизни охотников («Какие у зайца были уши», «Как я спас людей от хищного орла», «Как охотник очутился на стоге сена»).

В сказках жителя аула Азрета Батчаева (род. в 1917 году) традиционная сказочная обрядность уживается с современностью. В сказках «Сыновья хана», «Парень и эмеген», «Нищий мужчина», записанных от Азрета Батчаева, встречаются такие слова и выражения, как «магазин», «сельсовет», «очередь». Герои этих сказок отправляют телеграммы, «становятся в очередь за продуктами», «пишут письма».

В репертуар сказочницы из г. Карачаевска (долгое время она жила в ауле Кумыш) Маруа Юнусовны Кочкаровой (род. в 1930 г.) входят, в

Сказитель Абуғали Узденов.

Сказитель Магомет Шунгаров.

основном, сказки о животных («Собака и змея», «Волк и лиса», «Белый козленок») и волшеббно-фантастические («Парень с медвежьими ушами», «Охотник и дикий человек»), бытовые («Джокка и Докка»)...

Сказки о животных («Перепелка», «Мышонок и звоночек», «Старый кот и мыши») составляют репертуар современной сказительницы из малокарачаевского района Хауа Кубановой. Их она слышала еще в детстве от своей матери, а сейчас сама любит рассказывать их детям. Хауа Кубанова — прекрасный знаток лирических песен-четверостиший (инаров), как старинных, так и современных.

И сегодня сказители Карачая и Балкарии находят благодарных слушателей. Сказочник из аула Новая Джугута Азрет Ахматович Батчаев во время фольклорной экспедиции в 1981 году рассказывал нам, что люди в часы досуга часто просят его: «Ахмат, бир джомакъ айт! Алтын ауузунгдан кюмюн сезюнгю бир чыгъар!» («Ахмат, расскажи сказку! Вымолви серебряное слово своими золотыми устами!»)

И он часто, особенно зимними вечерами, рассказывает сказки. Среди его слушателей есть и взрослые, и дети... Да и сами сказочники не тяготеют этим занятием — сказыванием сказок, относятся к нему не как к пустому времяпрепровождению, а как к полезному и серьезному делу. Когда во время фольклорной экспедиции 1982 года мы извинились перед сказочником Ибрагимом Сослановичем Батчаевым за то, что отняли у него много времени, он ответил нам так: «Это очень хорошо, что вы записываете сказки. На это время жалеть не надо — ни вам, тем, кто записывает сказки, ни нам, тем, кто их рассказывает... Слово, что ветер, не запишешь — улетит. А мне к тому же спешить некуда. Не заливаёт же в это время водой сено»...

Мы рассказали в этой статье лишь о некоторых карачаево-балкарских сказочниках. Их в народе гораздо больше. Преемственность сказочной традиции, к счастью, еще существует. Поиски новых имен продолжаются.

Проза

Халимат Башчиевна Байрамукова родилась в высокогорном ауле Карачая — Хурауке. Окончила педагогический институт, затем Литературный институт им. Горького и Высшие литературные курсы. Она — участница Великой Отечественной войны. Вместе с народом испытала жестокие годы выселения. Работала в школе, в редакции газеты, в книжном издательстве, многие годы руководила писательской организацией Карачаево-Черкесии.

Она является автором более 30 книг. Многие из них увидели свет в Карачаево-Черкесии. Но Халимат Байрамукова, поэтесса и прозаик, хорошо известна и за пределами республики. Ее поэтические сборники «Дым очага», «Снова в путь», «Суд аула», «День за днем», «Весенний полдень», «Восьмой день недели», «Одержимость» печатались в центральных издательствах и получили высокую оценку во всесоюзной печати.

Широкую известность имеет проза Халимат Байрамуковой. Она стала автором таких повестей, как «Семья Карчи», «И плакал сын», «Вечные всадники», романов «Годы и горы», «Утренняя звезда».

За плодотворную творческую деятельность Халимат Башчиевна Байрамукова неоднократно удостоивалась правительственных наград, ее творчество отмечено орденами «Знак Почета», «Дружба народов».

Значительным событием в жизни народов Карачаево-Черкесии стало появление в 1990 году на карачаевском языке романа «Четырнадцать лет». Это первое воплощение в прозе страшного бедствия, выпавшего на долю карачаевского народа. В настоящем номере «Половецкой луны» публикуется сокращенный вариант романа. Мы уверены, что каждый, прочитавший это произведение, прочувствует незатишающую боль и страдания, перенесенные народом, и иными глазами увидит трагическое происшествие полувековой давности.

Халимат БАЙРАМУКОВА

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ*

* * *

В машины вшивали, казалось, не людей, а какие-то неодоушевленные предметы — лишь бы побольше. Смешалось все — люди и вещи, они давили друг на друга — стонали старики, пронзительно кричали дети.

* Роман печатается в сокращении.

Гокка еле сумела посадить мать на чемодан и сама села на краешек. Рядом примостилась женщина с детьми, одного ребенка она держала на руках. Сзади машины сели два солдата с автоматами. Тронулись.

Гокка жадным взором окидывала горы, такие привычные и родные, дома, старинную башню на скале. Промелькнул их дом с настезь раскрытыми дверями. Во дворе дома своей свекрови увидела нового хозяина — грузина, загонявшего в хлев корову. Свекровь Кеминат три дня тому назад поехала в гости к дочери в город Микоян-Шахар, а дома осталась сноха с детьми. Ее Гокка так и не увидела в толпе за весь день, а может быть, просто не узнала, и это немудрено: все были на один землистый цвет. Больно кольнула мысль о муже Аслане... Где ты, что с тобой? Жив ли ты, мой родной? Если жив, то почему нет от тебя весточки?!

Когда машина, в которой сидела Гокка, доехала до конца Хурзука, иначе, до Чотчаевского квартала, она заметила множество машин с зажженными фарами, выползавших из аула Учкулан на взгорье, чтобы присоединиться к машинам, двигавшимся из Хурзука. «Значит, выселяют и хурзукчан», — сказала себе Гокка с болью в сердце. Это заметили и все остальные в машине и вновь запричитали.

— Аллах мой, глядите, сколько машин из Учкулана-а! Неужели выселяют весь Большой Карачай?! — кричала женщина плача.

Ответить ей что-либо, кричать или возмущаться уже ни у кого не было сил — в машине молчали. Истомленные дети притихли. Тем не менее кто-то, уже в который раз сегодня, повторил:

— Сбылись слова пророка! Жил-жил народ у подножья Эльбруса, и вдруг к восходу солнца его не стало.

И на это тоже никто не ответил.

Гокка подумала о тяжелобольных, которые так и остались лежать одиноко в домах или же в районной больнице, об отсутствующих членах семей — о своей сестре Кемихсан, о свекрови.

Когда машина подъехала к мосту Кылиян, что у аула Карт-Джурт, последнего аула Учкуланского района, иначе называемого Большим Карачаем, уже стемнело. Множество машин с зажженными фарами теперь спускались из Карт-Джурта к главной дороге, которая была буквально забита ими. Находившимся в машине уже стало ясно, что трагедия случилась не только с хурзукчанами.

Затор машин был настолько большой, что продвигались почти «шагом». Переехав небольшой кылианский мост, машины двинулись по Кубанскому ущелью. Здесь дорога, кремнистая и узкая, петляла над крутым берегом Кубани. Эту дорогу некогда построил ссыльный декабрист — инженер Константин Игельстром. Две встречные горские арбы с трудом разъезжались на ней при встрече, и непонятно было, как ухитрились ехать по такой дороге эти громадные машины.

Гокка прижимала к своей груди голову матери, временами давала ей какие-то таблетки, случайно оказавшиеся в кармане шинели. Верх машины сзади был открыт. Луна осветила ущелье, придавая горам сказочный вид. На холодном осеннем небе не было ни облачка — мигали крупные звезды. Огромные, но бессильные помочь горы хмуро провожали тех, кто любил их самозабвенной любовью. Вдруг пронзительной болью отдалось в сердце Гокки воспоминанье о том дне, когда она и ее муж, красавец Аслан, после свадьбы в Микоян-Шахаре ехали сюда к родне. Какими они были счастливыми! Он читал наизусть свои стихи, посвященные ей, любимой. Собирались ехать учиться в Москву — он в Литературный институт имени Горького, она в аспирантуру...

Ты мне была близка,
Как ночь сиянью дня,
Как родина в последний миг изгнания.

«Последний миг изгнания». Ты прав, бессмертный Гейне. Вот-вот наступит этот миг. Проведем отрезок Аман ныхыт — самую узкую часть дороги, под которой где-то в глубине еле слышно шумит Кубань, и прощайте, родные места.

Вдруг истошный крик огласил ущелье — впереди что-то грохнуло. Машина, в которой находилась Гокка, остановилась, за нею — вся колонна. Солдат соскочил на землю. Люди попросили Гокку, чтобы она перевела солдату: больше терпеть невмочь, пусть, мол, разрешит сойти на минутку. Солдат разрешил, и люди расселись вдоль дороги. Придя в себя, прислушались к жутким рыданиям впереди: оказалось, что одна машина съехала с дороги и покатила вниз. Люди стояли над пропастью и при свете фар оцепенело смотрели на ребенка, уцепившегося ручонками за ветку огромной сосны. Он выпал из машины, когда она катилась в бездну. Какой-то паренек хотел было, обвязавшись кушаками, спуститься туда, чтобы спасти его, но прозвучала команда:

— По машинам! Быстро!

Страх Гокки за обреченного на верную гибель ребенка заслонил на время ее собственную беду.

Пройдут годы, и судьба этого ребенка, а им оказался мальчик, станет хорошо известна. Две русские женщины из ближайшего поселка, собиравшие в лесу калину и шиповник, с ужасом обнаружили ребенка на разлапистой ветке сосны. Привели из поселка людей и с большим трудом сняли вконец обессиленного, в бессознательном состоянии злыбаша. Выходили. Он перебивал у многих русских людей, которые воспитывали его. Стал военным.

Гокка заметила, что они проезжают аул Каменномост. Ни в одном окне не было света, а из переулков выползали такие же «судобеккеры». «Значит, и этот аул выселяют...» Рядом с ним находился областной центр, город Микоян-Шахар. Машины не завернули туда, а поехали по дороге, которая вела в город Баталпашинск, центр Черкесской автономной области. Горе душило Гокку, несмотря на холод, она даже расстегнула воротник. Здесь где-то остаются (остаются ли?) ее сестра Кемисхан, и свекровь с золовкой, и, наконец, их с Асланом квартира, пустующая с того дня, как она ушла на фронт.

Когда ехавшие, как бы на ощупь, машины наконец прибыли на какое-то ровное поле и остановились, стало совсем светло. Полусонных, съжившихся от утреннего холода людей стали выгружать из грузовиков и тут же водворять в теплушки, стоявшие сейчас на недавно протянутой от Баталпашинска до этих мест железнодорожной ветке. Поле отделяло Черкессию от одного из районов Карачая — Усть-Джегутинского. До этих трагических дней здесь не было железнодорожной линии, и Гокка поняла, что ее построили специально для сегодняшнего дня.

Ныне, когда пишутся эти строки, на том большом поле расположен один из мощнейших на Северном Кавказе цементный завод. На другом конце его вырос жилой микрорайон «Южный».

Грузовики спешно освобождались от людей и вещей и мчались во все концы области за другими партиями несчастных. Здесь же, на поле, насколько хватало глаз, всюду копошились кучки людей. Многие выкрикивали имена своих близких в отчаянной надежде увидеть дорожные лица, может быть, в последний раз: никто не знал, куда и зачем их везут. Но оттого, что все кричали разом, никто никого не слышал.

Как только сошли с машин, Гокка усиленно стала высматривать своих. Вдруг, заметив вдали свекровь, побежала было к ней, но лейтенант загородил ей путь автоматом.

— Стой, сволочь, куда бежишь! — И толкнул ее назад. — Капитан! Видали мы таких капитанов! Марш назад! — И сорвал один погон с ее плеча.

Молодая женщина, не думая ни о каких последствиях, вlepила ему звонкую пощечину, лейтенант ответил ей тем же. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не вмешались возмущенные женщины, а главное — командир охраны.

Гокка подняла погон с земли и со вторым погоном на плече медленно, устало побрела к своему вагону, куда поспешно, как скот, загоняли людей. На вопросительный взгляд матери отвела глаза в сторону и молча помогла ей подняться по скрипучей доске в теплушку. Вдоль стен вагона были сооружены нары из свежепахнувших сосновых досок. Каждый клочок на полу и нарах был занят людьми.

Она с трудом нашла на нарах место для матери, а сама пошла за чемоданами. Принесла, и вновь жизненным пространством для обеих стали эти чемоданы. Мать заметила, что с плеча дочери сорван погон, и та, поняв ее немой вопрос, показала другой, зажатый в руке. Сорвать и другой погон у Гокки не поднималась рука. Мать, с полными слез глазами, взяла у дочери погон и молча положила себе за пазуху, где хранилась фотография погибшего сына.

Огромная дверь теплушки захлопнулась, и внутри стало темно. Пучок света падal из единственного зарешеченного оконца, которое находилось высоко под потолком. Поезд тронулся, а на поле еще оставалась бесчисленная толпа людей — грузовики продолжали подвозить новых «пассажиров»...

Монотонно стучали колеса по рельсам, становилось все холодней и холодней — наверное, дело шло к вечеру. На середине теплушки стояла маленькая печурка, но дров не было, чтобы ее затопить.

Гокка сидела рядом с матерью, стиснутая со всех сторон людьми и вещами. Временами она проверяла у матери пульс и тут же вновь возвращалась к своим неотвязчивым мыслям. Во всей этой необъяснимой трагедии самым страшным и тяжелым для нее казалась стычка с лейтенантом, сорвавшим с ее шинели погон. Она очень дорожила этими погонами, доставшимися ей не легко: порой она не отходила от операционного стола круглосуточно. Ей только что присвоили звание майора и назначили начальником санитарного поезда, но в тот же день ее ранило. Лечась в госпитале, она много думала о своей судьбе, счастливой и прекрасной: начиная с пионерских и комсомольских лет, принимала самое активное участие в общественной жизни, в институте — тоже. Служение Родине, как и ее сверстники, ставила превыше всего и готова была отдать за нее жизнь. Ну, а главное ее счастье, конечно, в том, что горячо любимый человек стал ее мужем.

Мысли ее прервал один из детей Абида, жены солдата Абдул-Керима. Она расположилась рядом с Гоккой. Ребенок слабым голосом просил воды. Абида обратилась с просьбой к Исмаилу Хапаеву, находившемуся в противоположном углу вагона. Он сидел на полу, а над ним с нар свисал бурдюк с водой. Большой диабетом, Исмаил вместо дозволенных двухсот килограммов вещей в первую очередь вынужден был взять воду.

— Давай сюда кружку, налью воды, — сказал он.

Кружки не было. Женщина нашла в полутьме алюминиевую миску, и та поплыла над головами копошившихся на полу людей к обладателю бурдюка. Он налил ровно столько, чтобы вода могла прикрыть доньшко.

Ребенок выпил и попросил еще, но тут началось такое, что Гокка предпочла бы умереть, чем быть свидетелем этому: и дети, и взрослые протягивали руки к Хапаеву, прося глоток воды. В это время высоко на потолке зажглась маленькая электрическая лампочка, и молодая женщина заметила, как Хапаев вжался спиной в стену вагона, обхватив бурдюк двумя руками. Глаза его блестели страшно, чернело небритое лицо. Он с ужасом смотрел на лес рук, слышал мольбы о воде, и казалось, вот-вот сойдет с ума. Все в Хурзуке знали, что он тяжело болен, но сейчас никто не думал об этом; взрослые, видя, как дети хотят пить, почти теряя рассудок от страха за них, забыв об исконной своей стыдливости, просили, требовали воды. И вдруг несколько женщин поднялись и двинулись к бурдюку.

— Люди, что вы делаете, он же умрет без воды! — крикнула Гокка и, прыгнув с нар чуть ли не на головы людей, пробралась к Исмаилу и заслонила его собой.

— А если умрет мой ребенок, ничего?!

— Я тоже умираю без глотка!

— Воды-ы!

Люди все напирали, Гокка уже ни физически, ни словами не в состоянии была защитить Исмаила. В это время с нар, возле которых толпились женщины, поднялась молодой мужчина и сказал сурово, обращаясь к Исмаилу:

— Дай по глотку каждому ребенку, разве тебе, взрослому, не стыдно будет, если дети умрут, а ты останешься?!

Алюминиевая миска пошла по рукам. Никто, конечно, не утолил жажды, но, смочив горло, дети немного успокоились. Обстановка разрядилась, и люди теперь от стыда боялись поднять глаза друг на друга.

А колеса все так же монотонно стучали по рельсам — им все равно, кого везти, куда везти...

Гокка, уже взобравшись на свое место, вспомнила о молодом парне: кто он и почему не на фронте? Он был один в этом возрасте, а все остальные — либо старики, либо подростки, либо инвалиды войны. Спросила об этом кого-то из рядом сидевших.

— Это Хасан Айдинов, уроженец аула Каменноост, жил и работал в Микоян-Шахаре, я его знаю. В нашем вагоне, видимо, оказался потому, что в других места не хватило. Рядом с ним жена, поженились недавно.

— А почему он не на фронте?

— У него со здоровьем неважно, военкомат забраковал. Окончил финансово-экономический институт в Ростове. Писанный красавец, сейчас в полумгле не так-то видно.

Мать не поднимала головы, перестала разговаривать и плакать. Ни глотка воды не было у нее во рту. Гокка почти все время держала пальцы на ее руке. Пульс был слабый, ненаполненный.

— Ой, не могу, не могу, не могу! — услышала она отчаянный женский вскрик.

Женщина на полу прижала обеими руками низ живота и, перешагивая через людей, пробиралась в сторону двери. Тот же молодой парень, Хасан Айдинов, понял, в чем дело, и от злости стал колотить в стену теплушки. Конечно, оттуда никто не отозвался. Колеса мерно стучали, да темная ночь заглядывала в щели вагона... Женщина уже не кричала, там же у двери опустилась на пол, не смея возвратиться на свое место... Все замолчали, никто не смотрел в ее сторону. Немало было среди них терпевших изо всех сил. Что же касается детей, грудных и не грудных, то они испражнялись тут же на какие-то тряпки. Хорошо, что пронизывающий холод как-то поглощал эту вонь, иначе здесь была бы настоящая душегубка...

— Сволочи! Изверги! Людоеды! Что же вы делаете с людьми?! Вы хуже фашистов! Раздавили бы на месте, не подвергая этим ужасам! — кричал Хасан, изнемогая от бессилия.

Ответом был все тот же монотонный стук колес.

Измученные голодом, холодом, бессонницей, нестерпимым желанием справиться нужду, люди не в состоянии уже были хоть как-то выражать свой протест; дети тоже теперь почти не плакали — у них не было сил. И, тем не менее, эти люди, как утопающий за соломинку, держались за мысль о том, что Сталин не знает, какое страшное надругательство совершено над ними. Им обязательно надо было в это поверить. Но ведь видели же, собственными глазами видели, как грузины занимали их дома...

Молодая женщина догадывалась, что Сталин не мог не знать об этом чудовищном этническом насилии. Она, уже в который раз, вспомнила слова лейтенанта о том, что их выселяют за пособничество немцам. Но разве на других окку-

пированных территориях не было пособников фашистам? Были и есть. В Карачае же таких насчитывалось не более тысячи человек. Одних из них поймали, другие сдались сами, а третьи, как Кады Байрамуков, сделавшийся бургомистром Карачая, бежали вместе со своими хозяевами. Так почему же весь народ, совершенно ни в чем не повинные люди должны нести такую страшную кару за них? Кто ответит за их страдания?

Вопросы, вопросы, вопросы...

Всю свою недолгую жизнь Гокка знала одну Правду — ленинскую. Ей была верна всем своим существом, за нее готова была идти на смерть. В первый день войны она еще сдавала государственные экзамены в институте, а после получения диплома вместе со всем курсом добровольно ушла на фронт. Она просилась в ту часть, где уже воевал ее муж Аслан, но это желание не могли удовлетворить, и она попала на другой фронт.

Гокка чувствовала, что вера в непоколебимость ее прежних воззрений рушится, а ей страстно хотелось уцепиться за вчерашний день: там она чувствовала себя человеком, там остались тяжелые боевые будни, преданность боевых товарищей и, наконец, их любовь с Асланом. Забываясь, она уходила в воспоминания, но теплушка с неумолимостью палача тут же возвращала ее в действительность... В следующую минуту опять возникли вопросы: может быть, эта трагедия произошла в интересах Родины, где карачаевцы составляют малую частицу, ведь малым, наверное, можно пренебречь в пользу великого блага?! Нет, разум отказывался верить этому. Оторвать от родных мест десятки тысяч стариков, детей и женщин и на их беде получить какую-то выгоду для общего дела? На что такая выгода?! Кому она нужна?! Так в чем причина?

Вдруг поезд резко затормозил, и тут же с грохотом раздвинулась стена теплушки и всех обдал холодный утренний воздух. Все одновременно зажмурили глаза от яркого дневного света, закопошились, забеспокоились. А теперь чего хотят от них? Люди боялись нового несчастья, хотя куда уж хуже! Солдат с автоматом крикнул снизу:

— Вставай, выходи!

Не раздумывая, наступая друг на друга, люди кинулись к выходу, некоторые брели с собой и пожитки, думая, что их уже привезли куда-то.

— Оставить вещи! — скомандовал солдат.

Люди, до сих пор еле сдерживавшие нужду, выскочив из теплушки, устраивались кто как мог. Некоторые полезли под поезд, всюду, насколько хватало глаз, сидели мужчины, женщины, дети, стыдясь взглянуть друг на друга. Затем, взобравшись назад в теплушку и схватив кружки, кастрюли, миски, бежали к крану, чтобы набрать воды. Кран же был облеплен людьми, выпавшими из других вагонов, образовалась очередь, не имевшая конца. Женщины, несмотря на утренний холод, старались подмыть детей, простирнуть пеленки, свои панталоны, снятые в темноте.

Полустанок был оцеплен солдатами, а середина этого круга кишмя кишела «пассажирами».

Справив нужду, набрав сколько-нибудь воды, люди то тут, то там стали выкрикивать имена своих близких, но голоса их тонули в общем гуле.

Молодая женщина с трудом спустила из теплушки мать, подождала, пока она вылезет из-под вагона, и повела к крану, чтобы напоить ее водой. Она пила неохотно, так как ничего не ела со вчерашнего дня. Посадив мать у вагона, сама пошла вдоль линии состава в поисках Кемисхан и свекрови, но, как оказалось, из города никого не было — в этом эшелоне ехали люди только из Большого Карачая и из аула Каменномост. Подумала, что, может быть, жители остальных районов Карачая остались на месте.

Заныла рана. «Неужели разлетелись швы?!» Сделала еще шаг. Вроде обошлось. Вернувшись к матери, Гокка заметила, что в их теплушке, закрывая носы рукой, два солдата ширяли рухлядь автоматами. «Что им надо?» — подумала.

В этот миг раздался душераздирающий крик со стороны ближайшего вагона, а рядом услышала голос Хасана:

— Покойника передают пьяному сторожу, который предаст его земле с «почестями». Видишь, передали и на саван, будто сторож обмоет его и оденет! Изверги! Что они делают с нами?! Я не вынесу этого! Сволочи! Все обман! Обман! Он умер, как только втокнули в теплушку, никогда не болевший, крепкий старик не вынес, умер. А сын, сказали, командиром на фронте. Старика-то, видишь, выбросили, как дохлую собаку. Теперь шарят по всем теплушкам, мертвецов ищут. Я убью этих гадов! — кинулся было Хасан к ближайшему солдату, но его еле удержала Гокка.

— Перестань, не в них дело. Это исполнители.

— В ком же, в ком?! Я рвался на фронт из института в первые же дни войны, меня не взяли, здоровьем не подошел. Ты-то вот офицер, защищала эту самую Родину, так за что тебя?! Мой отец сейчас на фронте, сыновья вот этих обреченных стариков, беспомощных женщин тоже на фронте, так за что же они воюют?! Почему искусственно настраивают людей против Отчества? Ведь мы в нем души не чаяли, за него готовы были идти в огонь и воду! Что же касается предателей, так они преспокойно укатили со своими хозяевами! Не могу! Я дальше не могу! — И, не стесняясь, заплакал навзрыд.

— Са-адись в вагоны! — прозвучала команда.

— В вагоны, говоришь? — круто повернулся Хасан к солдату. — Глаза его стали сухими и смотрели с гневом и злостью. — В вагоны садятся люди, мы же скот, вы нас везете в теплушках на бойню!

Солдат пихнул его прикладом:

— Не ори!

Хасан выхватил у конвоира автомат, и быть бы новой беде, если бы не вмешалась Гокка и другие. Оторвали его от солдата и втокнули в теплушку.

Люди вновь заполняли вагоны. Они несли водичу, кто сколько мог, у кого какая была посуда. Гокка заметила, как Хасан тащил полный бурдюк воды. Некоторые собрали дровишек, щепок. Она посадила мать и залезла сама.

Задвинулась стена теплушки, и вновь монотонно застучали колеса по рельсам. Дорога вела в неизвестность...

Исмаил Хапаев припас и дровишек. Он подсел к печурке, где уже лежали чьи-то щепки, и начал ее растапливать.

Среди обитателей теплушки оказались такие, кто не растерялся и за два отведенных на сборы часа набрал продуктов. Некоторые успели зарезать баранов и везли целые туши и теперь, когда появился огонек, старались в мисках сварить мяско, дрожа за воду и огонь. Так люди стали приспосабливаться к существованию в этой душегубке на колесах. Появилась какая-то надежда выжить.

У Гокки с матерью было немного вареного мяса и хлеба, сыр, и, поскольку в доме не было муки, то взяли картошки. Молодая женщина предложила матери кусочек мяса и хлеба. Та чуть пожевала и вернула назад. Попросила воды. Дочь поднесла ей свою фляжку. Состояние матери пугало ее. Она не жаловалась на какую-то боль, но таяла на глазах, как свеча, и то обстоятельство, что, случись ей умереть, труп выбросят из вагона, страшило дочь больше всего остального. У несчастной пожилой женщины не осталось никакой опоры в жизни, кроме Гокки, но и она связала по рукам и ногам. Судьба же младшей неизвестна. И мать, не вынимая руки из пазухи, где находились фотография сына и один погон дочери (другой Гокка положила в карман шинели), молча думала свои думы. В Коране она не раз читала о конце света, который придет. Для Карачая он уже наступил. Она плакала слезами стыда, увидев во время остановки утром мужчин и женщин, которые, пристроившись

рядом, справляли свою нужду. Лучше бы перестреляли всех там же в ауле, так хотя бы прах остался в родной земле. Выдернули людей с корнем из дедовской земли, и они, находясь сейчас между жизнью и смертью, теряли стыд, а вместе с ним и все человеческое в себе.

Гокка вздремнула сидя и очнулась, почувствовав спиной холод, почему-то потрогала свою кандидатскую карточку в кармане кителя, как бы удостоверившись, там ли она. С пронзительной болью вспомнила тот день на окраине какого-то леса, когда товарищи по оружию принимали ее в партию. Какие добрые слова она слышала о себе! Вздрогнула от сознания безысходности. Натянула сползшую с плеч шинель. Мать дремала, и дочь, боясь нарушить ее тревожный сон, полной шинели прикрыла ее ноги в глубоких резиновых галошах, надетых на сафьяновые мессеи.

Видно, уже наступила ночь. При едва мерцавшей лампочке у потолка Гокка заметила чью-то фигуру у стенки теплушки, называемой дверью. Человек стоял, прижавшись к доске и как бы собираясь бить кулаками. В нем Гокка узнала Хасана Айдинова.

Сон куда-то исчез. Тело болело как после побоев, временами сильно ныла рана, нужна была перевязка. И мучил неотвязчивый вопрос: «Где Правда? Что сделали с ней?»

С какой радостью Гокка и ее сверстники впервые в истории ее народа переступили порог школы! А земля? Когда Советская власть наделила безземельных бедняков землей, какое это было невиданное счастье! Женщины получили равные права с мужчинами, даже в школе девочки и мальчики сидели за партами рядом. И за такую Правду отдавали всю свою молодую энергию Гокка и ее сверстники. Ее Аслан, комсомольский вожак, заводила, поэт, буквально горел на общественной работе. А сама Гокка? А все вот эти бывшие люди? Ленину и Сталину верили как самим себе, за них готовы были отдать жизнь, и в первые дни войны молодежь Карачая атаковала военкоматы с просьбой отправить на фронт. Так что же случилось?! В чем дело? Где объяснение неслыханной трагедии?!

— Доктор, доктор, скорей сюда, мать умирает! — крикнул кто-то из лежавших на полу.

Гокка спрыгнула с нар, да на больную ногу. Женщина была в полуобморочном состоянии, но у Гокки не было никаких лекарств. Попросила у Хапаева воды, побрызгала на лицо, сделала искусственное дыхание. Вот и все. Тем не менее, женщина стала приходить в себя. Гокка знала ее, это была жена Муссы Касаева, ее сын Осман учился в ауле с Гоккой. За годы войны герой партизанского движения в Белоруссии Осман Касаев творил чудеса, он был там командиром партизанского соединения. Погиб в одном из сражений с оккупантами. Это станет известно позже. Впоследствии ему будет присвоено звание Героя Советского Союза.

Ночь, наверное, была темная — в оконце, без стекла, но с железными прутьями, не видно было звезд. Холод пронизывал все тело. Дровишки, какие удалось собрать во время остановки, сожгли еще вечером. Несмотря на то, что теплушка была битком набита людьми, в ней тепло не сохранялось: холод шел из окошка, из трещин в полу и в стенках. Прошлую ночь люди провели в грузовиках, эту — в теплушке. Сон не был сном, это было какое-то тяжелое забытьё: то тут, то там плакали дети, кто-то начинал тихо причитывать, кто-то стонал...

Неимоверно скрипел вагон, готовый разлететься на щепки, но держался, впившись железными клещами в беспомощных людей. «Хоть бы скорей рассвело», — подумала Гокка, как будто рассвет мог принести облегчение. Сон никак не приходил. Она вспомнила себя на фронте — бывало, сутками не отходила от операционного стола, но зато, когда выпадали свободные минуты, быстро смыкались глаза и достаточно было поспать десять-пятнадцать минут, чтобы силы восстановились.

Здесь же, у этих копошившихся людей, не было ни сегодня, ни завтра — были мысли только о хлебе, о тепле и о возможности свободно справлять свою нужду... Чувство стыда притупилось, а то и совсем исчезло, отошло в прошлое — инстинкт самосохранения не признавал его.

В окошко было видно, что рассвело. Поезд остановился, люди заволновались: может, уже привезли в какое-то безлюдное место, где должны расстрелять? И матери теснее прижимали к себе детей. А может, вывалят на голое место, оставив подышать от голода и холода... Но, что бы их ни ожидало, скорее на воздух. И многие бросились через головы других к двери, стучали в нее кулаками, а когда раздвинулась стена теплушки, никакая сила не могла остановить их — они прыгивали на землю, падая неуклюже, вставали охая, ахая и тут же исчезали под вагонами. Это тоже был полустанок. Насколько хватало глаз, всюду расселись люди со всего состава, а между ними сновали другие — с чайниками, с мисками, кружками для воды и охапками дров.

Конвоиры так и стояли — с наведенными на людей дулами автоматов, — но они уже не боялись их, во власти сиюминутных потребностей. Часть солдат, все так же закрывая носы, шарили в теплушках в поисках мертвецов. На этот раз к вагонам подошли люди с носилками, и Гокка видела, как вынесли нескольких покойников из разных вагонов. Слышались плач и причитания. Передавали материал на саван, а у кого были — и деньги.

Карачаевец никогда не забывал о своем последнем дне — все, что нужно для похорон, он всегда имел под рукою, и, покидая отчий дом, люди прежде всего брали все необходимое для этого.

Мысли о том, что никто этих покойников не обмоет, не оденет и не выкопает отдельную для каждого могилу, людям не приходили в голову, особенно в первые сутки путешествия, — они еще верили в доброту и сострадание.

Гокка вдруг увидела, как из их вагона вынесли мертвого ребенка. «Как? Когда?!» Никто в теплушке не знал об этом. Покойничка уносили на носилках, а мать, ничего и никого не видя, шла за ним, простирая к нему руки. Глаза ее были страшны. Люди невольно расступались перед ней, но, как только она дошла до кордона, ей преградили путь солдаты. Она не плакала, не кричала, ее безумный взгляд был устремлен туда, где скрылись носилки. «Наш единственный наследник. Что я скажу его отцу, когда он вернется?» — тихо шептала обезумевшая от горя женщина.

Послышался громкий женский голос:

— Люди, если мы еще люди, почему с нами творят такие страшные вещи?! Почему мы усеиваем дорогу трупами неоплаканных, необмытых покойников?! Я лучше передешу своих детей и покончу с собой, чтобы не видеть больше это. Почему вы молчите перед этими извергами?! — И она бросилась с кулаками на солдата. Тот толкнул ее, и она упала на мерзлую землю. Ее трое детей плача бросились к ней.

— Правильно говорит, что-то надо делать. Нас никто не защитит. Вон там я встретил человека из города, он говорит, что секретарь обкома партии Токаев продал нас, а сам остался в городе, — сказал, подбросив в огонь дров, Исмаил Хапав.

— Ой, мы бедные, несчастные-е-е...

— А ты, большой командир, большой доктор, — обратилась одна из женщин к Гокке, — всю дорогу молчишь, ничего не подсказываешь, что же нам делать?! Два года, говорят, ты воевала, ты вся, говорят, в ранах, так вот за это, выходит, воевала?!

— Правильно она говорит, скажи, что с нами будет?

Неизвестно, как бы вышла из положения Гокка, если бы рядом мальчишка не сказал:

— Я знаю, что делать: как только загонят назад, проломаем доски на полу и спрыгнем...

— Са-дись! — последовал приказ, и людей стали водворять в теплушки. Посадили и онемевшую от горя мать умершего пятилетнего мальчика. Оказывается, он заоченел еще ночью, но несчастная женщина, тихо проливая слезы, молчала, чтобы никто ее не выдал и чтобы не отобрали труп ребенка. Когда утром людей выпустили на воздух, она осталась сидеть одна в теплушке, забросав трупик сына лохмотьями. Ей хотелось увезти его с собой до конечной остановки поезда.

Те, кто принес дровишки, обступили печку, чтобы затопить ее и вскипятить воду.

Задвинули дверь, и тут же раздался леденящий душу женский крик:

— Мама! Мама осталась под вагоном! Ах я, несчастная, думала, что она уже здесь!

Все молчали, потому что слов не было. Не было и выхода. Голод и холод больше всего занимали тех, кто еще дышал. Одни, заимев дровишки и воду, старались что-то приготовить на печурке, другие пробовали жевать сушеное мясо или сырую картошку.

Одна из женщин, выждав свою очередь, поставила на печку кастрюльку. Положила в нее кусочек мяса. Через некоторое время запах мяса настолько раздражил аппетит людей, что все взгляды устремились на эту кастрюльку, будто вся жизнь заключалась в ней. Гокка, на время забывшая о еде, вдруг почувствовала такое желание есть, что казалось, невозможно одолеть его ничем. Мать тоже зашевелилась, зашевелилась и вся эта масса людей на полу и на нарах, а дети со всех сторон лезли к печке и требовали, требовали...

Хозяйка кастрюли сняла с печки полусырое мясо, поставила рядом с собой и накрыла тряпкой:

— Она моя! Слышите, моя! Никому не дам, у меня дети!

Гокка медленно спустилась с нар, пробралась к женщине, ни слова не говоря, нагнулась к кастрюльке, но женщина судорожно вцепилась в нее.

— Не дам! Прочь отсюда!

Гокка, не повышая голос, внятно сказала:

— Не бойся, отпусти, и твоим достанется. Посмотри, сколько детишек окружило тебя...

Женщина опомнилась:

— Разве что так...

А как делить эту горячую водичку и почти сырой кусок мяса?! Нашлись кружки, миски, и Гокка разлила чуть ли не по капле. Стала делить и мясо на маленькие кусочки. Раздала, но дети тут же просили:

— Еще! Еще! Еще!

Гокка заметила, как Хасан закрыл руками уши и прижался лицом к стенке вагона, а женщины плакали и причитали, заглушая требовательные крики детей. Что ж, плакать они имели право, и на всем протяжении пути за ними текла река из слез...

Молодая женщина поднялась на свои нары.

— Что же это такое, что же это такое... — тихо, с надрывом повторяла мать, сидя облокотившись на чемодан. Левую руку она так и не вынимала из пазухи.

Если бы Гокка знала, что это такое! И кто такая теперь она сама? Разве она та, которую в полку все с любовью называли «наш доктор»? Неужели она жена того самого красавца Аслана, который награжден орденами за храбрость в борьбе с фашистами? Отечество защищают его дети, но и оно должно защищать своих детей. А их, выходит, защитить некому. Но в следующую минуту она сказала себе: «Нет, тут что-то не так. Мы жертвы страшного беззакония. Кто-то святым именем Родины предаст ее, обрекая нас на эти муки, и мы движемся в неизвестность, усеивая трупами поля Отчизны. И нет выхода. Та волевая, гордая Гокка теперь сидит, втиснутая между людьми и вещами...»

Сильно зачесалось тело. «Этого еще не хватало», — брезгливо передернула она плечами.

— Она совсем не шевелится, но жива, — услышала Гокка голос рядом сидевшей Абидат. Она повернулась в ту сторону. Трехлетняя девочка лежала пластом, с закрытыми глазами. Гокка проверила пульс у ребенка. Он был едва ощутим. Малышка теряла последние силы от голода, у Абидат же не было никаких продуктов, потому что их не было и дома. Мать понимала, что ребенок не протянет долго, а другие ее дети, требующие еды?! Что будет с ними? Отчаяние подняло ее с нар:

— Люди, спасите моих детей, дайте им что-нибудь поесть!

Кто-то протянул ломтик сыра, кто-то кусочек сушеного мяса, а Исмаил Хапаев передал кружку с водицей на доньшке.

Годы военного лихолетья люди жили впроголодь, отдавая все фронту. Хлеб заменялся картофелем, но и его не хватало. За пять месяцев оккупации фашисты не оставили у аульчан ни кур, ни гусей, ни овец. Коровы сохранились не у всех. Вся надежда была на выкопанную недавно картошку. Но за два часа, отведенные ночью на сборы, люди не смогли достать ее из подвалов. А вот фотографии своих близких, находившихся на фронте, как выяснилось, захватили все.

Гокка с состраданием оглядывала этих людей, с детства ей знакомых: все они казались на одно лицо. Их объединила общая беда, желания были одни и те же — поесть, не мерзнуть, выйти на свободу.

Хасан чаще всего сидел, опустив голову на согнутые колени. Разговаривал мало. Его молодая жена примостилась рядом, глядя с высоты нар широко раскрытыми глазами на копошившихся внизу. Никто, конечно, не различал в полумгле выражение детского недоумения и страха, искажавшего ее красивое лицо.

А состав еще шел, монотонно, безразлично стуча колесами по рельсам. Где, по каким местам мчится поезд, «пассажиры» не имели представления: теплушка была без окон, а выпускали их далеко от вокзалов. Родной для этих несчастных край остался далеко позади.

Многие поколения их предков добывали землю из-под камня. Обживали, защищали от вражеских набегов край суровой красоты, в поте лица добывали свой кусок хлеба. Это о них сказал Лев Толстой: «Карачай — нейтральный народ, живущий у подошвы Эльбруса, отличается своей верностью, красотой и храбростью».

А теперь этот красивый народ превратили в голодную, стонущую грязную массу, которую где-нибудь выбросят на свалку. Его верные сыны сейчас героически сражаются с врагом, не ведая о страшной участи своих близких: это на их глазах грузины торопились занять их дома, прибрать к рукам их скот, хозяйство; это они сейчас задыхаются в смрадном воздухе теплушки, страдают от холода, умирают голодной смертью.

— Привезут же нас в конце концов куда-нибудь, — нарушил тревожную тишину мужской голос, — и тогда мы дадим знать товарищу Сталину, и он вернет нас.

— Кого это — «нас»? — Гокка узнала голос Хасана. — «Нас» уже не останется, пока «нас» привезут куда-нибудь! Мы едем неизвестно куда только пятые сутки, но из одного только нашего застенка выбросили уже семь покойников, а сколько их выносят из каждой теплушки во время остановок?! Дорога усеяна необмытыми, не одетыми в саван трупами. Аллах не простит этого! В каком-то вагоне, говорят, уже вспыхнул тиф. А вы собираетесь писать то-ва-ри-щу Сталину!

Он соскочил с нар, пробрался к двери и иступленно начал бить кулаками.

— Не может быть, чтобы такое дело сотворили без ведома главы государства.

— Не-ет, Сталин верный ученик Ленина, так ведь писали, а Ленин никогда бы не позволил этого, значит, и Сталин не позволил бы, если бы знал, не-е-ет, он не знает.

Гокка молча слушала эти разговоры, а мысли были заняты другим: все тело чесалось, не было сил терпеть. Она даже о еде забыла. Все бы отдала (смешно даже:

что у нее осталось, чтобы отдать!), чтобы помыть лицо, тело. Людей одолели вши. Во время остановок, когда в теплушке становилось светло, было видно, как они ползали. Гокка стряхивала насекомых с шубы матери и со своей шинели, но, увы, их не становилось меньше.

День казался годом, а ночь — еще длиннее. Поезд шел, а время будто стояло на месте. По-прежнему раз в сутки на полчаса выпускали людей из теплушки. Вытаскивали и куда-то уносили умерших, с каждой остановкой их становилось все больше и больше. Конвоиры шарили в лохмотьях, отыскивая покойников. Духераздирающие крики, плач, причитания... Нормальный человек сошел бы с ума от всего этого (были такие случаи), но люди в большинстве своем стали невменяемые: от душевной боли, от голода, холода (кое-где уже выпал снег), от вшей.

Гокка потеряла счет суткам с того страшного дня, 3-го ноября 1943 года. Сколько их прошло? Из одной этой теплушки были вынесены двадцать семь трупов, в основном детей и стариков, так что теперь стало просторно. Многие лежали, порой даже не поднимаясь на остановках.

Гокка услышала рядом с собой всхлипывание и тихий шопот Абидат:

— Моя вторая девочка преставилась, но пусть мои дети, да и все остальные не узнают об этом. Пусть думают, что она спит...

Теперь на остановках люди торопились справить нужду и скорей возвратиться в вагон, чтобы, пока в нем светло, давить вшей. Ногти больших пальцев рук были красными. Вши высасывали из несчастных последнюю кровь.

Во время одной из остановок люди увидели уже настоящую зиму — снег покрыл землю, лежал на крыше станционного домика. Высаживая мать, Гокка заметила солдата, поднимавшегося к ним в теплушку... «А Абидат осталась сидеть около тельца дочери, — подумала она. — Но так или иначе, держать мертвеца в вагоне нельзя, ведь неизвестно, сколько нам еще ехать». Солдат пробирался по вагону, подняв полы шинели, чтобы не подцепить вшей. Он уже по опыту знал, что сидящая женщина оберегает покойника, и, даже не дойдя до нее, позвал людей с носилками. Трупик девочки забрали. Абидат же, обессиленная горем, тут же упала без памяти.

— Пусть будут прокляты те, кто наслал на нас это несчастье! Аллах, накажи их! — раздался гневный голос старика, молчавшего всю дорогу.

— Амины! — ответили все хором.

— Так зачем ходить далеко, вот она, виновная в нашем горе. Бей жену полиция! — крикнула одна из женщин и бросилась к сидевшей в углу. На помощь ей кинулись еще несколько женщин, и быть бы беде, если бы не вмешался тот же старик. Но его оттолкнули, жену полиция таскали за волосы, ее дети подняли вой. Одновременно соскочили со своих нар Гокка и Хасан, к ним присоединились подростки, и они еле оттащили назад обезумевших женщин.

— Дурехи! — крикнул Хасан. — Сколько полицейев да карателей нашлось в оккупированных городах и селах России, Украины и других мест, но эти народы ведь никто не трогает. Мы же — маленький народ, защиты у нас нет никакой, и Россия ничего не потеряет, если мы исчезнем с лица земли. Так мы еще будем уничтожать друг друга? Как же вы не поймете, кто виноват в нашей трагедии!

— А правда, о которой нам долбили двадцать с лишним лет?! Где она, та самая правда?! Где осталась любовь Сталина к нам?! — крикнул кто-то.

— А где она была в 1937 году, когда уничтожали лучших людей страны?

Гокка с удивлением оглядела людей — обреченные, они не разучились думать. Затем мысль молодой женщины перешла к мужу. Сутки, всего одни сутки были они вместе. Ей вспомнились слова последнего письма, которое он прислал из госпиталя: «Рана была пустяковая, зажила, и теперь отправляюсь на фронт, любовь моя. Адрес сообщу. Наша любовь согревает меня и на войне».

То, что с пустяковой раной не отправляют в госпиталь, Гокка знала хорошо, но разве ее Аслан мог написать иначе?! Она тут же, между операциями, хотела ему от-

ветить, но вспомнила, что он уже выписывается и адреса пока нет. А вскоре она сама оказалась в госпитале. Связь с мужем оборвалась.

Как долго они любили друг друга и как мало побыли вместе! Но Гокка благодарна судьбе за то, что она подарила ей это короткое счастье. И если сейчас что-то связывает ее с жизнью, не дает ей покончить с собой (а эта мысль приходила в голову не раз), то это любовь к Аслану, а также судьба беспомощной матери.

— О-о, несчастная я! — вдруг раздался истошный женский крик. — Хасан весь в крови!

Гокка вздрогнула и замерла, потрясенная ужасом.

Она соскочила с нар, вскрикнув от боли в загноившейся ране. Кто-то засветил спичкой, и Гокка ясно увидела Хасана с перерезанным горлом: кровь все еще была струей. В правой руке его была судорожно зажата складная бритва. Тело жены Хасана корчило в страшных рыданиях.

А вагон, эта холодная, вшивая теплушка, неслась, скрипя и покачиваясь, в неизвестность, равнодушная к горю и страданиям своих «пассажиров».

Гибель Хасана произошла ближе к ночи. Самои обреченные на смерть, люди тяжело переживали добровольный уход из жизни молодого человека. Из жизни?! Не-е-т, он ушел не из жизни, он избавился от жизни, он ушел из ада.

Жена погибшего разодрала себе лицо, растрепала волосы. Уже не имея сил рыдать, она тихо плакала, гладила красивую черную шевелюру мужа. Испокон веков принято было в народе, что, если умирал муж, жена при людях не оплакивала его...

Люди в эту ночь (а которая она по счету, никто уже не знал) не сомкнули век. Гибель Хасана раскрыла им глаза на их собственное положение: надо ли жить, если перечеркнуто прошлое, если поругано настоящее, если нет будущего?! Так что выход один — покончить с собой, как Хасан.

Но рядом копошились дети, а их в вагоне было больше, чем взрослых. Голодные, вшивые, грязные, они не ведали ни о чем и требовали хлеба, тепла, воды. И все это нужно было им дать. Высшая несправедливость — это насилие над детьми.

Рассветало. Значит, скоро выпустят на обычные полчаса. Правда, эти полчаса каждый раз растягивались — для выноса покойников из всех вагонов этого времени явно недостаточно.

Гокка заметила, как жена Хасана усиленно закрывает труп мужа бараклом соседки, ведь у них с Хасаном ничего не было — они находились в гостях, оттуда их и забрали.

— Я не отдам его извергам! Не отдам! Ведь привезут же нас куда-нибудь, где можно будет предать его земле по-человечески! — И все прикрывала и прикрывала.

Люди, конечно, понимали и сочувствовали ей, но, с другой стороны, никому не хотелось ехать с покойником...

Эшелон остановился. На этот раз Гокка увидела название станции: «Уральск». Шел реденький снег. Люди высыпали на землю. Один сажился по нужде, уже не стесняясь никого, другой вытряхивал вшей, третий искал дровишек или воду, а кто-то судорожно цеплялся за труп своего близкого.

Жена Хасана и две ее соседки по нарам устроились сидеть ... на трупе, решив, что солдаты не поднимут их. Конечно, оставшиеся сидеть женщины каждый раз вызвали подозрение. Гокка это знала, но говорить было бесполезно. С другой стороны, оставлять труп между людьми было рискованно — он начнет скоро разлагаться.

В теплушку поднялись два солдата. Они всячески старались приподнять полы своих черных шинелей, пытались закрывать рот и нос, но это им почти не удавалось — надо было шуровать баракло. Сидевшим женщинам приказали подняться, те сделали вид, что по-русски не понимают, и тогда солдаты осторожно вытащили из-под них труп...

Жена покойного быстро спрыгнула и побежала вслед за носилками, оглашая всю округу плачем. Молодую, обезумевшую от горя женщину задержал какой-то старик, прижал ее голову к своей груди:

— Дитя мое, смирись. Бесполезно плакать. Аллах им этого не простит.

Весть о самоубийстве Хасана облетела поезд и повергла всех в оцепенение. А затем поднялся всеобщий шум: люди громко выражали свой протест против насилия, учиненного над ними. И, как ни странно, Гокке показалось, что гнев голодной и безоружной толпы обеспокоил стражу, и солдаты с оружием наизготовку поспешно водворили ее в теплушки.

И снова нескончаемый скрип вагона...

На каждой остановке мать надеялась, что Гокка услышит какую-нибудь весточку от своей сестренке Кемисхан, а также о матери и сестре Хасана. Она не знала о том, что неоткуда взяться таким вестям. Этот эшелон, видимо, состоял из населения Учкуланского района, иначе — Большого Карачая, а сколько их, таких составов, пошло впереди и сколько следует за ним, неизвестно. Если же родственники и находили друг друга, то им не разрешали воссоединиться.

Ехали молча: ни у детей, ни у взрослых не было сил разговаривать. Люди, казалось, стали забывать речь. И гнетущая тишина, нарушаемая только стуком колес, была по нервам больнее, чем стоны и крики.

У Гокки временами кружилась голова. Так бывало, когда она сутками простаивала у операционного стола. Военная закалка и здесь помогала ей преодолевать собственную слабость и как-то поддерживать мать. Она боялась даже представить себе, что с матерью может случиться самое страшное и что нужно будет где-то оставить ее... Рана на ноге теперь болела беспрестанно. Небольшой запас лекарств в вещевом мешке иссяк, даже йода не осталось — им Гокка всю дорогу смазывала рану, за неимением ничего другого.

Боль в ноге, страх за мать, беспокоество за судьбу людей, ехавших вместе с ней в никуда, причиняли молодой женщине нестерпимые страдания. В чем виноваты эти несчастные? Выселить целый народ... Какую цель преследовала эта бесчеловечная мера? Чтобы обезвредить кучку предателей, скрывавшихся в горах? Это ли настоящая причина страшного злодеяния? И вдруг в утомленном мозгу Гокки вспыхнуло подобие разгадки: наши дома, на наших глазах, не дождавшись нашего отъезда, занимали грузины. Значит, Сталин отдал наши родные места Грузии, увеличив тем самым ее территорию! Но в следующую минуту устыдила себя: как ты можешь подумать такое о товарище Сталине — о верном ленинце, отце народов, защитнике слабых и угнетенных?

У нее пугалось в голове — все, чему ее учили, чему она верила, разбивалось о страшную действительность.

— Скорей бы вывалили нас где-нибудь, — услышала Гокка чей-то голос.

— Никуда нас не привезут, нас становится с каждым днем все меньше и меньше. Наверное, будут возить до тех пор, пока в эшелоне не останется ни одна живая душа.

— Они отлично знают, что те скудные запасы продуктов, которые были у нас, иссякли. Голод, холод, жажда и вши сделают свое дело. Да и тиф вот-вот доберется до нас... Значит, близок конец...

— Лучше бы поубивали нас на месте — прах смешался бы с родной землей...

— Пятнадцатые сутки на колесах, — уточнил кто-то.

И снова ехали молча, углубившись в свои мысли. Говорили, что их везут в Сибирь — с юга на север. Но после Уральска снега уже не было. На вопрос, куда они едут, охрана не отвечала. Да уже и безразлично было, где они пристанут, — лишь бы скорее ноги почувствовали твердую землю.

В теплушке находился человек, который один всю дорогу молчал, не возмущался. Это был Ибрагим, учитель Хурзукской школы, мужчина лет пятидесяти. С

фронта он вернулся инвалидом — в трахею была вставлена трубочка, через которую он дышал. Его, участника войны и коммуниста, оккупанты посадили в тюрьму и собирались расстрелять вместе с другими, но части Советской Армии вошли так стремительно, что немцы вынуждены были бежать ночью, не успев покончить с арестованными.

У Ибрагима жена была русская. Вместе они прожили двадцать пять лет, нажили троих детей. Самый старший сын находился на фронте. В ночь выселения его жене предоставили выбор: хочешь, собирайся с мужем и детьми, хочешь оставайся, мы русских не трогаем. Жена его выбрала второе и начала собирать мужу чемодан. Ибрагим же оделся во что попало, накинул на себя шинель и сказал солдату:

— Веди меня, куда хочешь.

Поцеловав детей, вышел, не глянув на жену. Чемодан он не взял.

Так и сидел он в углу молча, отказываясь от скудных подаваний.

Гокка знала его по школе. Статный и все еще красивый, всеми уважаемый в ауле человек, сейчас он как бы съезжился, стал меньше ростом. Он переживал двойное предательство — самого близкого человека — жены и Советской власти, защищая которую, он стал инвалидом. Теперь ему было совершенно безразлично, на какой остановке выбросят его тело из теплушки.

Рука Гокки случайно коснулась ордена под шинелью. До сих пор она его как будто не замечала. По телу прошел трепет — вспомнился день, когда ей его вручили, вспомнились друзья-однополчане, поздравлявшие ее. Привычное с детства уважение ко всякого рода значкам — ГТО, ГСО, Ворошиловский стрелок, особенно к орденам, остановило руку Гокки, попытавшуюся сорвать награду. Она решила, что нынешнее ее положение унижает достоинство ордена. Да и свою военную форму она не должна бы носить, но вся гражданская одежда ее осталась на квартире в городе. Офицер с орденом на груди — и это бесправное положение. Какая ирония судьбы! Насмешка над мундиром.

Тем временем эшелон остановился в очередной раз. Вдоль железнодорожной линии здесь лежали белые горы соли, их топтали сотни ног. Люди набирали ее во что попало. Гокка тоже набрала в носовой платок. А для чего? Просто взяла механически.

Вдали от железнодорожной ветки виднелись небольшие постройки из глины, непривычный глаз карачаевца их не принимал за жилье.

Вдруг молниеносно разнеслась весть: обитателям трех теплушек в конце состава приказано высадиться со всем скарбом. Что бы это значило?! На погибель или на существование?! Почему остальным не приказывают остаться?

Люди переполошились: в разных вагонах едут родственники, близкие, знакомые, значит, теперь разлучат всех, опять неизвестность?!

Гокке удалось узнать, что это товарная станция Джамбул, значит, они в Казахстане.

Простояв здесь дольше обычного, вывалив часть людей, эшелон снова тронулся в путь. Теперь сердце сжималось в тревоге об оставшихся: что с ними будет? Ночью вовсе не сомкнули глаз, ожидая своей участи, чувствовали, что наступает какой ни есть конец — пусть случится что угодно, но хотя бы вдвоишь надышаться воздухом перед смертью, лишь бы самим похоронить своих близких, только бы увидеть небо над собой... На большее они не рассчитывали. Но если даже устроят им райскую жизнь, разве ад, в котором они пребывают сейчас, позволит им наслаждаться раем?! Он никогда не уйдет в забвенье, пока будет жить хоть один из этих несчастных.

В следующий раз состав остановился среди ночи. Дверь так и осталась запертой. Слышался топот ног, а вскоре раздались причитания:

— Нас высаживают в степи с вещами! —

Кричали громко, чтобы слышали те, кто сидел в закрытых теплушках.

- Мусса, это я твоя сестра, слышишь меня? Нас высаживают в голой степи!
- Отец, где ты, это говорит твоя дочь Бийче, слышишь меня?
- Мама, родная, прощай!

И вновь застучали колеса по рельсам...

Ехали молча. Холод пробирал до костей. Жена покойного Хасана сидела, уставившись в одну точку, не ела, когда кто-то что-либо давал, не пила, не ложилась — окаменела. Если она все-таки держалась, то только благодаря своим молодым силам, которые еще не иссякли. Так же вел себя Ибрагим — безвольно отдавшись скорбным думам. Сколько лет он учил детей доброте, честности, патриотизму. Но вот его собственная жена, прожившая с ним четверть века, предала в тяжелый час его жизни, не захотела разделить с ним горе. Едет же в соседней теплушке русская женщина с детьми, жена карачаевца. «Напрасно ты, Ибрагим, родился на свет, напрасно тратил свои силы на семью, на Родину. Они отказались от тебя, инвалида, выжав из тебя все. Куда теперь едешь? Зачем? На фронте ты умирал не раз, ну а теперь еще разок, но так, чтобы больше не очнуться...» Общими руками сдавил он свое продырявленное горло... Через несколько минут его тело упало на рядом лежавшего человека.

* * *

Опять остановка. Дверь вагона долго оставалась запертой. Снаружи раздавались чем-то озабоченные голоса незнакомых людей. Так стояли долго. Когда раздвинули дверь, уже был вечер. Раздалась команда:

— Выходи с бараклом!

Это было на двадцатые сутки пути...

Вдалеке были видны домики в предвечернем свете, а все остальное, насколько хватало глаз, степь да степь. Поезд остановился, видимо, не доезжая до станции.

Выгружались все также под дулами автоматов.

Расположились на промерзшей земле. Какие-то гражданские люди суетились среди прибывших — переговаривались, размахивали руками, останавливали свои взгляды лишь на здоровых, единственное, чего они не делали, — не заставляли показывать зубы. Черный невольничий рынок...

А несчастные, отучившись ходить, бывать на воздухе, сидели слабые, голодные, больные. Эти гражданские люди оказались председателями колхозов районов, куда прибыл эшелон. Как потом выяснилось, это был городок Токмак Кантского района Киргизии.

Руководители отбирали себе рабочих. Между ними слышались споры — многодетных никто не хотел брать, предпочтенье отдавали подросткам, за неимением взрослой рабочей силы. Судили, ржали, делили...

Наступила ночь, осенняя, холодная. Подъезжали подводы и всю ночь развозили людей по разным местам в окрестные колхозы. Гокка с матерью тоже сели на бричку. На ней оказалась и Абидат с семьей. Гокка узнала от возницы, куда их везут: в колхоз «Трудовик» Курдайского района Казахской ССР. Кантский и Курдайский районы располагались рядом, их разделяла река Чу, граница двух республик.

Брички проехали восемнадцать километров по земле Киргизии и, переехав реку Чу, оказались в Казахстане, где в трех километрах от реки и находился колхоз «Трудовик».

Когда подъехали к площади, там уже копошилась серая масса людей, окруженная кольцом любопытствующих жителей, которые были уже на ногах, несмотря на раннее утро.

Недалеко топилась банька, через которую начали пропускать прибывших. Вещи приказано было сдать на дезинфекцию.

Здесь распоряжался единственный военный, с красным и свирепым лицом, чувствовалось, что местные люди его побаиваются. Они называли его комендантом Кузнецовым, без имени и отчества. Другим распорядителем был фельдшер, пожилой, с добрым лицом.

У большинства спецпереселенцев, как их здесь стали называть, не было смены белья после бани (разве до белья было, когда выселяли?!). Выходили из бани и подолгу на холоде ожидали подводы, которые должны были их опять везти куда-то. Этой «кампанией» руководил председатель колхоза Волынкин.

Узнав о том, что Гокка врач, добрый фельдшер постарался помочь ей — устроил на квартире у некоей Фриды Ишиной. Большинство же прибывших были поселены в бараках из глины, по восемь — десять семей вместе. Домик из самана состоял из двух низеньких комнат, двери которых выходили в общие узенькие сенцы, служившие летом кухней. Одну из этих комнат и отдали Гокке с матерью. В ней оказались большая самодельная деревянная кровать и длинный стол. Молодая женщина постелила шинель и уложила мать, сама села рядом. В два маленьких окошка заглядывало хмурое утро.

У матери, продрогшей после бани, поднялась температура. Гокка постучала в дверь хозяйки дома, которая закрылась в своей комнате с тремя детьми и матерью. Фрида приоткрыла дверь и посмотрела вопросительно.

— Таблетку аспирина, если можете. И еще: где можно достать дров, чтобы запитать печь?

— Аспирин, кажется, есть, а вот дрова... их здесь не бывает. Мы ходим по болотам и жнем камыш, а то собираем курай по полям, — ответила она.

Приказав детям не высовываться, хозяйка вышла в сени. У печки лежал камыш.

— Вы затапливайте у себя вот этим камышом, а я пойду поищу аспирин.

Камыш Гокка видела впервые в жизни и никак не могла понять, как можно им топить печь. Тем не менее, как только поднесла спичку, камыш вспыхнул, но тут же превратился в пепел. Фрида, вышедшая за таблеткой, поспешила подложить в печку еще пучок. Значит, надо сидеть у печки все время и подкладывать.

Гокка подала таблетку матери — она еле проглотила ее, потому что запить было нечем. Опять обращаясь с просьбой к хозяйке было неудобно. Камыша больше не было, но воздух в комнате стал теплее.

Гокку одолевали тяжелые думы. А кроме того, оставшись без шинели, она продрогла и ежилась. Что делать, с чего начать, коль их привезли сюда на «вечное» поселение? Об этом уже говорили на площади. Сейчас все мысли были о тепле и еде. Открылась дверь, зашла хозяйка дома с какой-то кастрюлей. На крышке лежали два ломтика кукурузного хлеба и две деревянные ложки. Кастрюлю Фрида поставила на стол.

— Поешьте, — сказала она, — ничем другим помочь не могу, муж на фронте, а на моей шее четверо.

Дочь и мать, сидя на кровати, поели похлебку прямо из кастрюли. С третьего по двадцать второе ноября, то есть по сегодняшний день, это была первая горячая еда домашнего приготовления. Гокка вновь уложила мать, чтобы она пропотела после аспирина и похлебки. Мать легла в своей шубе, заменившей ей матрац и одеяло, а шинель вернула дочери и заставила надеть.

Гокка вышла во двор. Не верилось, что можно свободно дышать воздухом, ходить по земле. День был хмурым, с изморозью.

Будучи на фронте, Гокка видела разные земли. Здесь, насколько хватало глаз, были одни степи, вдали небо будто сходилось с землей. По обеим сторонам улицы стояли одинаково приземистые саманные домики с камышовыми крышами и росли хилые тополя, с которых слетели последние листья. Пыль за двором доходила до щиколотки. С пронзительной болью в сердце вспомнила всегда чистые кремнистые улицы там, в уже потерянном отчем краю. Подумалось: а как же люди ходят здесь, когда дождь?! Унылый вид местности наводил тоску.

Вчера, когда людей вывалили на станции Токмак и они смешались в ожидании распределения, появилась возможность разыскать родственников и знакомых. Вдруг Гокка столкнулась лицом к лицу с сестрами Кубановыми, Халимат и Разият. Они работали учительницами в Хурзуке. Все трое обрадовались этой встрече. И теперь Гокка и обе Кубановы с матерью держались друг друга, надеясь попасть куда-нибудь вместе. Их всех направили в «Трудовик», но Гокка пока не знала, где их разместили. «Где найти их, чтобы поговорить?», — думала она, окидывая взглядом улицу. — Разрешается ли нам, высленцам, ходить по территории колхоза? Она вспомнила того, с малиновыми погонами, который носился утром между прибывшими. Его расширенные ноздри, землистое лицо и жесткий взгляд наводили ужас. Казалось, он был рад тому, что появились новые жертвы и что он теперь с удовольствием может поизмыкаться над ними. Одним словом, он чувствовал себя в своей стихии. У него было лицо убийцы; один раз в своей жизни, в 1937 году, Гокка видела такое лицо — у уполномоченного НКВД в Малокарачаевском районе Басията Эркенова. Это он, Басият, вызвал в аулсовет трех комсомолок, в числе которых была и Гокка, и, прожываясь по кабинету, поочередно диктовал им донесения о некоторых хурзукских людях. Из донесения выходило, что данный человек является врагом народа. Работая пером, Гокка и ее подружки содрогались от того, что страна кишит врагами, и всеми своими силами готовы были помочь борьбе с ними. Девочки, конечно, не догадывались о том, что пишут доносы на честных людей и что их подписи, подписи комсомолок, будут стоять под этими доносами. Басият и человек, которого сегодня называли комендантом, были на одно лицо, как близнецы. Это было лицо палача, каким его рисуют в книгах. И вдруг вспомнила еще одного. Гокка только что прибыла в эвакугоспиталь. Госпиталь находился на приличном расстоянии от фронта. Палаты были переполнены ранеными, лежали они и в коридорах. Делая свой первый обход раненых, Гокка застала одного-единственного пациента в одной палате. Она удивилась такой роскоши и сообщила начальнику отделения о том, что хочет поставить в ту палату еще три койки. Начальник сразу изменился в лице и сказал полупешотом:

— Что вы, этот Тороп, который лежит один, является сотрудником особого отдела...

Так к нему было и отношение особое со стороны персонала: не только отдельная палата, но даже особая еда. А всего-то навсего был ранен большой палец на ноге. С таким, да и большим, ранением обычно солдаты не покидали поле боя.

Во двор вышла Фрида: побросала корм курам, напоила теленка водой из колодца. В это время из домика, что стоял рядом, вышла полноватая женщина с добрым лицом и завернула во двор к Фриде. Поздоровалась с Гоккой, подошла к соседке, и Гокка за спиной услышала немецкую речь. Вздрогнула, оглянулась. Женщины стояли и разглядывали ее.

— Можно сказать, что вам повезло, — сказала пришедшая, обращаясь к Гокке. — Когда нас привезли сюда, здесь была только голая степь, так мы, как кроты, рыли себе норы...

— Привезли? Вас? — поразилась Гокка.

— Да, мы тоже спецпереселенцы, нас привезли в тридцатых годах.

— Как кулаков, — уточнила Фрида.

— Только какие мы были кулаки, у моего отца, например, было три коровы, пара лошадей, и это для семьи в восемь душ. В колхоз он не хотел вступать, так его раскулачили и привезли сюда, на край света...

— Так здесь живут такие? — спросила Гокка.

— Есть и другие. Сюда попала и часть немцев, искони проживавших в республике Немцев Поволжья. Теперь-то этой республики нет. Тех немцев, как только началась война, разбросали по Сибири и Средней Азии. Живут здесь и русские, и азербайджанцы, мордва, одним словом, так называемые кулаки, — сказала Фрида.

- И тот комендант, который принимал нас сегодня, ваш, да?
— Наш, будь он проклят, этот Кузнецов, теперь он и ваш, — ответила Христина — так Фрида называла соседку. — За что вас-то выселили?
— Не знаю. Выселен весь наш небольшой народ.
— Нам говорили, что везут к нам бандитов, а тут одна детвора да женщины и старики. Ну, а вас-то за что, на вас командирский китель, — все интересовалась Христина.
— Я вам честно ответила, не знаю.
— Я пойду и принесу вам чего-нибудь съестного, хотя у нас у самих не густо, — сказала Христина и скрылась в свой домик.
— Она живет одна, муж находится в рабочем батальоне где-то, — пояснила Фрида.
— Как вы думаете, я могу свободно пройти по селу? — спросила Гокка.
— Это можете, хотя и неизвестно, что надумает наш кат, — ответила Фрида и стала подметать и без того чистый двор.

Вернулась Христина и прямо направилась в комнату, где на голой кровати лежала мать Гокки. Зашла и Фрида. Христина, выкладывая на стол из фартука два яйца, кусочек кукурузного хлеба, два соленых огурца, тихо переговаривалась с соседкой на немецком языке. Гокка не знала этого языка, в институте она изучала французский.

Женщины вышли, а мать села на кровати.

— Что за люди, к которым вы попали? — спросила она, не вынимая руки из пазухи. Всю дорогу да и теперь ее рука так и лежала на фотографии сына.

Гокка рассказала ей о женщинах, а мать задумчиво произнесла:

— Как они живут, несчастные, в таких саманных домиках, или это нам такой достался?

— По-моему, здесь все домики такие. Ты полежи, я пройду, поразведая, кто где, — сказала молодая женщина и направилась к двери, у которой столкнулась с Христиной — она принесла охапку сена и положила на кровать.

— Это будет ваш матрац и подушка, — улыбнулась она.

Гокка поблагодарила ее и, застегнув пояс шинели, вышла. Направилась к центру, где виднелись длинные бараки.

Встречные всюду рассматривали стройную красивую девушку с офицерскими погонами. Она, привыкшая к военной аккуратности, пришила-таки свои сорванные погоны.

Поравнявшись с первым бараком, она увидела своих, карачаевцев, возившихся с детьми или с вещами. Завернула. В огромном, как кузня Асланбека в Хурзуке, бараке, без каких-либо перегородок, разместились восемь семей. Ни нар, ни столы, ни стульев не было. Лишь посередине стояла огромная русская печь. Светило одно большое, какое-то несуразное, окно. На холодном земляном полу лежали и ходили дети, глядя на все и всех удивленными глазами. Непривычно было видеть среди них большую пеструю кошку, безразлично шагавшую между ними. Некоторые из взрослых сидели, беспомощно опустив руки на колени, не зная, как быть и что делать.

Гокка вышла из барака и, увидев вылинявшую вывеску фельдшерского пункта, завернула туда. Знакомый запах лекарств сразу ударил в нос и напомнил о фронтовых буднях.

Старый фельдшер был на приеме, но клиенты отсутствовали. Он пригласил Гокку сесть и спросил:

— Как вы устроились, хотя это не то слово? Все, что я мог сделать для вас, — это поместить не в бараке, а на частной квартире.

— Благодарю вас, но я не знаю, что мне делать...

— Что дальше делать? — переспросил старый, опытный фельдшер. — Надо жить. Я знаю ваше душевное состояние, сам прошел через все это. Читайте, что

вам повезло, — вас привезли что ни на есть в село, не то что нас одиннадцать лет назад. Колхоз этот состоит из так называемых бывших кулаков, но ни один из них не имел в своем хозяйстве работника, перебивались своим трудом. Это — люди, в свое время не пожелавшие вступить в колхоз, и таких хозяев раскулачивали, в результате они оказались здесь. Что же касается меня, то я прошел всю гражданскую войну как фельдшер и тем не менее попал сюда как кулацкий сын. Скоро и помирать пора, а вам жить и жить...

— Цепляние на жизнь вы называете жизнью?

— Нет. Я ненавижу себя за такое цепляние, но что делать, каждый из нас несет ответственность перед близкими и ради них надо выжить. Ну да ладно. Главное для вас сейчас работа, и я с удовольствием отказался бы ради вас от этой маленькой амбулатории, но, как говорится, своя рубашка ближе к телу, чем-то надо будет жить. Врачей везде не хватает, можно бы вам устроиться в Георгиевском, это центр нашего Курдайского района, но нужно разрешение коменданта, а он у нас...

Гокка слушала его так, как будто все, о чем он говорил, ее вовсе не касалось, вроде речь шла о ком-то другом: она все еще находилась в каком-то пространстве между бытием и небытием.

Поблагодарила фельдшера за его сочувствие (все же догадалась это сделать) и вышла.

Село как бы съезжилось, притаилось в ожидании — что же будет дальше... Прибытие голодных, полуголых людей не сулило ничего хорошего жителям, еле перебивавшимся от урожая к урожаю, ведь все отправлялось на фронт. Кроме того, земля здесь вся была поливная, а поливать было некому — русские и азербайджанские мужчины были на фронте, а мужчины-немцы — в рабочих батальонах.

У одного из домов Гокка неожиданно увидела Халимат Кубанову и убыстрила шаг. Оказалось, что они размещены недалеко друг от друга.

— Нас поместили в сених у старика Ишина, он живет с женой и дочерью, — сказала Халимат.

Как потом выяснилось, Фрида была его снохой. Ее муж Иван Ишин был на фронте.

Гокка и Халимат стали совещаться: что делать, как быть? Надо было что-то раздобыть для пропитания, чем-то растопить печи. Но как? Где взять?

— О том, что к ним везут бандитов, оказывается, им сказали месяц тому назад, — рассказывала Халимат, — старик Ишин нам поведал. И кроме того, прошел слух о том, что их выселят, и они ждут, сушат сухари, и прочее...

Помолчали.

— Моя мама совершенно убита горем — перед выселением получили похоронку на моего единственного брата Исхака, — сказала Халимат и добавила со слезами на глазах: — За что погиб мой брат, скажи!

— Так твой брат тоже?

— И твой, значит?

Гокка переменяла разговор:

— Давай разыщем почту, я брошу открытку Аслану, авось, застанет его в госпитале.

Почту нашли, она размещалась в одной из перегородок барака, где находилась и контора колхоза. Девушка сказала точный адрес этой местности: Казахская ССР, Джембулская область, Курдайский район, село Кишмыши, или просто колхоз «Грудовик».

Выйдя из почты, Халимат направилась с Гоккой, чтобы узнать, где их приютили. Войдя во двор, Гокка увидела свою мать. Она стояла около хлева и в горестном изумлении окидывала взглядом все вокруг.

— Ни гор, ни лесов, ни рек. Глазу не на чем остановиться, — произнесла она чуть слышно.

Гокка обрадовалась, увидев мать на ногах, но чем ее теперь поддерживать?!

Халимат зашла в холодную и пустую комнату.

— И то хорошо, что через вас не будут ходить, а наши хозяева ходят через нас. — вздохнула она. Потом предложила: — Давай прежде всего постараемся раздобыть топливо, спросим, где растет этот самый камыш, и сходим

— А может, ехать надо, а не сходить.

— Не знаю, не знаю, Гокка, но знаю одно, коль мы доехали сюда живыми, значит, надо постараться жить.

Гокка пошла и спросила Фриду о камыше. Ее дети высypали в сени и во все глаза рассматривали тетю в погонах.

— Камыш растет вон там, в конце села, в воде. Я могу дать серп, но только не потеряйте его, пожалуйста, он у меня единственный. — Она вошла в комнату и вынесла узенький блестящий серп.

Гокка и Халимат направились в конец села, по пути сообщив об этом матери и сестре Халимат. Шли недолго, спустились к пойме реки Чу. Увидели целый лес камыша и своих соотечественников, которые старались ломать камыш руками. Ноги проваливались в тронутую льдом воду — кочки уходили из-под ног. На доступных местах камыш весь был выжнен. Там, куда люди не могли добраться, он стоял стеной. Вокруг не осталось даже высохшей травы, и Гокка с Халимат, чуть ли не по былинке собрав по жалкой охапке, вернулись назад. Войдя во двор, Гокка увидела, что Фрида тщательно закрывает воз камыша, заготовленного на зиму, — чего только не набросала на него сверху! Сердце застучало так больно, что нечем стало дышать, — это от нее хозяйка прячет камыш, чтобы не воровала. Какой ужас! Какой ужас!

Топливо, принесенное Гоккой, один раз вспыхнуло в печке и погасло, ни о каком тепле не могло быть и речи, тем более, к вечеру заметно психолодало.

Из мазанки, стоявшей за домиком Христины, пришла русская женщина, которая назвалась теткой Марьей. Она долго рассматривала Гокку с матерью, в ее глазах была жалость.

— Пойдем, — сказала она Гокке, — принесешь камыш. — Мой старик нажмет еще, у него и резиновые сапоги есть.

Гокка вышла за ней. По дороге тетка Марья повернулась к ней и шепотом с презрением сказала:

— Фрида такая жадоба, ну, такая жадоба, что пить не даст человеку. При муже она такая была, а теперь без него тем более.

Когда они вошли во двор, дед с чем-то возился там, а увидев Гокку, стал разглядывать ее. Из-под лохматых бровей глаза были видны еле-еле.

— И вас, с такими погонями, тоже?.. — произнес он удивленно, опираясь обеими руками на лопату.

Тем временем тетка Марья налила кринку молока, завернула в тряпицу немного творожку, в карманы шинели Гокки рассовала несколько вареных картофелин.

— Отнеси это, а я понесу камыш, — сказала она.

С этим богатством Гокка вернулась к матери, а вслед за ней пришла и тетка Марья с большой охапкой камыша.

Поев и согрившись, мать и дочь оказались перед проблемой — нечем было осветить комнату. Легли валетом на сене, одетые, как есть, — в шубу и шинель. Но сон не приходил.

— Я думаю о Кемисхан и Аслане, — тихо сказала мать, — как их разыскать тебе? Как найти и родню Аслана?

— На имевшийся у меня адрес я сегодня послала открытку твоему зятю, мама, а вот насчет сестры моей Кемисхан и ума не приложу. Она должна быть вместе с горожанами, но по каким местам их разбросали, кто знает.

— А брат мой, племянники, племянницы: увижу ли я их теперь? Аллах мой, за что такая кара на несчастных людей?! Лучше бы сразу смерть, как тот Хасан несчастный...

— Мама, не заводи такие разговоры, ради бога, — попросила Гокка, хотя сама, ни о чем не жалея, с радостью ушла бы из жизни. — Я устроюсь на работу, найдем и Кемисхан, — старалась успокоить мать, а сама-то знала, что ей, хирургу, здесь делать нечего. И утром начнется борьба за жизнь: где бы достать какой ни есть еды, охапку топлива, лампы...

Длинная осенняя ночь никак не кончалась, сон не приходил, под головами ничего не было — сено щекотало лицо, а холод пронизывал все тело.

Когда забрезжил рассвет, Гокка тихонько встала, стараясь не разбудить мать, и тут же услышала:

— Я не сплю, дочка, не беспокойся.

Чтобы хоть немного согреться, она попробовала делать зарядку, но какая зарядка в одежде?! Матери предложила походить, но та отказалась — ноги ее не держали. От саманных стен и земляного пола так и тянуло холодом.

Вскоре послышался звон ведер в сених, наверное, хозяйка собралась доить корову.

— Несчастливая я, — запричитала мать, — сейчас кто-то доит мою корову, кто-то живет в моем доме на всем готовом, кто-то видит мои родные горы, у которых лежат мои предки. Больше двадцати дней не имею возможности помолиться. Аллах, ты сам видишь, что не на чем, да и нет воды для омовения. Аллах мой, за что?

Гокка обняла ее за шею, прижала к себе.

— Мама, опомнись, слезами горю не поможешь. Я сегодня отведу тебя к Бибе, матери Халимат, посидите, поговорите.

— Я на чужой голой кровати, — не слыша ласковых слов дочери, причитала несчастная женщина, — на столе чьи-то объедки, заживо похоронена в земляном склепе. — Слезы текли по изможденному лицу.

Остро встала проблема воды. Где ее берут? И в чем ее принести? Фрида даже ведра не оставила в сених — никакой посуды, все убрала на свою половину. Гокка побежала к тетке Марье.

— Эта жадина и воды не дает из колодца? — возмутилась она, достав бадьей воду и переливая ее в старое ведро.

— Я не просила у нее.

— Да у нее такая морда, что не больно-то попросишь. А колодцы у нас в каждом дворе. Она не знает, что ли, что вам умыться нечем, могла бы догадаться сама, чертова немка!

Гокка возвращалась с ведром воды и с жестяной помятой кружкой. Хозяйка возилась во дворе, но сделала вид, что не заметила ее. Сынишка Фриды, лет двенадцати, выбежав из дома, увидел Фриду и громко сказал:

— Мама, посмотри, бандитка, а имеет орден!

Гокка чуть не выронила из рук ведро, ее прошиб холодный пот от этих слов, но, одолев себя, она перешагнула порог комнаты. Стараясь, чтобы мать не заметила ее побледневшего лица, она поставила ведро, зачерпнула кружкой воды и вывела ее умываться не просто во двор, а на огород за домом, во избежание возможного недовольства Фриды. Этот орден, с получением которого ее так тепло поздравляли фронтовые друзья, с той трагической ночи выселения стал для окружающих поводом для насмешки: лейтенант, выселявший их, ехидно улыбался, глядя на орден; в теплушке кое-кто намеками говорил о том, что вот, мол, как бы ты ни воевала, а не пощадили. И паренек, конечно, только повторил слова взрослых. Значит, местным жителям их представили как бандитов... Тем не менее, орден не снимала, не поднималась рука — он завоеван ее собственной кровью.

Где взять топливо? Где взять еды? Где найти работу? Как разыскать близких? На все эти вопросы должен дать ответ комендант, тот, с лицом убийцы. Со-

вершено безграмотный, тупой человек и образованных терпеть не может, как сказала тетка Марья. Как пойдешь к нему? Но на третий день после прибытия он уже вызывал их к себе: в грубой форме объявлял о том, что они могут передвигаться только в пределах колхоза, кто сделает лишний шаг, будет судим его судом. Что же касается работы, то все они без исключения будут работать в колхозе, «без каких-либо скидок на «золотые погоны», — подчеркнул, глянув на Гокку.

Тут же, без зазрения совести, Кузнецов отобрал несколько мужчин, инвалидов и стариков, а также женщин. Задержал их после всех и, как потом выяснилось, мужчин отправил куда-то на поле, чтобы они привезли оттуда кукурузняк. Женщинам же приказал каждый день являться в его двор убирать коровник, стирать белье, вязать теплые вещи его детям. Платить им и кормить их хотя бы один раз в день он не будет, и так все его время уходит на них.

Отныне спецпереселенцы должны были два раза в месяц приходиться в комендантуру и расписываться. По этому поводу он зачитал приказ, подписанный секретарем ЦК партии М. А. Сусловым. И спецпереселенцы сделали свои выводы:

— Раз приказ подписан Сусловым, значит, Сталин о нас ничего не знает. Но до него дойдет весть, значит, ну нас стараться выжить, а там нас отправят назад на родину.

— Да ведь Сулов работает вместе со Сталиным!

— Ну что ж, Сталину могли не доложить.

В общем, утопающие цеплялись за соломинку...

Гокка понимала, что говорить о работе с комендантом бесполезно, ведь люди недалекие всегда упрямы. Чтобы показать свою власть, комендант ни за что не отпустит ее в район, где, как выяснилось, была острая нехватка врачей. А жаловаться на него, по словам местных жителей, нельзя — будет мстить и засадит в тюрьму под любым предлогом. Он, хорошо усвоив свои неограниченные права, чувствовал себя и богом и царем над жителями «Трудовика» вот уже одиннадцать лет, а теперь и подавно — подвластных ему стало намного больше. Жил же как помещик — двор полон всего. И такому человеку доверены судьбы людей!

У Гокки было немного денег после выписки из госпиталя. Она решила на них купить что-нибудь съестное в лавке. Денег оказалось триста двадцать один рубль. На эту сумму вряд ли что-либо купишь, ведь деньги сильно подешевели. В лавке никаких продуктов не было. Тогда она попросила Фриду продать ей что-нибудь. Та равнодушно посмотрела на деньги — брать их незачем, все равно за них ничего не купишь, — и остановила свой взгляд на обручальном кольце Гокки. Гокка сделала отрицательное движение головой и вошла в свою комнату: лучше, мол, смерть, чем расстаться с этим кольцом.

Спецпереселенцы, как один, ходили по домам: кто просил подаяние, пряча глаза от своих земляков, кто носил вещи, чтобы обменять на продукты. Голодные, холодные, они простаивали у ворот, а со двора на них кидались собаки, привязанные к будкам. Хозяева, завидев в окно несчастных, большей частью прятались, не выходили, иные выносили какие-нибудь объедки, а третьи — рассматривали вещички, принесенные для обмена.

Фрида, да и другие жители колхоза, тряслись над каждым зернышком в закроме, всячески прятали от чужих глаз. Это было понятно, ведь шла война. Кроме того, эти люди вынесли в свое время то, что переживали ныне карачаевцы.

Уже на второй день после прибытия спецпереселенцев в одном из бараков умерли старик и ребенок. Они были первыми похоронены на новом кладбище, которое затем заняло большую территорию.

Гокка собирала разные сухие травы на огороде Фриды, чтобы сварить тыквушку, которую выменяла на мамин небольшой цветной платок. Ведро тетки Марьи теперь служило не только для воды, но и вместо чугуна или кастрюли. Фрида, увидев Гокку на своем огороде, дала понять, что у себя она сама будет собирать бульдыля,

а вот когда она затопит печь и если на плите будет свободное место, тогда она может поставить и ее ведро.

Гокка и Халимат решили сходить к председателю колхоза Гавриилу Яковлевичу Волинкину, по национальности мордвину. Человек, видно, с большим житейским опытом и доброй натуры, он сказал:

— Я очень хорошо понимаю вас и сочувствую. Сам пережил такое из-за того, что в свое время не захотел вступить в колхоз, а теперь, видите, даже председателем колхоза работаю, хотя и перешагнул за шестьдесят. Кстати, наше хозяйство по всей республике считается одним из передовых. Мы перевыполнили план по всем видам, нам иначе и нельзя... К делам райздравотдела и району, конечно, я отношения не имею, это дело в руках коменданта. В колхозе же сейчас неотложная работа — это уборка сахарной свеклы, вот туда, собственно говоря, вам надо идти. Вчера заседало наше правление и мы решили выкroить по пять килограммов ячменной муки на каждую семью. Вот ваша доля, с этими бумажками сходите к кладовщику.

На поле лежали огромные бурты выкопанной сахарной свеклы, а вокруг них сидели женщины в телогрейках, резиновых сапогах, закутанные самодельными шерстяными платками. У каждой из них был нож, которым они чистили корни.

Гокка и Халимат уселись рядом с ними. Девушки впервые видели сахарную свеклу. У них да и у их соотечественниц не было ножей. Местные женщины отдали им свои ножи, а сами, улыбаясь потрескавшимися губами, наблюдали, как те неумело взялись за работу. Подошел к ним коренастый пожилой мужчина, держа оседланную лошадь под уздцы. Это был бригадир Пахно. Он долго смотрел печальными глазами на полуодетых женщин-спецпереселенок, обдуваемых холодным степным ветром. Остановил свой взгляд на Гокке. Он уже слышал о том, что среди пришедших есть хирург, и понял, что это она перед ним, с красными и грязными руками, еле владевшими ножом. «И это руки хирурга...» — с горечью подумал он.

Одна из карачаевок, очистив свеклу, начала ее есть.

— О, сладкая какая! — радостно воскликнула женщина, и все последовали ее примеру. Местные женщины глядели на них с состраданием.

Да, свекла была белая, сахарная, но имела какой-то неприятный привкус. Гокка не стала есть, а тем, кто ел всюю, сказала, чтобы остановились, потому что могут быть последствия. Тем не менее, голодные люди жадно продолжали есть сырую свеклу, а уходя засовывали ее за пазуху и по карманам. Бригадир Пахно ходил между буртами и, как показало Гокке, делал вид, что ничего не замечает. А женщины в душе радовались тому, что сегодня они могут наконец накормить семью...

Гокка и Халимат возвращались домой без свеклы, так как не могли заставить себя взять без разрешения общественный продукт — пока еще одной ногой они стояли там, в своем прошлом... Взглянув на свои изрезанные, поцарапанные руки, Гокка подумала, что это все, наверное, страшный сон. Медиков везде не хватает, хирургов особенно, а тут...

Она только теперь, идя рядом с подругой, сорвала с шинели погоны и спрятала в карман. Халимат остановилась и смотрела на нее снизу вверх (была мала ростом) удивленными глазами.

— Не гляди на меня так, — с горечью сказала Гокка. — Я эти погоны заработала честно, а здесь они вызывают недоумение. И посмотри на эти руки, разве это руки хирурга? А я ими за два года войны спасла сотни жизней. Теперь же я как бы физически чувствую, что они у меня лишние, руки-то мои!

У нее задрожал голос, но она большим усилием воли сдержалась, чтобы не заплакать.

— Знаешь, на днях сынишка Фриды сказал обо мне: «Гляди, бандитка с орденом!»

— Я это знаю, с легкой руки коменданта нас окрестили бандитами. На иной прием мы и не могли рассчитывать. Но я все время думаю: где та Правда, которой

мы верили до самозабвения?! — воскликнула Халимат, вытирая глаза концом легкого платка.

— Оказывается, все зависит от прихоти человека, стоящего во главе государства...

— Ты что, считаешь, что это случилось не без ведома Сталина?

— Уверена в этом, хотя два года с минуты на минуту готова была отдать за него жизнь.

— А наши бедняги все еще считают, что Сталин не знает, и ждут, что он возвратит их домой.

— Страшно подумать, что единственная наша мысль — о куске хлеба, чтобы жить, а для чего жить? Во имя чего?! Мы лишены любимой работы, любимых гор. Судьба близких неизвестна. Я потеряла свою любовь и никогда больше не увижу Аслана. Мы уже «бывшие», так во имя чего жить-то?!

— Я ради мамы и сестры должна жить.

— Так вот это единственное, что у нас осталось.

— Смотри, что делается в бараках, — продолжала Халимат, — скученность страшная. Старики, дети, мужчины и женщины копошатся на холодном полу. Огромную печь, что стоит на середине барака, нечем растапливать. Старики и подростки ходят за камышом, но без высоких резиновых сапог там делать нечего. А страшнее всего видеть, как наши ходят и просят подавание.

— И это те гордые люди, которые испокон веков ставили труд превыше всего!

— Мы с Разият не знаем уже, что и обменять. За одно мое платье ей дали одну тыкву...

— А у меня никакой одежды нет для обмена, — пожаловалась Гокка, — все, что есть, — на мне. Я сумела взять кое-что из одежды сестренки, но ее надо беречь на случай, когда она найдется... А вот часы да обручальное кольцо — это подарки Аслана.

Халимат бросила взгляд на подругу: лицо ее, как у всех спецпереселенцев, землистое и костлявое, только длинные черные брови да ресницы выделялись на нем. Из-под шапки-ушанки с красной пятиконечной звездой видны были такие же черные волосы. «А какая красивая была пара — Гокка и Аслан!» — вспоминала Халимат, шагая по сухой, глубокой пыли, от которой ее обшитые черным сафьяном бурошники и плюшевое пальто стали совершенно белые.

— Как бы нам ни было трудно, Халимат, но мы должны сходить к коменданту по поводу работы. Я чем-нибудь накормлю маму и зайду за тобой, ладно?

— Насчет меня, Гокка, ответ будет короткий — бандитку в школу не возьмут, хотя здесь и есть школа. Пошлют на свеклу, и, конечно, я вынуждена буду ходить. А вот ты другое дело — врачей всюду не хватает. Сходим с тобой и послушаем, что он скажет. — Халимат была практичной Гокки. На том и порешили.

Пять килограммов ячменной муки было немалым богатством, но не на чем было приготовить еду, и холод стал одолевать не меньше голода. Мать все так же лежала на сене, одетая в шубу, единственную теплую вещь. На столе лежали один соленый эгурец, половина вареного яйца. Это она оставила для дочери. Гокка, поев, решила сейчас же сходить к коменданту по поводу работы, а оттуда на камыш — может, что-нибудь соберет и испечет лепешки. Затем она вспомнила про мельника-азербайджанца. Фрида сказала, увидев патефон у Гокки, что мельник мог бы дать за него муки. Надо будет сходить к нему.

Когда Гокка с Халимат пришли к коменданту, тот гневно расхаживал по своей конторе. У двери стоял худенький, с выступавшими лопатками, мальчишка-спецпереселенец, в отцовском бешмете до колен, с заплаканным лицом.

— В следующий раз я тебя отправлю в тюрьму, тогда и посмотрю, как ты будешь воровать капусту! Уходи! — показал он на дверь, и парнишка выскочил на улицу.

— Что вам от меня надо?! — обратился он к пришедшим, сверля их злыми глазами. Лицо его было в красных пятнах, а ноздри расширились еще больше.

— Мы по поводу работы, — заикнулась было Гокка, но коменданта тут же взорвало:

— Работы?! Ишь ты, работа для всех одна — идите на поле! Вкальвайте к черту! Гокка не удержалась:

— Перестаньте с нами разговаривать таким тоном. Мы не перестали быть советскими людьми. Пришли к вам как к человеку, черт возьми! Врачей всюду не хватает, пошлите меня в районный центр или же рядом, в город Фрунзе, дайте и ей работу в школе, ведь все зависит от вас.

— Вот поэтому-то я сделаю так, как мне захочется, — сказал комендант злое ще тихо. Ему никто никогда не возражал — старые спецпереселенцы во всем подчинялись ему, новые тоже должны трепетать перед ним, — Так тебе захотелось в районный центр?! — Он приблизился к Гокке. — Но мало тебе этого, тебе нужен город, столица другой республики?! Нет уж, обойдутся без тебя, вкальвай на поле! Ненавижу гнилую интеллигенцию! Ты же бандитская сволочь! Ишь ты, видали, она считает себя человеком! Какой же ты человек?!

— Да, даже в этих условиях я останусь советским человеком, вопреки таким, как ты! — бросила Гокка и направилась к двери.

— Подожди, я покажу тебе, кто я есть! Построю КПЗ и первую тебя посажу в нее. Жаль, что сегодня мне некуда упрятать тебя, собака!

Наконец комендант их отпустил и они вышли на улицу. Гокка вся дрожала от обиды и бессилия. Шли молча, подавленные увиденным и услышанным.

— Пойдем к реке, в таком виде я не могу показаться матери, — сказала Гокка, и они спустились к воде, сели на кочки — камней здесь не было. Долго молчали, глядя в чистые воды Чу, вспоминая родную Кубань.

За рекой расположилась большая станица, сказали, что она называется Ивановская и что туда, якобы, тоже завезли карачаевцев. «Может, Кемисхан и родители Аслана находятся там?», — подумала Гокка. Но переходить мост категорически запрещено: за мостом чужая территория — Киргизия.

— Этот комендант — палач, с ним лучше не разговаривать и стараться не попадаться ему на глаза, — произнесла Халимат.

— Палач-то он палач, но откуда он — такой?!

— Как откуда? Все отсюда же. Разве 1937 год не породил зверей?! Да и до 1937 года они были, вспомни Павлика Морозова, так называемого пионера-героя. Нет, я не оправдываю действия его отца и не осуждаю мальчика за то, что он выдал его: его так учили в школе, в пионерской организации, выкорчевывая из детской души святая святых — сыновнее чувство.

— Ну, его поступок можно растолковывать по-разному. Зачем далеко ходить, мы же сами были такими. Разве не отреклись бы мы от родителей, если бы сказали, что они враги Советской власти?! Отреклись бы. Ну, да об этом позже можно порассуждать. — Гокка встала. — Холодно, и я не знаю, что делать. Сейчас мне надо пойти к мельнику, упросить, чтобы он дал муки за патефон. Затем постараться купить хоть сколько-нибудь камыша на мои деньги. Ваше счастье, что ваши хозяева оттапливают печь, не ради вас, конечно, и вы всегда в тепле.

— Нд, наша хозяйка предупреждала нас, что мы должны внести свою долю камыша, — сказала Халимат.

— Что делать, что делать, ума не приложу, у меня разрывается сердце, когда гляжу на наших. Эти многодетные солдатики превратились в нищих — ходят и просят подавать, каждый день похороны...

— А некоторые отправили письма своим на фронт и ждут не дождутся от них спасения. Напрасные ожидания...

— Пойдем, моя мама ждет меня, она надеется, что я разыщу Кемисхан. Но где? Как? Девчонка где-то скитается без денег, без запасного платья. Она поехала в Микоян-Шахар на совещание, как передовая доярка, — улыбнулась сквозь слезы Гокка.

— У многих ведь тоже так, семьи разрознены. А те, которые остались лежать в больницах или же в домах?! Аллах мой, лучше умереть бы всем нам на месте.

Они шли, съехившись. Пронизывающий морозный ветер конца ноября щипал лицо, руки. Разговор с комендантом все еще стоял в ушах Гокки. Во имя матери она вынуждена была проглотить это, хотя что она могла сделать, жаловаться некуда и некому...

Когда они вышли на единственную улицу, разделившую село на две половины, Халимат сказала:

— Посмотри, посмотри во-он на то дерево.

Гокка заметила Абидат, с которой ехали в одной теплушке. Она смотрела на дом, прижавшись к дереву. Со двора выбежала старшая дочь, что-то передала матери. Та отломилла, видимо, это был кусочек хлеба, выпрошенный девочкой. Мать показала ей дом на противоположной стороне улицы, куда та и побрела, а в это время другая дочь Абидат вышла из другого двора, неся что-то в ручонке.

Гокка вспомнила ее мужа — солдата Абдулкерима и тяжело вздохнула. Он был плотником, содержал свою семью неплохо, как и другие аульчане.

— Хочу обменять свой пуховый платок, может, это мне удастся, — услышала она голос Халимат.

— Пойдем к мельнику Хайдару, может, он возьмет за муку и патефон и платок. К тому же, думаешь, он свое отдаст, не-ет, ворованное, колхозное.

Местные жители, конечно, испугались приезда карачаевцев — этой нахлынувшей голодной толпы, боялись слухов, что их самих выселят куда-то в Сибирь, а мязанки с хозяйством останутся пришлым. И прятали все, сушили мешками сухари. Но были и такие, которые старались приобрести за бесценок дорогие вещи — часы, браслеты, серьги. Так, Хайдар выменял патефон и пуховый платок за два ведра муки. Как бы там ни было, это уже выход из положения на некоторое время. Гокка и Халимат теперь занялись добыванием камыша. Местные мужики жали камыш и продавали вязанками. Это было очень дорого, но делать нечего — за сто вязанок Гокка отдала все свои сбережения и габардиновый костюм сестры Кемисхан. Так на время была снята забота с еде и топливе, уступив свое место думам о работе.

Среди прибывших сюда трехсот семей абсолютное большинство составляли женщины и дети. Мужчины были в основном инвалиды или забракованные военкоматами. Они устраивались на работу в кошарах, на фермах. Женщинам же негде было работать, и они побирались или меняли вещи, если они были, на продукты.

Местные жители рассказывали, что спецпереселенцев привезли и в соседние колхозы — в села Каракунуз и Шортюбе. Говорили, что там проживают дунгане, некогда выходцы из Китая. Хотя эти населенные пункты находились недалеко от «Трудовика», спецпереселенцам ходить туда не разрешалось. Гокка надеялась, что сестра и свекровь, возможно, находятся там, но как узнать? Три женщины-спецпереселенки работали прислугой у коменданта, и они имели право бывать в соседних селах. Они и стыдились своей привилегии, и радовались ей: как-никак можно узнать о тех, кто в эти села прибыл, из какого района. А вот обменивать вещи и просить подавание в тех селах им не удавалось — люди в них жили хуже, чем в «Трудовике». Через этих женщин и узнала Гокка о том, что ее сестры и свекрови там нет.

Больных с каждым днем становилось все больше и больше: болели от истощения, из-за непривычного климата, из-за скученности. Старый добрый фельдшер Василий Андреевич часто обращался за консультациями к Гокке, и каждый раз с извинением, что не в состоянии оказать ей материальную поддержку. Местные жители тоже прибегали к ее советам. Больше ничем она не могла им помочь.

Декабрь был холодный, метельный. Гокка с матерью затапливали печурку, считая каждую камышинку. Тепла не было. На стенах комнатки белела изморозь. В ведре варили какую-то бурду из муки, на плите Гокка жарила крошечные лепешки, и то была, конечно, еда, о которой можно было мечтать.

Тетка Марья не забывала их, почти каждый день что-нибудь да заносила: то капусту соленой, то крынку молока, то кусочек хлеба.

В конце декабря произошло событие, взволновавшее и обрадовавшее всех спецпереселенцев: Баладжан получила письмо от сына Магомета, капитана Советской Армии. Письмо было с фронта. Он спрашивал, почему они — мать и братишка Борис — оказались в Казахстане, каким образом? Что касается его самого, то он жив, перенес несколько ранений, но в строю и вместе со своей частью гонит врага с нашей территории. Ждет срочного ответа. В сердцах измученных неизвестностью людей появилась надежда — и к ним придет долгожданная весточка.

На письмо Гокки Аслану ответа не было.

Гокка металась в поисках выхода из тупика. Что делать? Как быть? С жизнью ее связывали мать да надежда встретиться с мужем. Мать больше лежала, обессиленная горем, недоеданием и холодом. Гокка боялась за нее. Надо было работать. Написать в районное отделение НКВД, в чьем ведении они находились? Но за письмо ей может попасть от Кузнецова и мать останется на произвол судьбы. Рискнуть и съездить с попутной подводой в район? Но ее могут посадить там же за самовольную отлучку — в приказе, подписанном Суловым, это квалифицировалось как попытка к побегу, за что полагались двадцать пять лет каторги.

Она решила посоветоваться с председателем колхоза Гавриилом Яковлевичем Волынкиным и зашла к нему.

— Я очень хорошо понимаю всех вас и глубоко сочувствую. Лично ваше положение мне тоже понятно — хирург, а сидите без дела, когда всюду врачей не хватает. Я буду в районе и зайду в райздравотдел, попрошу, чтобы он затребовал вас в район, посмотрим, что из этого получится. А у себя, где-то через месяц, я мог бы устроить вас на работу в детский садик, заведующая как раз уходит в декретный отпуск. У меня язык не поворачивается предлагать вам это, но что поделаешь, — сказал председатель, переставляя папье-маше на столе.

— Я подожду, что решат в районе, — сказала Гокка и вышла.

Ветер был пронизывающий, степной — в родных горах Гокка не знала такого ветра. Полы шинели то и дело разлетались в разные стороны. Поскольку земля подмерзла, пыли не было. Улица будто вымерла — холод загнал людей в дома.

Из двора какого-то дома выбежала с криком полураздетая девочка лет семи — за нею гналась собака. Девочка стремглав обхватила руками колени Гокки, вся дрожа от страха и холода. В руке ее были зажаты две картофелины, вероятно, чье-то подаяние.

— Где ты живешь? — спросила молодая женщина, обняв ее худенькие плечи, стараясь согреть и успокоить. Но ребенок, казалось, с перепугу потерял дар речи.

Гокка пошла с ней к ближайшему длинному барaku. В нем, вокруг нетопленной большой русской печки, кишмя кишели люди: на полу на соломе лежали старики и старушки, ползали дети. Все женщины были чем-то заняты. Людей в бараке было человек пятьдесят-шестьдесят. На приход Гокки никто не обратил внимания, а девочка, которую она привела сюда, перепрыгивая через лежавших людей, добралась до старика и отдала ему одну картофелину. Вероятно, это и был сегодня весь их обед.

Гокка вышла и направилась к себе. Мать все так же лежала на этой большой самодельной кровати, безучастная ко всему и, казалось, претерпевшаяся к холоду.

— Председатель пообещал, что узнает в районе о возможности моего вызова туда, — тихо сказала Гокка, кладя последний пучок камыша в печку. — Ты рада?

— Дочка, послушай меня, то, что выпало на нашу долю, нужно пережить вместе с нашим народом. Я готова умереть и от голода, и от чего угодно, лишь бы получить весточку от своих. Где они, что с ними, как там мой дорогой зятек на войне? Боль за них мне не дает думать о нас с тобой, — произнесла она слабым голосом.

— Мама, так ты не хочешь, чтобы мы переехали в район? У нас, ведь, ничего нет для обмена, кроме моих часов. А дальше что? — сказала Гокка, высывая из кулька последнюю кукурузную муку для замеса. Вообще-то, она была почти уверена, что комендант Кузнецов сделает все, чтобы не отпустить ее в район. Он люто возненавидел ее за то, что она посмела быть дипломированным специалистом.

Мать, пропустив мимо ушей сказанное ею, вспомнила:

— Приходила Мария, если я ее поняла правильно, кажется, заболел ее муж, ты бы сходила к ним.

Гокка быстро испекла маленькие лепешечки на плите, подала матери; подогрев в ведре воду и в жестяной кружке поставив на кровать, сама поспешила к тетке Марье.

Муж ее Иван лежал на койке и тяжело стонал, схватившись за правую сторону живота. Гокка, пальпируя живот, определила: острый аппендицит. Конечно, надо оперировать. Но где? Как? Чем?

— Необходимо срочно отправить в район, это единственное спасение, — обратилась она к тетке Марье. — Нужна подвода и направление от фельдшера. Ты сходи в контору за подводой, — наказала она сыну тетки Марьи, — а я пойду за направлением, — и хотела выйти. Но пожилая женщина со слезами остановила ее у двери:

— Я прошу тебя, Галя (переделала ее имя на русский лад), сделай что-нибудь здесь, ты же видишь, что он не выдержит такую дорогу.

— Тетя Мария, поймите, что я не имею права лечить, оперировать. Я же враг народа.

— Пуѣть будут прокляты те, кто таким докторам, как ты, не дает работать. Господи, что же мне делать? Вася, дорогой мой, пятьдесят лет живем вместе, и я ничем не могу помочь тебе, — и заголосила.

Сын тетки Марьи пошел за подводой, а Гокка заторопилась к фельдшерскому пункту. Добрый старый фельдшер выписал направление, и они вдвоем вернулись к больному. Ему становилось все хуже. Несмотря ни на что, Гокка, наверное, принялась бы за операцию, но никаких хирургических инструментов не было. Пришлось больного уложить на подводу, укутать хорошенько и отправить с женой и сыном в район. Ей ехать с ними было нельзя.

Уходил 1943 год, этот страшный, трагический год не только для карачаевского, но и для балкарского, чеченского, ингушского и калмыцкого народов. Они были разбросаны по всей Средней Азии, по Казахстану, по Сибири. Друг о друге люди узнавали только понаслышке, кое-кому посчастливилось наладить связь со своими, находившимися на фронте. И в каждом письме фронтовики с тревогой спрашивали: почему семья оказалась так далеко от родных мест? Но отвечать на этот вопрос было запрещено.

В колхозе «Трудовик» каждый день кого-нибудь хоронили. Умирали от голода и холода. А холод был неимоверный — мороз временами доходил до сорока градусов. Гокка Среднюю Азию представляла себе как сплошной солнечный край, но оказалось не так: если жара, то сильная, если холод, то страшный.

Гокка свои золотые часы обменяла на одноконку камыша, но печку топила раз в сутки, иначе камыша хватило бы не больше чем на неделю. Серебряное кольцо матери отдали за чашку картофеля и небольшую тыкву. Больше у них ничего не осталось для обмена. Тем не менее, Гокка могла бы сказать себе, что они с матерью живут припеваючи, по сравнению с теми семьями, в которых были дети. Душа сжималась от боли, когда она видела полураздетых, синих от холода ребятишек, снующих всюду в поисках пищи.

Ходили упорные слухи о том, что Сталин уже узнал о трагедии этих кавказских народов и вот-вот вернет назад, на родину. Вера в эти слухи была крепкая, и люди во что бы то ни стало хотели дожить до такого дня. А кладбище все заполнялось,

росли и росли холмики без надгробных камней (каменных здесь вообще не было). Землю под него отвели на бугре за селом.

День был холодный, ветер разносил редкий снежок, а временами бил им в лицо. Гокка шла, завязав под подбородком уши своей серой армейской шапки. Чуть не столкнулась с шедшим навстречу человеком. Подняв глаза, узнала бригадира пятой бригады Пахно Семена Ивановича. Он остановился, поздоровался и без каких-либо предисловий сказал:

— Галя (теперь ее все называли так), завтра вечером приходите к нам домой, встретите с нами Новый год. Мы с женой будем вас ждать.

Гокка только раскрыла рот, чтобы отказаться, но он уже ушел. Она посмотрела ему вслед: крепко сложенный мужик лет семидесяти, в черных валенках, в теплом полушубке, он шел уверенной походкой. Его в колхозе хвалили как бригадира. А жил он совсем недалеко от дома Фриды. Гокка каждый раз, выйдя на улицу, видела его прямоугольный дом, загороженный глиняным дувалом, обсаженный тополями. Иногда шел дым из его баньки во дворе.

Гокка замечала, что местные жители к ней относятся благосклонно, с удовольствием заговаривают с ней, приглашают к себе в гости, но она, принимая эти приглашения за жалость к себе, отклоняла их, к тому же не могла себе позволить хотя бы попробовать в гостях что-либо, зная, что дома матери совсем ничего есть.

К Семену Ивановичу пошла, предварительные вопросы разрешения у матери. Жена бригадира, его приемный сын и сноха радушно встретили ее и посадили за стол. Гокка была в своем неизменном кителе без погон, а что касается ордена, он по-прежнему блестел на груди. Гокка его не снимала, хотя понимала парадоксальность своего положения.

Чего только не было на этом праздничном столе! А главное — хлеб! Сколько хочешь и в разных видах: домашней выпечки, пироги с разными начинками, пирожки. И еще: отварная картошка с солеными огурцами. Глаза разбегались, но Гокка смогла сделать вид, как будто все это ей не в новинку.

На столе стоял большой графин с баломуткой, так называли самодельную брагу из сахарной свеклы, и даже целая улица села называлась Баламутской из-за того, что здесь началось когда-то баламутование.

Гокка чуть пригубила рюмку со всеми вместе, когда произнесли тост в честь Нового года. С неопишуемой болью и с чувством страшной обреченности в душе вдруг поняла, что ни новый наступающий, ни какой другой год ничего ей и ее народу не сулят в жизни, кроме гибели. И гибель эта неотвратима, как судьба. К горлу подкатил тугой комок, а мысленно виделся студенческий новогодний вечер в Ростове, куда приехал и Аслан...

Она так и не смогла дотронуться до этой обильной, вкусной еды — там, в холодной комнате, лежала голодная мать.

Она извинилась и покинула приветливых хозяев. Те не догадались или пожадничали положить ей что-либо для матери. Скорее всего, сытый голодного не разумеет...

Гокка шла торопливо, с трудом сдерживая слезы. Все тело крупной дрожью бил озноб. В окнах домов мерцал свет керосиновых ламп. У Фриды, видимо, были гости — слышались разговоры, а мать лежала в темной холодной комнате и, конечно, не спала.

Гокка молча сняла сапоги и легла рядом с матерью. Свои и ее ноги как можно лучше укрыла сеном. Сон не шел, но обе молчали. Каждая думала свои думы...

Все надежды, планы Гокки разом рухнули, не было никакого просвета. Сколько бы ни слала она треугольники по известной ей полевой почте Аслану, ответ не приходил. Откуда ей было знать, что тяжело раненный Аслан находится в госпитале, что по его просьбе медсестра пишет письма чуть ли не каждый день и посылает в Карачаевскую автономную область...

Длинная зимняя ночь становится еще длиннее, когда мучают голод и холод и когда одолевают мысли. «Что делать? Что делать мне? Что делать нашим пострадавшим женщинам, лишенным мужской защиты? Что делать безвинным детям, ежедневно умирающим здесь, на чужбине, без куска хлеба? Как покончить с этой чудовищной несправедливостью? Чья рука смогла подписать неслыханно жестокий приказ одному народу?!» Вдруг она воочию увидела приказ в рамке, он висит в коммандуре, вернее, в спецкоммандуре. Под ним яснее ясного стоит подпись: Сулов Михаил Андреевич, — о будь ты проклято, облеченное безграничной властью человекоподобное существо! Этот приказ запрещает спецпереселенцу отлучаться за пределы пяти километров, если же таковое случится, то коммандант имеет право без суда и следствия отправить на двадцать лет каторжных работ. Одного пожилого из Джуккаевых уже отправили — как будто в воду канул. А его вина заключалась лишь в том, что он собирал оставшиеся на поле после жатвы колоски и незаметно забрал на территорию соседнего колхоза.

Так, ничего не суля, наступило серое холодное утро нового, 1944 года. И вновь встали вопросы: «Как прожить и этот день, поскольку он уже наступил?! И для чего жить?!» Второй вопрос становился все неотвязчивей, и как легко можно было бы на него ответить! Но мама... Что с нею будет...

Встала и затопила печь. Камыш вспыхнул и быстро погас, Гокка с матерью не успели даже согреть руки у огня. Можно было бы положить еще пучок, но тогда на вечер ничего не останется. Затвердевшая лепешечка с подогретой водой — вот и весь завтрак.

Но больше, чем голод и холод, угнетало Гокку отсутствие бытовых удобств. Самая красивая девушка в своем городе, так считали все, теперь не имела возможности ни принять душ, ни почистить зубы, ни переодеться.

Гокка с нетерпением ждала, когда председатель колхоза ее вызовет, но весточки от него все не было, и тогда она сама пошла к нему. По тому, как председатель смеялся, поняла, что у него ничего не вышло. Добрым по натуре человек, он не мог смотреть ей в глаза, как будто сам был виноват в ее беде.

— Не переживайте, Гавриил Яковлевич, — сказала она. — Я попробую поговорить еще раз с Кузнецовым.

— Кузнецов нас всех держит в ежовых рукавицах, — произнес он вполголоса, как бы опасаясь, что даже стены могут его услышать. — Ведь мы, старые спецпереселенцы, все еще под его пяткой. Настолько неграмотный, что еле расписывается. А какое богатство нажил — все тащит из колхоза. Попробуй, не выпиши ему что-либо, завтра объявит врагом народа, и пойдешь по этапу. А какой же я враг народа? Собственным крестьянским горбом я нажил себе хозяйство, мне жалко было отдавать свою скотину в колхоз, и я не захотел вступить в него. Так я оказался здесь как кулак, как враг народа. И все такие, как Кузнецов, виноваты в наших бедах. А что касается вашего народа, тут я не нахожу слов — разум отказывается верить. Вот вы — военный врач, муж — офицер Красной Армии... и здесь... Потому что они, Кузнецовы, взяли верх над всеми и всем. Вы знаете, что мне в райздраве ответили: нам, мол, врачи, а тем более хирурги, очень нужны, но коль дело касается спецпереселенки, то есть вас, с НКВД пускай, мол, договаривается сама. Знаете, они сами боятся говорить с НКВД района, вдруг скажут: «А, заботитесь о врагах народа?» Другое дело, если все-таки вы сумеете договориться с Кузнецовым, хотя это маловероятно. Он — не человек, а зверь, я его ни разу не видел с улыбкой на губах. Колхоз наш гремит на всю республику, но, вы знаете, никого из наших тружеников ничем не поощряют — бывшие, ведь, спецпереселенцы, и все тут. А планы мы даем большие. Наши парни на фронтах воюют не хуже других. — И добавил неуверенно: — Попробуйте все-таки сходить к этому кату Кузнецову.

И Гокка решилась. Две комнатки спецкомандатуры находились тут же в здании конторы колхоза «Трудовик». Это был длинный барак. Здесь полы были деревянные, в отличие от тех, с земляными полами, куда поселили карачаевцев.

Когда Гокка зашла к коменданту, он стоял спиной к двери и не то открывал, не то закрывал железный сейф. «Наверное, отобранные наши паспорта в нем», — подумала она и поздоровалась. Ответа не последовало, наоборот, Гокке показалось, что он специально копается в сейфе, чтобы унизить ее своим невниманием.

Она стояла недалеко от старого, ничем не покрытого стола и ждала. Повозившись еще несколько времени, он наконец с шумом захлопнул дверцу сейфа, закрыл его на ключ и спросил:

— Что тебя принесло сюда?! Выкладывай!

— Почему тыкаете? Вы находитесь при исполнении служебных обязанностей, к тому же я старше по званию, — невольно выпалила Гокка.

— Ха-ха-ха! Она старше чином! Слыхали? Старше! Да я тебя, знаешь, бандюга, с твоим чином куда могу послать?! Знаешь, отлично знаешь, а ерепенешься! Я с вас, азиатов, три шкуры сдеру, вот посмотришь! Образованная нашлась, наплевал я на твое образование! Марш! — скомандовал он, и она, униженная, окончательно потерявшаяся, побрела назад. Дорога в район для нее была закрыта. Угрозило же ее сделать ему замечание! Потеряна навсегда жившая в ней до сегодняшнего дня хоть какая-то надежда, что их в конце концов станут считать людьми.

«Надо написать письмо на имя товарища Сталина обо всех этих безобразиях, — думала она, подставляя лицо жгучему ветру. — Не может быть, чтобы он знал о них и ничего не предпринимал. Написать от имени всех. Но как сдать письмо на почту?» Можно поручить это тетке Марье. Мужа ее оперировали, и она часто навещала его. Но сдавать письмо в районе тоже небезопасно, могут такие, как Кузнецов, изъять. Надо отправить из города Фрунзе. Тетка Марья иногда ездит в центр Курдайского района, в станицу Георгиевскую, а Фрунзе от нее на расстоянии двадцати километров, но в другом направлении. Отпадает. Общение с жителями близлежащих селений невозможно. «Значит, сидеть сложа руки? Что же делать? Что предпринять?..»

Гокка зашла по дороге к Халимат. Поскольку она с сестрой и матерью приютились в хозяйской кухне, у них было тепло. Приятно хоть немного расслабиться, но, как всегда, вспомнила мать...

В кухне сама хозяйка что-то готовила, делала зажарку, и невыносимо захотелось съесть что-нибудь теплее, домашнее. Чтобы избежать искушения, Гокка встала, и Халимат пошла ее проводить. Шли молча. Обе хорошо понимали: все пути куда бы то ни было были отрезаны.

Светлым воспоминанием в жизни Гокки осталась их любовь с Асланом, но теперь это стало похоже на сон, ей не верилось даже, что подобное могло случиться с ней.

Мысли о войне, о боевых друзьях, об их уважительном отношении к ней на время согревали ее душу. Пусть их постоянно подстерегала смерть, но они знали, за что могут умереть, — за Родину, за Сталина, за Сталина люди не задумываясь шли на смерть. А здесь ее народ гибнет не за Родину, не за Сталина. За что же? Беззащитные дети и старики ежедневно гибнут от голода и холода, не имея материала для савана, их хоронят в лохмотьях. А в это время их отцы и сыновья ведут бои за Отечество. «Как же жить на свете, если ты ничей?» — чуть не вскрикнула Гокка, подходя к дверям своей хозяйки.

* * *

Однажды зашел к ней старый фельдшер. Сняв с головы, по русскому обычаю, теплую шапку-ушанку, он постоял посреди комнаты, обратил внимание на промерзшие саманные стены и присел на кровать, рядом с матерью Гокки. Ее ноги в чарках были прикрыты полой длинной шубы. Гокка стояла молча и вопросительно смотрела на фельдшера, а тот развернул белую тряпку и вынул оттуда полбуханки хлеба. Потом опустил руку в карман полушубка.

— Вот вам ключ от амбулатории, отныне хозяйкой ее будете вы. Я же уйду на пенсию, мне семьдесят с лишним, — сказал он и положил на стол ключи.

— Ни за что, Василий Андреевич! В ущерб вам я на это не пойду, лучше я умру от голода, ведь у нас в жизни ничего уже нет, за что можно было бы цепляться. Возвращение в родные места невозможно, так какая разница — умереть днем раньше или днем позже? Так что ваш человеческий, благородный поступок ни к чему. К тому же я ни за что не пойду к коменданту, чтобы он разрешил мне занять ваше место, — категорически заявила Гокка.

Старый фельдшер, ни слова не говоря в ответ, засунул руку в глубокий карман полушубка. Вынул бумагу и протянул Гокке. Она читала, не веря своим глазам: это была выписка из приказа райздравотдела о назначении ее, Гокки, на вакантную должность фельдшера в колхозе «Трудовик». А фельдшер пояснил:

— С комендантом я говорил прежде, чем ехать мне в Курдай (обычно так коротко называют районный центр — станицу Георгиевскую). Комендант — человек от НКВД, а он стоит выше всякой власти в стране. Я ему сказал, что уже не в состоянии работать, стар и что молодой доктор справится. И добавил, что для доктора, мол, это большое понижение, тем более для военного хирурга. Я знал, что ему это понравится, ведь он лютой ненавистью ненавидит даже тех, кто умеет читать и писать.

Более ошеломленная, чем обрадованная, Гокка не могла произнести слово.

— А на что вы будете жить? — наконец обрела она дар речи.

Фельдшер, видно, ожидал этого вопроса — так быстро он нашел ответ.

— У меня есть немного сбережений, да с огорода собрали неплохой урожай, какая ни на есть, пенсия будет идти, нам со старухой хватит. Остались мы вдвоем, наш единственный сын погиб. — Его голос дрогнул, и он отвернулся, чтобы скрыть слезы. Гокка же порывисто обняла его за шею и, не стесняясь, громко заплакала навзрыд, чувствуя, как со слезами приходит облегчение.

Мать смотрела на них потухшими глазами, не понимая, что происходит.

Василий Андреевич отечески похлопал Гокку по плечу и направился к двери. Молодая женщина проводила его до дороги и вернулась к матери с ключами и бумажкой в руках. Она долго не могла говорить — мешали слезы, а мать, с трудом поднявшись с кровати, подошла к дочери, стоявшей посреди комнаты, обняла ее и спросила:

— Не скрывай от меня, ты узнала что-то страшное о Кемисхан, Аслане?

— Нет, мама, о них я ничего не знаю, но вот что касается голода, то мы спасены: фельдшер отдал мне приказ о назначении меня на его место и вот... ключи.

— Он сам так решил?

— Да, сам. И сам же все оформил.

— Он поступил как истинный слуга бога, — сказала мать, всегда дававшая оценку людям по божеским меркам.

От купленного камыша остался всего один пучок. Гокка, воспрянувшая духом, положила этот пучок в печь, не пожалев о том, что он последний. В большой жестяной кружке вскипятила воду, и этой водой они стали запивать принесенный фельдшером хлеб.

Гокка как бы со стороны посмотрела на себя и поняла, что со дня выселения она находилась в состоянии шока или жила в каком-то кошмарном сне, а то, что все это время рядом с ней были такие люди, как тетка Марья, Василий Андреевич, председатель колхоза Гавриил Яковлевич, бригадир Пахно, ближайшая соседка Христина, осознала только теперь. Значит, это был не сон, а если и сон, то не настолько кошмарный. Вместе с сознанием действительности стал пробуждаться и интерес к жизни.

Сегодняшний поступок фельдшера потряс ее до глубины души. И не тем лишь, что он спас ее и мать от верной гибели, а гораздо более глубоким смыслом. Не-ет,

Россия — это не те, в черных шинелях, слепо исполняющие приказы, и не те, кто заставляет их исполнять. А вот она, Россия, — все те, кто сочувствует страданиям людей сегодня, здесь, кто протянул руку помощи ее народу — оклеветанному, изгнанному, отвергнутому, оскверненному, кто не поверил дикому бреду, что целый народ может быть предателем Родины!

Гокка, как обычно, укутала мать на кровати чем могла, и сказала:

— Ну, я иду на работу, мама. Посмотрю, что и как. На ужин у нас есть тыква.

В это время открылась дверь, и в комнату, впустив холодный воздух, вошла тетка Марья.

— Здравсьте, как вы тут? — спросила она, ставя на стол крынку молока, кладя несколько вареных картофелин и яблоки.

— Иду на работу, — сообщила Гокка.

— Это куда же?

— Фельдшером в амбулаторию.

— Ой, как хорошо-о! Больных будет принимать большой доктор. А Андреича теперь куда?

— На пенсию.

— Добрый он мужик. — И тут же перешла на другую тему: — Мой-то Вася сегодня выходит на работу. Его на конюшне заменял один из ваших; так теперь Вася хочет найти ему работу, в зимнее время в колхозе вообще работы мало.

Это знала и Гокка. Мужчины, забракованные войной, и старики, способные работать, устроились на животноводческих фермах — кто кем. На трудодни ничего не получали. Но и этой работы не хватало. Люди, испокон веков любившие труд, лишились своего родного двора, где каждый знал свое дело, где дети с малых лет приучались к посильному труду.

— Хорошо-то как, Галя, — начала вновь тетка Марья, — хорошо, что ты будешь принимать больных. А вспомни, сколько людей хотело, чтобы ты осмотрела их. Вот теперь, пожалуйста, осматривай. Я приду посмотреть, как ты принимаешь, — добавила женщина. Налив из крынки в жестянку молока, протянула матери, сказав:

— Пейте, это парное, только что надоила.

Мать выпила и с улыбкой поблагодарила.

Гокка шла на работу, но на душе было мутно — чувство было такое, будто она обокрала старого фельдшера. «Надо отказаться, пока еще не поздно, — решила она и постучалась в дверь квартиры фельдшера. Открыла ей пожилая женщина с добрым лицом и пригласила Гокку в комнату. Квартира состояла из единственной комнаты в огромном длинном бараке. Комната была большая и опрятная. В середине стояла большая русская печь, на которой лежал фельдшер. Узнав о приходе гостей, он спустился на земляной пол и тут же надел черные валенки.

— Я не могу, Василий Андреевич, — сказала Гокка без предисловий и достала ключи из кармана шинели. Фельдшер, сидевший на стуле, даже не повернул в ее сторону голову с редкими седыми волосами. Изборозженное морщинами тонкое лицо помрачнело. Его жена, заложив руки под пестрый фартучек, стояла поодаль, наблюдая за ними. Фельдшер обратился к ней:

— Достань-ка, мать, нашу сберкнижку.

Женщина хлопотливо покопалась в деревянном, почерневшем от времени сундуке и отдала сберкнижку мужу.

— Вот посмотрите, Галя. Этой суммы нам со старухой хватит на наш век, не долго-то и осталось. Прежде чем передать вам амбулаторию, я все обдумал. Правда, там и передавать нечего — хорошо, если пока еще имеется йод, ведь лекарств не хватает всюду, оно и понятно — война. Бумагу о сдаче и приемке подготовите, я подпишу. Идите, наверное, больные ждут, услышав о большом докторе, — улыбнулся фельдшер, сделав ударение на слове «большом», и поднялся, дав понять, что разговор окончен.

Амбулаторию, или фельдшерский пункт, как здесь ее называли, Гокка застала уже открытой. В первой комнате было полно народу. Увидев ее, люди зашевелились, взволнованно заговорили друг с другом. Гокка прошла в следующую, приемную, комнату. Ее обдал до боли знакомый запах лекарств, на мгновение вернув в прежнюю, счастливую жизнь. Женщина средних лет в халате, санитарка, присев на корточки, совала в печку пучки камыша. Завидев доктора, поднялась и степенно представилась:

— Здравсьте, я санитарка, меня кличут Настей.

— Настя, дайте мне халат, — сказала Гокка, снимая шинель. Халат был не первой свежести. Возмущенная, Гокка готова была взорваться, но сдержала себя — не время пока.

Первой клиенткой оказалась девушка лет семнадцати. Усевшись перед доктором, попросила шепотом:

— Пусть выйдет санитарка.

— Она находится при исполнении своих служебных обязанностей.

— А ты (сразу — на «ты»!) скажи, чтобы она вышла.

— Я не имею права. Собственно, что тебе надо? Она не слышит нас, видишь, комната огромная. Выложи, что тебя привело сюда, люди ждут.

— Сделай мне аборт, я понесла, хотя и не замужем, я заплачу тебе, — выпалила она, глядя на Гокку в упор наглыми глазами.

— Этого не будет. Иди и не задерживай. Ты отлично знаешь, что аборт запрещены.

— Я принесу тебе домой пуд кукурузы.

— Иди со своей кукурузой вместе.

— Ну, мешок.

— Хватит, не задерживай, знала, небось, на что шла. — Гокка встала со своего места. Та еще посидела немного и пошла к дверям.

«Надо же, чтобы первый клиент попался такой», — пожалела Гокка и села на свое место в ожидании следующего. Сорок человек, хлынувших к «большому доктору», приняла она в тот день и не почувствовала усталости — родная стихия взбодрила ее.

С работы (с работы!) она шла все по той же длинной, центральной улице села. Не утихавший зимний ветер пронизывал все тело. Легкие сапоги не спасали ноги от холода. Тем не менее, чувство того, что она Че-ло-век и может принести большую пользу людям, вернуло ее к жизни. Верилось: найдутся и дорогие ее сердцу люди, и народ ее обретет человеческие права, кончатся и голод и холод, потому что есть на свете добрые люди, не на кузнецовых же держится жизнь...

Гокка вдруг очулась от приятных дум, услышав истошные крики, и заторопилась по направлению к бараку. Жильцы угрюмо столпились вокруг тельца семилетнего мальчика. Мать, забыв о том, что карачаевская женщина всенародно не оплакивает ни своего мужа, ни свое дитя, причитала и рвала на себе волосы. Это был последний ребенок из пяти. Все они один за другим умерли здесь у нее на руках.

Гокка была буквально раздавлена увиденным. В этот колхоз привезли в общей сложности человек пятьсот, за три месяца пребывания четверти из них не стало, и это несмотря на то, что «Трудовик» считался зажиточным и здесь, по крайней мере, можно было бы обменять вещи на продукты. И во всей этой трагедии самая страшная доля выпала детям, ни в чем не повинным, ничего не понимающим, и требующим ничего, кроме тепла и хлеба.

Дома Гокка ничего не сказала матери о смерти мальчика, чтобы не расстраивать ее лишний раз. Она всегда поступала так. Поскольку мать из дома никуда не выходила, это Гокке удавалось без труда.

Январь выдался холодный — снег, бураны, одним словом, круговерть. В амбулатории было так же холодно, как и дома, камыш быстро сгорал, и мгновенно улетучивалось тепло. Но это куда ни шло, хотя бывало так, что замерзала вода в рукомойнике. Главное было в том, что не хватало самых необходимых лекарств. Гокка работала, не считаясь с временем, старалась применять и народную медицину. Писала просьбы в райздравотдел, посылала туда свою санитарку, смышленную женщину, но лекарств все равно не было.

Однажды приехала заведующая райздравом, фельдшер Амантаева, чтобы лично познакомиться с Гоккой. Кажется, они понравились друг другу, но помощи она не пообещала.

— Я хотела бы, чтобы вас перевели в район, — сказала Амантаева, — врачей в районе не хватает. По этому поводу я обращалась к начальнику районного отделения НКВД, но, скажу честно, мне сделали замечание: мол, за врага народа ходатайствуете.

Проводив ее, Гокка задумалась: надо написать товарищу Сталину. Пусть он узнает, как в Советской стране поступают с людьми. Ведь все, что произошло с ее народом и с другими народами Северного Кавказа, — есть прямое вредительство: страну лишили многих тысяч рабочих рук; на нужды выселения брошена целая армия военнослужащих, которым место на фронте; переброшены на линии восточного направления десятки железнодорожных составов, так нужных народному хозяйству; и самое страшное — обрекли карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, калмыков на медленное, мучительное вымирание. Кто ответит за эти злодеяния?

Она тут же в амбулатории начала составлять письмо, надеясь на то, что тетка Марья не откажет ей и ответит его в город Фрунзе, чтобы сдать там. Весь день она была занята письмом между приемами больных и в конце концов переписала его начисто в школьную тетрадь. В результате долгих раздумий, она решила сообщить Сталину о бедах пока лишь одного народа — карачаевского. Он сам поймет, что судьба остальных не менее трагична. Письмо получилось такого содержания: «Великому вождю мирового пролетариата Иосифу Виссарионовичу Сталину. Любимый вождь, я не могу не обратиться к Вам, верному ленинцу, когда с моим народом произошло великое несчастье. Его насильно выселили из родных мест и разбросали по всей Средней Азии. Ежедневно вымирают от голода и холода тысячи людей. Почти все они — немощные старики, женщины, дети и инвалиды войны. Мужское население все на фронте. Нас называют бандитами, врагами народа, а ведь во время оккупации с гитлеровцами сотрудничало не более тысячи человек из числа карачаевцев. Это точно.

Я капитан медицинской службы, меня выселили в тот момент, когда я приехала на побывку после лечения в госпитале. Мой муж находится на фронте, но речь не обо мне, а о всем народе.

Великий вождь, Вы, конечно, не знаете об этой беде. Помогите, помогите. Мы умираем. Мы верим Вам, до последнего дыхания верны Вам».

Конечно, Гокка стилист неважный, но суть изложила.

Тетка Марья сразу согласилась:

— Все сделаю, Галя, так, как ты скажешь. Заодно и курочек повезу на базар. Завтра же и поеду.

Ночью в голову Гокке пришла мысль о том, что, наверное, надо было, чтобы письмо подписали много людей. «Но ничего, — успокоила себя, — главное, Он узнает, что произошло».

Утром она даже достала портрет Сталина из чемодана, но повесить на промерзшую стену не решилась — отсыреет. Любовно провела рукой по портрету, на душе стало теплее от мысли, что есть Он, который любит всех, который никогда не ошибается и стоит за Правду. Теперь она будет ждать ответа. А ответит Он обязательно.

Наступила весна 1944 года. Люди жадно следили за событиями на фронте, а они уже радовали. Перевес сейчас был на стороне Советской Армии.

Но для Гокки наступили самые трудные дни — среди спецпереселенцев вспыхнул сыпной тиф. В работу включился и старый фельдшер Василий Андреевич. Гокка попросила председателя колхоза, чтобы он выделил помещение бывшей колхозной пекарни, заброшенное из-за отсутствия муки, для госпитализации больных. Гавриил Яковлевич согласился и дал команду построить нары. Все большое помещение было заполнено больными. Дезинфицировали все лохмотья в бараках. Круглые сутки приходилось биться на ногах. Но умерших не успевали хоронить, да и некому было хоронить, старались это делать женщины. Изолировать-то изолировали, но лечить было нечем — райздравотдел не в состоянии был оказывать нужную помощь, поскольку эпидемия вспыхнула во всех населенных пунктах, куда были привезены спецпереселенцы.

В один из дней этой тяжелой борьбы с тифом Гокка забежала домой, чтобы проведать мать, накормить ее, благо, тетка Марья не оставляла их без съестного, что-нибудь да приносила. Что касается зарплаты фельдшера, то Гокка насильно совала сколько-нибудь денег тетке Марье, та отказывалась, но в конце концов брала. А однажды она привезла Гокке из города простыню и простенькую бязевую сорочку, чем растрогала молодую женщину до слез.

Гокка застала мать за приготовлением супа из кусочка курицы, принесенного теткой Марьей. Она обрадовалась, что с наступлением тепла мать поднялась на ноги, и надеялась на полное ее выздоровление.

Мать сообщила, что приходила Халимат и принесла радостное известие: из армии вернулся сын Баладжан, их соседки по Хурзуку. Он, Магомет, перебивал везде, прежде чем нашел свою мать и младшего братишку.

— Тебе бы поговорить с ним, может, он что-нибудь знает о наших. Сходи в барак.

— Хорошо, мама, схожу. Кстати, тот барак уже продезинфицирован. Ну, побежала на работу.

Вечером Гокка поспешила к Магомету, своему сверстнику. Он был подтянут и опрятен в так шедшей ему военной форме, но то, что он оказался без погон, сразу ее озадачило. И он поведал ей свою одиссею.

— Меня вызвали в штаб полка и объявили о том, что я демобилизуюсь, но что имею право жить только в пределах той республики в Средней Азии, где найду своих близких. Ты представляешь, Гокка, я был ошеломлен и не нашелся что сказать. Когда я немного пришел в себя и спросил, что все это значит, ведь я неплохо воевал, имею награды, мне ответили, что все это они понимают, сочувствуют, но должны выполнить приказ свыше, а что касается вашего народа, сказали, из он расселен по республикам Средней Азии. Так вот, больше месяца я скитался из спецкомендатур в спецкомендатуру в поисках матери и братишки. И вот наконец...

Гокка, вся похолодев, со страхом слушала рассказ Магомета, не веря своим ушам. Это о нем приходили к его матери похвальные письма от командира части, когда он находился на действительной службе еще до войны. За время войны он был награжден тремя орденами. Дослужился до звания капитана. И вот...

После долгого молчания она спросила:

— Во время своих скитаний видел ли ты наших людей, знакомых?

— Не спрашивай, это какой-то кошмар. Видел не только карачаевцев, но и балкар, чеченцев и ингушей. Всюду голод, дети и женщины просят подаяние. Сейчас их наделяют земельными участками, и если только эти голодные люди сумеют их обработать, то к осени будет какой ни на есть урожай.

— Это да, — сказала Гокка, — у нас тоже дают участки, но тиф косит людей. Колхоз старается помочь семенами, но тягловой силы не хватает, а без нее ни вспахать, ни посеять.

— Всюду, где мне приходилось скитаться, люди уверены в том, что скоро их вернут домой, что, мол, Сталин уже узнал об этой беде.

— А я написала письмо на имя товарища Сталина, думаю, скоро получу ответ.

Магомет на это ничего не ответил, а спросил о другом:

— Ты успела закончить институт?

— Успела. Я успела немало: выйти замуж, уйти на фронт, работать в полевом госпитале. А вот с 1942 года о муже ничего не знаю.

— За кого же ты вышла?

— За Аслана, за писателя, помнишь его публикации?

— За Аслана? Постой, постой! Во время моих скитаний кто-то мне говорил, что и писатель Аслан был в тех местах, разыскивал своих.

— Боже! Неужели это правда? Скажи, что мне предпринять, чтобы найти его?

— Надо подать заявление в здешнюю комендатуру, а там оно пойдет по инстанциям.

Гокка почти выбежала из барака. В амбулатории написала небольшое письмо и поспешила к коменданту. Решительно переступила порог конторы. Комендант что-то читал за столом, медленно шевеля губами, на приветствие не ответил, даже не поднял головы.

Гокка ждала стоя: в комендатуре не было скамейки. Вероятно, считалось, что это для спецпереселенцев nepазволительная роскошь. Наконец Кузнецов соизволил поднять голову и сказать:

— Что у тебя там, выкладывай!

Гокка подала заявление. Кузнецов, с трудом осилив его, указал рукой на дверь:

— Ладно. Иди.

Молодой женщине хотелось знать, что будет дальше с ее письмом, но этот глупый, упрямый человек, конечно, ей ничего не скажет. И ей оставалось только ждать и гадать — отправит он ее заявление по инстанциям или нет.

Тиф свирепствовал повсюду, и не только в «Трудовике», но и во всех населенных пунктах, где находились спецпереселенцы. Районное начальство по здравоохранению было поднято на ноги, но вся беда заключалась в том, что не было лекарств, не было полноценной здоровой пищи, без которой больные не могли выздороветь. Гокка валилась с ног, старый фельдшер крепился изо всех сил, но эпидемия грозно нарастала. Местные жители были в панике. Некоторые из них приносили в «госпиталь», как подаяние, то кринку молока, то несколько картофелин — кто что мог, и Гокка распределяла эти жалкие крохи между тифозными детьми.

Стояли теплые солнечные дни, земля уже была сухая, она пылилась под ногами людей и под копытами животных. Местные старики и дети копались в собственных огородах, а женщины (мужчин почти не было) пахали и засевали колхозные поля. Те из спецпереселенцев, кто был в состоянии работать, тоже трудились в колхозе и на полученных ими участках земли. Халимат устроилась нянькой в детском саду, а ее сестра Разият была занята на своем огороде.

Несколько спецпереселенцев получили письма от родных и близких, с которыми были разлучены во время выселения. От близких Гокки пока ничего не пришло.

Молодая женщина жила теперь в ожидании письма от товарища Сталина, а также ответа на свой запрос о муже, если, конечно, комендант дал ему ход.

Однажды к ним забрел Азрет, сын Мусоса. Это был дебилный парень из рода Гокки, он попал в село Шортюбе, в колхоз, что находился рядом с «Трудовиком». У Азрета все вымерли, и он, уже будучи зараженным тифом, пока держался на ногах, скитался в поисках еды.

Мать Гокки накормила его, чем могла, а на ночь постелила на пол сена и уложила спать.

— Надо было его положить на сеновале, апрель же, не холодно, — упрекнула ее Гокка.

— Да жалко мне его стало, бездомного, — ответила мать.

Утром Азрет встал и ушел, Гокка его так и не увидела. Дня через два его труп нашли на околице села. Тиф свалил его.

Слегла в жару и мать, зараженная Азретом. Дочь поместила ее в пекарне, продезинфицировала комнату. Фрида страшно перепугалась и всячески старалась уберечь детей и мать от страшной болезни. Хорошо, что хоть не выгнала квартирантку из своего дома. Теперь Гокка дневала и ночевала в «госпитале», в кормке, где и положила свою мать.

Однажды она, как всегда, поднявшись рано утром, подошла и наклонилась над матерью — она была мертва. Молодая женщина без сил опустилась на нары, обхватив голову руками. Не плакала — слез не было. В таком состоянии — окаменевшую от горя — ее и застал Василий Андреевич. Когда она по-отечески положила худую, морщинистую руку на ее плечо, Гокка не выдержала, заплакала громко, навзрыд, уткнувшись головой в грудь фельдшера.

Это было четырнадцатого апреля 1944 года.

Тиф наконец пошел на убыль. Он унес в могилу половину здешних спецпереселенцев. Оставшиеся в живых сажали огороды — колхоз выдал каждой семье по пять килограммов кукурузы на семена. Даже незначительный физический труд требовал от обессиленных за зиму людей большой затраты сил, и некоторые съели эти пять килограммов зерна.

Районное отделение НКВД вынуждено было дать спецпереселенцам разрешение посещать базары в городе Токмак (территория Киргизии), расположенном в восемнадцати километрах от «Трудовика». Человек, отправлявшийся на базар, должен был иметь пропуск от коменданта.

Итак, люди получили возможность четыре раза в месяц сходить на базар, и это явилось большим благом для них. Испокон веков карачаевская женщина считалась мастерицей по выделке различных изделий из шерсти, и здесь те, у кого имелась шерсть, пряли пряжу, вязали теплые вещи и продавали на базаре. Деньги, правда, сильно подешевели, тем не менее, это было подспорьем.

Базары эти имели и еще одну положительную сторону: спецпереселенцы из разных мест встречались здесь и узнавали хапары друг от друга, некоторым удавалось воссоединиться со своими семьями. Но таких счастливых были единицы. Долгими путями приходили такие хапары: кто-то кого-то видел, кто-то что-то слышал. А пока этот хапар находил нужного человека, его и в живых уже не было.

Гокка два раза ходила на базар в надежде хоть что-нибудь разведать о своих. Кемисхан забрали из гостиницы в Микоян-Шахаре, а где выгрузили городских, никто не знал. Что же касается родни мужа, то и о ней не было никакого слуха. С тем она и возвращалась домой.

Здесьняя весна не была похожа на кавказскую. Солнце, казавшееся неправдоподобно огромным, палило нещадно. Земля была пыльная, местами потрескавшаяся. Ее пахали, вскапывали лопатами, засеивали скудными семенами, а затем брались за арыки — вычищали старые, прокладывали новые. Без полива здесь ничто не росло. Такого трудного хлеба, наверное, нигде больше не выращивали.

Приближался день 1 Мая. Обычно Гокка принимала деятельное участие в подготовке к праздникам. И здесь она решила предложить комсомольским активистам свою помощь, но ей дали понять, что в ее услугах не нуждаются. Вот и еще один камень брошен в нее злобной рукой...

Гокка ежедневно прослушивала сводки Совинформбюро — от первой до последней. Сводки радовали — Советская Армия гнала фашистов на запад. Но молодая женщина знала, какими неимоверными усилиями достигаются эти успехи на

фронте. Она представляла себе искалеченные тела бойцов и офицеров, оперировать которые приходилось круглые сутки, не замечая дней и ночей. Эти воспоминания угнетали, но и радовали: с нею тогда были боевые друзья, у нее было свое место в жизни, и она была как все. Она была нужна Родине...

Гокка закрыла амбулаторию и направилась домой, хотя слово «домой» после смерти матери ее пугало. Она приходила в эту мазанку, и страшная тоска, боль, одиночество сковывали ее тело, ум, сознание. Но жизнь брала свое, и постепенно она смогла приобрести кое-что из вещей: матрац, простыню, ватную подушку и байковое одеяло. Появился примус. Купила две ситцевые сорочки, но главной одеждой оставались по-прежнему военный китель и форменная юбка. Конечно, по сравнению со своими земляками, ей жилось значительно легче, и это тяготило ее.

Идти «домой» не хотелось. Вдруг она обратила внимание на людей, толпившихся на центральной улице. Приблизившись, увидела окровавленную женщину. Она плакала, а люди что-то кричали, причитали и угрожали кому-то. Оказалось, что ее избил комендант.

Гокка, ни слова ни говоря, взяла женщину под руку и повела в амбулаторию. Обработала раны на лице и руках. Это была Апи Касаева, близкая родственница легендарного командира партизанского соединения в Белоруссии Османа Касаева. Она и рассказала Гокке, что с ней произошло.

Али, добыв ведро кукурузы, решила смолоть ее тайком от коменданта на мельнице в станице Ивановской — семья голодала. Между Ивановской и «Трудовиком» протекала река Чу, являвшаяся границей между Казахстаном и Киргизией. Апи, зная запрет, совершила преступление — перешла границу, и Кузнецов, проезжавший в это время по мосту, избил ее, а драгоценную ношу бросил в реку.

Пока Гокка перевязывала раны, у амбулатории стоял галдеж. Это были в основном спецпереселенцы, но пришли и местные. Неслыханный доселе произвол вызвал всплеск негодования и возмущения. Всклок появился комендант, разъяренный, с плеткой в руке, хотя и не верхом, как обычно.

— Разойдись, бандитская сволочь! Каждый, кто перейдет границу, будет не только избит, как эта тварь, но и отправлен на каторгу! Разойдись! — заорал он, весь красный, раздувая ноздри.

— Не имеешь права бить, тем более мать солдата! — гневно выкрикнула Гокка.

— Не имеешь! Не имеешь! — поддержали голоса.

Кузнецов чуть опешил от неожиданности, но быстро взял себя в руки.

— Не имею, говоришь, бандитская сволочь! — Он наступал на Гокку. — Не имею? Что, забыли о том, что есть приказ, что вы не имеете права отлучаться от села дальше пяти километров, а эта тварь была уже на мосту!

— На десять метров дальше положенного, — бросил кто-то из толпы.

— Разойдись! — гаркнул комендант. Препираться было бесполезно, и люди разошлись.

Халимат зашла вместе с Гоккой в амбулаторию.

— Садись, у тебя почерк красивый, — сказала Гокка.

— Что ты надумала?

— У нас есть единственное средство, давай воспользуемся им и напишем в районное отделение НКВД жалобу на этого ката.

— А ты знаешь, что он просматривает наши письма? Мне об этом сказала под большим секретом дочь Ишина, у которого мы живем, Татьяна.

— Передадим с кем-нибудь из местных, они тоже ненавидят его. Он наизмывался над ними до нашего приезда. Как бы мы ни провинились, я уверена, что бить нас ему не разрешается.

Через час заявление было готово, и теперь надо было найти надежного человека. Но долго перебирать людей в уме не пришлось: у Гокки есть человек, навсегда ставший ей родным, — это Марья Ивановна Трифонова. Она вечером передаст это письмо.

— Наверное, так и не будет ответа от товарища Сталина, — вздохнула Халимат.

— Я все же не теряю надежды, — ответила Гокка, идя рядом с подругой домой. Солнце еще не село. Обе девушки, миновав дома, в которых они проживали, дошли до участков вдоль дороги, где некоторые спецпереселенцы выкопали землянки и уже вселились в них.

— А ведь некоторые все еще верят, что произошла ошибка, — произнесла Гокка, — не строят землянки, говорят, что вот-вот разрешат вернуться домой.

— Видишь, вон женщина с детьми копает землянку, это Абидат. Она мне сказала, что, мол, хочет иметь свой угол для оставшихся в живых детей, а если будет разрешение вернуться домой, разве будет жалко бросить такой «дом»?

Они остановились у одной из таких землянок. Женщина мазала внутри желтой глиной. Старик готовил замес, а девочка лет пятнадцати подносила матери. Поздоровались. Старик облокотился на лопату, женщина стала в проеме двери, девочка присела на корточках у замеса.

— Вот что осталось от большой семьи, — обвел старик глазами всех троих. — Нас было восемь душ, когда посадили в теплушку. Одних зарыли чужие люди на останках, других здесь взяли голод и тиф. А мы вот, выходит, самые сильные, выжили почему-то. Сноха (показал на женщину) ходит на работу в колхоз, а после работы вот так и копаемся, — горько вздохнул он и взялся за лопату.

Во дворе землянки была сложена из самана печка. На ней стояла закопченная кастрюля.

— О сыне ничего не слышно? — спросила Гокка у старика.

— Слышно, дочка, слышно, — его списали с фронта из-за нас. Он скитался в поисках семьи по Средней Азии и на какой-то станции, под названием Мерке, скончался от тифа. Об этом хапар дошел до Токмака, где и рассказали снохе.

Женщина вошла назад в землянку, а старик снова тяжело вздохнул:

— Наш народ очень полюбился смерти, дочка.

— Что поделаешь, отец, может, придет время, и разлюбит, — сказала Халимат.

— Но тех, кто был нам дорог и близок, уже не вернуть, дочка.

Отойдя от них, Халимат произнесла грустно:

— Да, моего единственного брата, погибшего на войне, уже никто не вернет.

Гокка молчала — слишком многих дорогих ей людей пришлось бы перечислять...

Они пошли назад, к своим «домам». Женщины возвращались с полевой работы, и среди них выделялись своим видом спецпереселенки — худые, истощенные, двигавшиеся как тени. На поле колхоз кормил людей обедом, и женщины, сами недоедая, старались оставить кусочки пищи и принести своим домашним — немощным старикам и детям. После эпидемии тифа уцелевших детей младшего возраста устроили в детский сад, тем самым спасая их от голодной смерти.

Из землянок уже почти составилась квартал, благо, что здесь летом практически не шли дожди и внутри «домов», обычно обмазанных глиной, не было сыро.

Гокка распрощалась с Халимат и зашла к тетке Марье. Рассказала о письме.

— О чем разговор, Галя, я завтра смотаюсь на попутной подводе, только кому там отдать-то его? Ты знаешь, после тридцать седьмого года я дрожу, когда слышу эти страшные буквы — НКВД, господа, и стен-то собственных боюсь, когда произношу эти буквы. Да вот и вас-то обрекли беде военные части того же НКВД. Господа, не дай-то бог. Ну, я завтра поеду, что будет, то будет. Меня же не арестуют, наверное, с нас теперь снят ярлык спецпереселенцев, мы теперь называемся свободными. А что было, что было, Галя! Лучше мне не рассказывать, а тебе не слушать. А поехать поеду и письмо отдам, — произнесла она твердо, вытаскивая из большой русской печки румяный кукурузный хлеб. И, когда Гокка хотела скорее бежать от его дурманящего запаха, тетка Марья решительно остановила ее и усадила за стол:

— Разве можно уходить от свежего хлеба, — сказала она, нарезала ломти, налила кружку молока. — Ешь, а я пойду подсоблю самому. — И вышла.

Такого вкусного ужина Гокка в жизни будто бы и не знала.

Примерно два месяца спустя после этого дня по всему «Трудовику» пронеслась радостная весть — Кузнецова сняли и он уезжает. И прежние и нынешние спецпереселенцы воспрянули духом. Гокка — особенно. Она верила, что этому причина — ее письмо, что все-таки Правда не умерла окончательно.

Люди зашли к дому Кузнецова. Возле него стояли под погрузкой подвод десять — параконки из колхозных бригад. Ни на кого не глядя, Кузнецов и его жена вытаскивали домашние предметы и грузили молча. А вещам, кажется, не было ни конца ни края — за тринадцать лет службы здесь он нажил баснословное богатство. Никто из присутствовавших не подумал помочь грузить ему вещи, даже его домработницы. Весь красный от невыпленного бешенства, Кузнецов наконец не вытерпел и гаркнул:

— Раз-зойдись, контра поганая!

Вскоре потянулись по улице тяжело груженные подводы, а за ними его сын гнал несколько коров, нетелей и баранов. На одной из подвод протестующе визжали поросята.

* * *

Через несколько дней после этого в «Трудовик» прибыл новый комендант по фамилии Яценко. Ему было лет сорок, не больше. Рыженький, с голубыми глазами, сухощавый. Он приехал один, без семьи, видимо, для ознакомления с обстановкой. Походил по улицам, осмотрел землянки, посетил бараки. Зашел и в амбулаторию, где шел прием больных. С Гоккой он поздоровался за руку (за руку!). Сел на табурет и заговорил. Узнав о том, что Гокка хирург, удивился тому, что она работает на должности фельдшера, и это тогда, когда хирургов так не хватает. Узнал, что она бывшая фронтовичка, капитан. Рывком поднялся со своего места и стал быстро ходить по комнате. Гокка нашла его даже интеллигентным, но, если так, подумалось ей, почему он облачен в эту самую форму с малиновыми погонами, которые так пугали людей при появлении Кузнецова...

Тем временем он спросил:

— Близких своих растеряли, да?

— Пока никого не нахожу.

— Лекарств, конечно, не хватает, да? — перебил он разговор.

— Не хватает — не то слово — их нет, даже йода.

— Гм...

Он вышел, не забыв сказать «до свидания».

«Луч света в темном царстве», — подумала о нем Гокка. Появилась надежда на то, что новый комендант поможет найти ее Аслана.

Долго сидел Яценко и у председателя колхоза и в тот же день уехал. А по команде председателя уже отремонтировали, белили покинутую Кузнецовым квартиру для нового коменданта.

Через несколько дней он переехал с семьей — молоденькой женой и семилетней девочкой. Весь домашний скарб поместился на одной параконке. Эта весть быстро облетела село.

У всех на душе стало легче оттого, что к ним пришел настоящий человек, хотя и в облике коменданта. Он заботился, насколько это зависело от него, о спецпереселенцах, смотрел на них как на людей, и к нему они шли, не боясь.

Гокка же стала бывать в его доме, по-настоящему подружилась с его женой, чевала с ними, и у нее появилось такое чувство, что комендант воспринимает случившееся с карачаевцами как величайшую ошибку. Узнав о том, что Яценко по

профессии учитель географии, Гокка удивилась — такая резкая смена профессии. Она не стала допытываться о причине этого, но почему-то уверила себя в том, что Яценко, желая облегчить страдания невинных людей, сам предложил НКВД свои услуги в качестве коменданта.

Спецпереселенцы все так же ходили в комендатуру расписываться два раза в месяц, но теперь не дрожали от мысли, что могут получить пощечину или что их пошлют в район с конвоем за выдуманное самим комендантом нарушение всевозможных приказов.

Хотя в душе каждого жила надежда на возвращение домой, на Кавказ, тем не менее строились, как могли: рыли землянки или делали саман из глины и ставили хатки, крыши же покрывали камышом.

Взрослые и дети трудились в колхозе: сеяли пшеницу, свеклу, табак, работали в колхозном саду, овощеводческой бригаде. Трудоспособные мужчины почти все были заняты на фермах. Исконные животноводы, они пользовались большим авторитетом у руководства колхоза. Пожилые женщины пряли шерсть и пряжу продавали или обменивали на что-либо в Томаке. Таким образом, положение спецпереселенцев стало заметно лучше, к тому же надежда, что осенью что-либо получат на трудодни, приносила успокоение.

Только потеря близких ничем не компенсировалась, эта рана кровоточила, напоминая о себе беспрестанно.

С тех пор как Магомет Семенов сказал, что где-то во время своих скитаний он мельком слышал об Аслане, в душе Гокки поселились надежда и страх. Надежда на то, что вот-вот, в один прекрасный день Аслан найдет ее и неожиданно-негаданно переступит ее порог. А страх оттого, что, не дай бог, Аслан где-либо мог заразиться тифом и умереть.

Во время одного из своих посещений семьи коменданта Гокка заговорила о муже: дружили, мол, несколько лет, поженились, а на второй день после свадьбы Аслан ушел на фронт. Воевал хорошо, стал командиром, имел награды, попал в госпиталь, и она потеряла его след. А вот некий Магомет Семенов слышал о нем как о скитальце... При рассказе о муже на исхудавшем лице Гокки отразилось такое страдание, что у коменданта сжалось сердце. Он долго молчал, а затем предложил:

— Знаете, давайте-ка я вам дам разрешение и поезжайте-ка на розыски мужа и близких.

Гокка замерла, пораженная его словами.

— Я не ослышалась? — спросила.

— Ничуть.

— Для вас это не обернется добром, Петр Николаевич.

— А мне рассказывали такую историю, Гокка Борисбиевна, — улыбаясь глазами, сказал комендант. — Заболел бухгалтер колхоза. Диагноз: гнойный перитонит запущенной формы. Отправлять его в район бесполезно — единственный хирург района сам тяжело болен. И вот Гокка Борисбиевна, в условиях фельдшерского пункта, берется оперировать, заранее зная о том, что если больной умрет, то врач-спецпереселенку без суда отправят в тюрьму, обвинив в умышленном преступлении. Но, к счастью, с невероятными усилиями она его выходила, превратив часть амбулатории в кусочек больницы.

— Тогда, Петр Николаевич, я ни о чем, кроме спасения больного, не думала.

— Так почему я не могу думать подобным же образом?

— Увы, думать приходится оглядываясь.

— Одним словом, собирайтесь. Денежки на дорогу найдутся?

— Да вот скоро получу зарплату — двести тридцать рублей.

— Не густо. Ну да что поделаешь. Вам придется побывать и в Киргизии, и в Узбекистане. А тут, в Казахстане, я буду разыскивать сам.

С этого дня Гокка стала жить как бы в другом измерении: она с нетерпением считала дни до зарплаты, прикидывала свой будущий маршрут, представляла встречу с мужем и сестрой, с родственниками. Но кому оставить амбулаторию, ведь надо иметь разрешение из райздраводела. В очередной раз, когда санитарка поехала в район за медикаментами, Гокка передала с ней заявление на отпуск на двадцать дней, но каково было ее огорчение, когда санитарка привезла отказ. И тут выручил фельдшер:

— Езжайте, Гокка Борисбиевна, я буду вести прием. Человек из райздраводела бывает здесь раз в году. В этом году, поверьте мне, никого из них уже не будет.

Гокка была готова на всякие нарушения, лишь бы отправиться на поиски любимого. Главное, от коменданта у нее будет разрешение и ее не арестуют. А райздраводел пуская снимает с работы, они с Асланом не пропадут.

Наконец Гокка получила майскую зарплату и стала готовиться к отъезду. Даже постаралась изучить школьную географическую карту. Взяла у коменданта это магическое разрешение с печатью и подписью, попрощалась с теткой Марьей, Фридой, Христиной, Халимат. Василий Андреевич дал несколько дельных советов на дорогу. Гокка же больше всего руководствовалась рассказом Магомета Семенова и в первую очередь намеревалась посетить те места, где побывал он.

Узнав о том, что Гокка собирается в путь, буквально все спецпереселенцы хлынули к ней — все просили, чтобы она разыскала их родственников. Так у нее оказались десятки клочков с именами пропавших.

Она выстирала свою военную форму, выгладила утюгом Фриды и даже прикрепила орден. А вот сапоги поизносились, видны были заплатки. Ну что ж, других не имеется. Взяла и вещевой мешок по привычке. Прошла пешком до Большого Чуйского канала, его называли просто тремя буквами — БЧК, перешла мост через него, и вот уже оказалась на земле Киргизии. Стала «голосовать». Довольно часто проезжали грузовики-полупотрки в сторону города Фрунзе и обратно — в Токмак. Шли и подводы. Остановилась параконка, на которой сидели старик-киргиз и мальчишка лет двенадцати-тринадцати. На просьбу Гокки взять ее с собой старик сказал:

— Мы едем в Кантский район.

— Мне все равно.

По облику Гокки старик, конечно, сразу определил, что она из спецпереселенцев. Остановил свой взгляд на ордене.

— Как же тебе разрешили кататься? — спросил он, жмуря от солнца и без того узкие глаза.

— Разрешили...

Лошади мерно цокали копытами по асфальту, бричка тархтела, солнце палило нещадно, хотя дело шло к вечеру. Военная форма была явно не по сезону, сейчас хорошо бы надеть летнее платье. Да где его взять...

Мальчик сбоку все время поглядывал на Гокку, и она приглядывалась к нему: нет, это не киргиз, он наш, кавказец, а точнее, карачаевец. Его большие черные глаза смотрели печально. Нос с горбинкой, брови густые, черные. Лицо худое, бледное. На нем, как и на старике, был старый полосатый халат, видно, с чужого плеча, а на голове — тубетейка.

Гокка спросила на карачаевском языке, как его зовут. Он торопливо ответил:

— Меня зовут Салих, я...

Но старик повернулся и строго сказал:

— Тебя зовут Сакен, запомни это, сын мой.

Мальчик тут же как-то съежился, глаза наполнились слезами.

А старик пояснил:

— Его родня вся вымерла, я усыновил его. Ему у меня неплохо живется, хотя я понимаю его печаль...

Когда они подъехали к городку Кант, районному центру, старик сказал:

— Нам надо ехать налево в свой аил, а тебе куда?

— Скажите, здесь есть спецпереселенцы?

— Есть, дочка, есть, где их только нет, — ответил старик и поинтересовался: — Никак, ты военная?

— Была. — Взяв вещевого мешок, она легко спрыгнула с подводы. Из нагрудного кармана достала три рубля и протянула старику. Уже хотела было идти, когда мальчик соскочил с подводы и плача вцепился в китель Гокки:

— Не оставляй меня, я хочу с тобой, я умею просить подаяние! Не оставляй!

— Я постараюсь найти твоих родственников, Салих. Ты сказал, что ты Казиев, вот я и найду кого-либо из них, — проговорила Гокка, боясь встретиться с его взглядом. Тем временем старик неторопливо привязал вожжи к брчке, подошел к пареньку, обнял его за плечи и сказал ласково:

— Сынок, поехали.

На окраине районного городка Гокка заметила новые землянки и пошла к самой крайней. У дыры, служившей дверью, сидел худой старик с длинной белой бородой и перебирал пальцами четки. Прикрыв глаза, он читал молитву. Она подошла неслышными шагами и стала напротив, боясь перебить старика.

— О аллах, за какую провинность ты покарал честный трудовой народ?! Если и были в чем-то виноваты, то своей гибелью мы заплатили за это. Теперь сделай так, чтобы кости оставшихся в живых лежали в родных горах, в Карачае. О аллах, прошу тебя...

В это время подошла к ним женщина с узелком.

— Отец, у нас гостья, ты разве не видишь? Здравствуйте, — обратилась она к Гокке. Старик только теперь заметил ее.

Женщина зашла в землянку и вынесла оттуда саман, чтобы посадить Гокку.

— Садись, джаным, пока светло, лучше посидеть здесь, чем в землянке. Откуда будешь-то? — Сев на землю напротив гостыя, она устремила на нее взгляд печальных глаз. На ней висело стирое ситцевое платьишко, латаное-перелатанное. Пока Гокка рассказывала о себе, со всех концов потянулись сюда люди — быстро же они узнали о ее приезде. Они расположились вокруг молодой женщины и, перебивая друг друга, торопились задать вопросы.

— Кого-нибудь видела из Узденовых?

— А из Боташевых?

— Казиевых не встречала?

— Может, о Лайпановых что знаешь?

В глазах читались мольба и надежда.

— Там, куда я попала, таких фамилий нет, — ответила Гокка, — может, в других местах встречу.

Перешли на другие темы.

— Скоро нас отправят назад, ведь говорят, что нас привезли без ведома Сталина. Видать, ты командиром была, значит, знаешь немало.

— Я тоже считала, что товарищ Сталин не знает о нашей беде, теперь думаю иначе... Назад, наверное, нас не отправят.

— Кого теперь отправлять, почти никого не осталось.

— У нас есть бригадир, — переменяла тему женщина, — за малейшую провинность наказывает нас. И сегодня избил до крови подростка во-он с той землянки, и мальчик сейчас лежит.

— За что же?

— За то, что он выскреб горсть семян пшеницы, оставшуюся после посева в селке. Голодный же был.

— Дожить бы до урожая, но как? — вздохнул мужчина без правой руки, в цветшей военной гимнастерке. — Тот, кто в состоянии работать, хоть кое-как питается на поле, а что делать остальным — немощным старикам и детям?

— С одной стороны, голод, а с другой, — видишь, совсем обносились. И ничего не знаем о своих близких. Вот и ты никого из нас не смогла порадовать.

— А балкарцы есть среди вас? — спросила одна из женщин. По ееговору Гокка определила, что она балкарка.

— Нет, — ответила Гокка, разочаровав и ее.

Молодой женщине не терпелось спросить о муже, но у карачаевцев испокон веков считается неприличным выставлять свои чувства напоказ. Тем не менее она дольше не смогла выдержать, хотя и начала издаലെка:

— Тут есть такие, которых списали с фронта?

— Есть трое, — ответил мужчина без руки, — двое после долгих поисков здесь нашли свои семьи, вернее, тех, кто остался от семьи, а один, по фамилии Гебенов, прибыл сюда три дня назад и не знает, куда теперь ехать и где искать семью.

— А... а о писателе Аслане ничего не слышно?

О ее муже никто ничего не знал.

Уже стемнело, все лица людей слились в одно. Стали расходиться. Женщина — хозяйка землянки — поделила одну тоненькую лепешку на троих — на старика, Гокку и себя.

— В семье нас было семеро, пятерых унесли голод и тиф, а на хозяина еще на Кавказе пришла похоронка. Остались мы теперь с отцом. Кушай, тебе предстоит трудный путь. Значит, наш любимый писатель — твой муж? Боже мой, как я зачитывалась им! А теперь не знаю, придется ли держать в руках книгу...

Старик лег на одних нарах, застланным сеном, а Гокка с женщиной — на других. Двери не было, вместо нее висела какая-то тряпка.

— Уж очень душно, — сказала женщина и откинула тряпку в сторону.

Сон не приходил. Гокка смотрела через дверной проем на крупные звезды и повторяла про себя слова любимого Пушкина: «И всюду страсти роковые и от судеб защиты нет».

Женщина, уставшая за день работы на поле, заснула сразу, Гокка же переворачивалась с боку на бок, обливаясь потом от жуткой духоты. Утром чуть свет она поднялась тихонько, взяла вещмешок и покинула гостеприимных хозяев. Лавируя между землянками, она направилась к главной дороге, ведущей к городу Фрунзе, но в город ей ехать было незачем — спецпереселенцы проживали только в населенных пунктах. Шли машины, подводы в различных направлениях. Гокка решила держать путь в Джамбул, вокруг этого города, говорят, много было размещено спецпереселенцев.

Вдруг она издала увидела милиционера и спряталась за какое-то дерево — пуще всего спецпереселенцы боялись их: было немало случаев, когда «служики» хватали их за малейшую провинность и бросали в камеры.

Она переждала, пока уйдет милиционер, почему-то оказавшийся в таком месте, и опять стала «голосовать». С трудом устроилась в кузове какого-то грузовика. Куда привезет ее шофер — ей было безразлично.

На третьи сутки она добралась наконец до города Джамбула. Оставались еще семнадцать дней от ее отпуска.

Боясь встретиться с милиционером, она не стала заходить в город. На окраине, где она слезла с грузовика, стояли небольшие саманные домики: землянок не было видно, значит, тут спецпереселенцев нет.

Уже вечерело, надо было где-то переночевать, и Гокка подошла к одному из домиков, у которого на саманной печке в широком котле жарилось что-то вкусное. Гокка давно не слышала такого дурманящего запаха — жарились баурсаки. К ней подошла женщина средних лет, в стареньком ситцевом платье и спросила, оглядев ее с ног до головы:

— Спецпереселенка?

— Да.

— Как ты сюда попала?

— Ищу своего мужа. У вас можно будет переночевать?

Женщина (это была казашка) подумала с минуту и сказала:

— Мужа ты в такой круговерти не найдешь, а переночевать иди во-он туда, отсюда седьмая мазанка, там живет одна ваша, — и наклонилась над чугуном.

Гокка пошла к указанному женщиной домику. В небольшом дворике, огражденном дувалом, сидела старая казашка в белом головном уборе и пряла пряжу. Старик в чалане и тюбетейке чинил сбрую. Не видя никого из своих, Гокка замешкалась. Старик, заметив ее, спросил настороженно:

— Кто ты? Кого тебе надо?

— Я хотела попроситься на ночлег, мне сказали, что здесь...

— Что здесь?.. Что здесь?.. — грубо оборвал ее старик и, как-то слишком уж нервно бросив свою работу, уставился на Гокку. В это время из домика вышла худенькая девочка лет пятнадцати с ведром в руке. Гокка сказала про себя — «наша». Девочка, видно, тоже признала в пришедшей свою, но не сдвинулась с места, боязливо поглядывая то на старика, то на старушку.

— Можно мне у вас переночевать? Уже поздно продолжать путь, — нарушила молчание Гокка.

Старуха невозмутимо пряла шерсть, хотя уже стало темно, старик, подумав, ответил раздраженно:

— Раз пришла, оставайся, а могла бы зайти в другие дворы.

Девочка на протяжении этой сцены стояла не двигаясь. Наконец старуха отложила в сторону пряжу и крикнула сердито:

— Чего вылупила глаза, иди набирай воду из арыка и залей двор, чтобы было свежей.

Она сказала это на казахском языке, и девочка как-то сразу сникла. Гокка села на саманные обломки, ожидая, что хозяева уложат ее спать, — от духоты, от переживаний она за день утомилась ужасно. Почти совсем стемнело. Старуха встала и зажгла маленькую лампу, и дворик осветился тусклым светом. Гокка поняла, что вся жизнь семьи проходит здесь, во дворе: печка, сложенная из самана, какая-то лежанка, на земле, на клеенке, посуда, возле нее — старый медный самовар.

Девочка принесла воды, полила дворик и хотела было подойти к Гокке, но старуха приказала:

— Поставь самовар, чего стоишь!

Та беспрекословно подчинилась приказу и набросала угольев в самовар. Старик все дымил трубкой.

Гокка сразу почувствовала лютую ненависть старухи к этой девочке, заметила также, что старик зорко следит за тем, как бы Гокка не заговорила с девчонкой.

Наконец самовар закипел, и все трое сели вокруг расстеленной на земле матерчатой скатерти. Гокка не смогла сесть, стала просто на колени. Хозяева сделали вид, что не заметили этого. Старуха разломала лепешку на мелкие кусочки, из кармана платья вытаскила маленький узелок, в котором находились раздробленные кусочки рафинада. Три кусочка она положила перед стариком, два — перед Гоккой, себе взяла три кусочка, девочке не дала ни одного и спрятала узелок в карман. Гокка молча взяла из своей доли и положила кусочек перед девочкой. Старухе это не понравилось:

— Ей хватит и того, что она отняла у меня мужа! — зло сказала старуха по-казахски.

— Какого мужа? — невольно вырвалось у Гокки.

— Как какого? Вот этого! — ответила хозяйка, ставя перед стариком пиалу с ароматным чаем.

Боже мой! У Гокки волосы встали дыбом. Старик у этой девочки могла сойти за внучку. Не иначе как он ее принудил. Гокка забыла о своих бедах перед несчастьем этой бледной, с печальными глазами девочки. Ее костлявые лопатки торчали из-под старенького платья.

Тем временем старуха поставила пиалу с чаем и перед Гоккой, а сама принялась пить. Старик передал свою пиалу девочке и грозно сказал старшей жене:

— Налей мне чаю, старая карга, мало, что я тебя кормлю, могу и выбросить на свал!

— Теперь-то можешь, я тебе вырастила сына, дочь, внуков, а теперь мешаю бавляться с молодой! Бесстыжий! Будь она проклята, эта карачайка, упавшая на мою голову!

— Цыц, говорят тебе, ведьма! — крикнул старик.

Гокка услышала рядом всхлипывания — плакала девочка, у молодой женщины сердце разрывалось от жалости. Она перестала пить чай и поднялась. Вышла за дувал. Вдали мерцал неяркими огнями город. Вечер был тихий и душный. Не хотелось верить, что где-то далеко отсюда, у вражеских границ, идут жестокие бои. Хотелось бы обо всем плохом забыть, хотя бы на миг, но эта худенькая девочка... Лучше бы она умерла с голоду, как многие. Какими судьбами попала она к старик у? Может, ее продала голодающая семья за какой-нибудь пуд зерна? А может, она осталась одна из целой семьи?

На душе было тяжело. Лучше бы она сама умерла, хотя бы тогда, когда круглые сутки вращалась среди тифозных, или в тот день, когда схоронила маму... Но ее молодой организм выдюжил, обрекая ее душу на жестокие муки. Комендант Яценко, решив сделать для нее доброе дело, пустил ее по дорогам ада. Как оставить эту девочку, совершенно беспомощную и беззащитную, у этих людей? А как и куда увести ее с собой, ведь она, конечно, числится здесь в комендатуре? И девочку все равно поймут и отправят на двадцать лет.

— Возьми меня, а то я покончу собой, — услышала Гокка и обернулась. Девочка стала на колени и обхватила ноги Гокки. — Он меня подобрал, когда я просила подаяние. Все в моей семье вымерли, я сама из Хасановых, найду кого-нибудь из них и пристану к ним, я тебе не буду обузой, — быстро говорила девочка, боясь, что за ней придет старик.

— Я боюсь его, старика, очень боюсь, старуху тоже. Когда старик подобрал меня, я думала, что он будет жалеть меня, как внучку, а он... аллах мой, мне вспомнить страшно... Не оставляй меня.

— Эй, где ты? — послышался голос старика.

Девочка судорожно вцепилась в Гокку, и казалось, нет сил на свете, которые могли бы разъединить ее худые ручонки. Старик снова окликнул. На этот раз Гокка почувствовала, как расслабились руки, девочка тихо поднялась и пошла на зов. При тусклом свете лампы молодая женщина видела, как скрылась ее угловатая фигурка в одной из половин домика. Так побитая собака следует за своим хозяином...

Гокка всю ночь не сомкнула глаз, лежа во дворе на лежанке, а чуть забрезжил рассвет, тихо вышла и прикрыла за собой старую калитку. «Что-то надо было мне предпринять, — мучительно думала она, шагая по пыльному переулку в сторону большой дороги. — Я не должна была оставлять ее в беде. Но как ее выручить?»

Хотя у нее в кармане и лежало разрешение коменданта, но она, во избежание встречи с милиционерами, старалась идти по сравнительно безлюдным местам. Ни военная форма, правда, без погон, ни боевой орден — не спасение для спецпереселенки от облавы. Паспорта же у них отобрали сразу как привезли. Не-ет, она не в состоянии была помочь несчастной. Но от этого не становилось легче.

Десять дней, половину срока разрешения, Гокка скиталась по Казахстану и Киргизии. И всюду встречалась со своими соотечественниками. Среди них были такие, которые работали батраками у местных жителей. И это некогда гордые сыны и

дочери гор, испокон веков воспеваемые поэтами и путешественниками! Видела она детей, оставшихся сиротами и побиравшихся всюду. Видела женщин, поневоле ставших вторыми и третьими женами казахов. Беседовала с бывшими бойцами и командирами, списанными из действующей армии. Они трудились в колхозах, осчастливив найденные семьи (если они сохранились) своим возвращением. Встречала и скитальцев, таких, как сама, разыскивающих своих близких.

Об Аслане никто ничего не знал, да ведь и сам Магомет Семенов не помнил, где о нем слышал: то ли в Казахстане, то ли в Узбекистане, а может, здесь, в Киргизии. Гокка потеряла всякую надежду на то, что ей удастся когда-нибудь разузнать что-либо о муже. Тем не менее, решила использовать весь срок отпуска. Она все так же ночевала у спецпереселенцев — своих, чеченцев, ингушей, балкарцев, которые делились с ней последним. Иногда где-нибудь по пути покупала лепешку. Выпавшие на долю ее народа несчастья, свидетелем которых она была, настолько изранили ее сердце, что временами помрачалось сознание.

Если бы она взглянула на себя в зеркало, то увидела бы, что ее темные волосы поседели: ее гордый, красивый народ заживо похоронил себя — всюду землянки, тысячи землянок во всех трех республиках. А храбрые, верные сыны народа, чьи подвиги на войне отмечены орденами и медалями, возвратясь к себе домой, на Кавказ, и не найдя там своих близких, скитались в поисках, растерянные, несчастные, не понимающие — ЗА ЧТО?..

*Текст подготовила к печати
В. БУЯЛЬСКАЯ*

Из тьмы на свет

Крупнейший историк конца 18 — начала 19 века Николай Михайлович Карамзин большому кругу читателей нашей страны был больше известен как писатель-сентименталист, автор знаменитой «Бедной Лизы» и известного сочинения «Письма русского путешественника». Главная книга Карамзина, над которой он работал более двух десятилетий, — «История государства Российского» — в советское время не издавалась, а между тем она-то оказала огромное влияние на развитие российских умов «золотого» 19 века.

С выдержек из «Истории государства Российского» мы начинаем публикации о ногайской истории. И эти публикации будем продолжать, независимо от того, когда они выходили — в далеком прошлом или совсем недавно.

Данная публикация относится к изданию А. А. Петровича, Москва, 1903 год.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

сочинение
Н. М. Карамзина.

Том IV

Стр. 47. «В княжение Невского начались в волжской или капчакской (кипчакской — прим. ред.) орде несогласия, бывшие предвестием ее падения. Ногай, один из главных воевод татарских, надменный могуществом, не захотел повиноваться хану, сделался в окрестностях Черного моря владельцем независимым и заключил союз с Михаилом Палеологом, императором греческим, который в 1261 году, к общему удовольствию россиян, взяв Царьград и восстановив древнюю монархию Византийскую, не устыдился выдать побочную свою дочь, Евфросинию, за сего мятежника. От имени Ногай произошло, как вероятно, название татар ногайских, ныне подданных России. — Несмотря на внутреннее неурстройство, моголы более и более распространяли свои завоевания и чрез Казанскую Болгарию дошли до самой Перми, откуда многие жители, ими утесненные, бежали в Норвегию, где король Гакон обратил их в веру христианскую и дал им земли для поселения».

Стр. 69. «... Но Андрей (сын Невского — прим. ред.) нашел гораздо усерднейших помощников в моголах; сии варвары, всегда алчные к злодействам и добыче, не отказались и вторично услужить ему разорением великаго княжения; напали со всех сторон на Суздальские

области и стремились к Переславлю, означая свой путь кровью и пожарами. Димитрий (другой сын Невского — прим. ред.) не мог противиться: он бежал к сильному Ногаю, который был прежде воеводою ханским, тогда уже самовластно господствовал от степей Слободской, Украинской и Екатеринославской губернии до берегов Черного моря и Дуная.

Таким образом князья российские в самом источнике насилий искали способа защитить себя от оных и жертвовали последними остатками народной гордости выгодам собственного, личного властолюбия. Димитрий не обманулся в надежде; убежденный его справедливостью или желая единственно доказать свое могущество, Ногай возвратил ему престол и власть, не мечом и не кровопролитием, но одною повелительною грамотою. Андрей не дерзнул быть послушником, ибо сам новый хан Тудан-Мангу боялся Ногаю».

Стр. 74. «Гораздо важнее и несчастнее для России, как пишет историк Длугош, было (в 1280 году) сражение Льва Даниловича Галицкого с поляками. По кончине доброго Болеслава, умершаго бездетным, Лев думал быть его наследником и государем всей Польши; не мог преклонить к тому вельмож краковских (избравших Лешка, Болеслава племянника) и, желая силою овладеть некоторыми из ближайших ей городов, сам ездил в орду к Ногаю требовать от него войска. Однако же, несмотря на многочисленные толпы моголов, данные ему ханом, воеводы Лешковы одержали над ним блестящую победу, взяв 2000 пленников, семь знамен и положив на месте 8000 человек. Князья благоразумные, Владислав-Иоанн и Мстислав Данилович, весьма неохотно участвовали в сем походе, осуждая призвание моголов, которым слепое властолюбие Льва указывало путь к дальнейшим опустошениям стран христианских. Но Провидение охраняло Запад. Так, сильные вожди ханские Ногай и Телебуга, в 1285 году предприняв совершенно разрушить венгерскую державу и взяв с собой князей Галицких, наполнили стремнины карпатские трупами своих воинов. Россияне для них были худые путеводители: где надлежало идти три дня, там моголы скитались месяц; сделался голод, мор, и Телебуга возвратился пеш с одною женою и кобылою, по словам летописца. Около ста тысяч варваров погибло в горах и пустынях. Несмотря на то, Ногай и Телебуга, в 1287 году, с новыми силами явились на берегах Вислы: герцог Лешко бежал из Кракова; никто не мыслил обороняться в Польше; но, к его спасению, вожди татарские боялись, ненавидели друг друга: не захотели действовать совокупно и, без битвы пленив множество людей, удалились. Телебуга на возвратном пути остановился в Галиции, требуя гостеприимства от ее князей, вместе с ним неволею ходивших за Вислу; а в благодарность за оное моголы грабили, убивали россиян и сообщили им язву, от коей умерло в одних Львовых областях 12500 че-

ловек и которая, если верить сказанию Длугоша, произошла от того, что моголы испортили воды в Галиции ядом, будто бы извлеченным ими из мертвых тел. Сие бедствие уверило Льва Даниловича, что должно не призывать, а всячески отводить моголов от покушений на Запад: ибо Галич и Волыния, служа им перепутьем, страдали в таком случае не менее тех земель, куда стремились сии варвары».

Стр. 71. «Мы видели, что Ногай защитил Димитрия; увидим его и защитником Андрея. Сей князь Городецкий жил два года спокойно, призвал к себе какого-то царевича (улана — прим. ред.) из орды и начал явно готовиться к важным неприятельским действиям. Великий князь предупредил их: соединился с удельными владетелями, выгнал царевича и пленил бояр Андреевых. Сие действие могло оскорбить хана и казалось дерзостью: ростовцы поступили еще смелее. С неудовольствием смотря на множество татар, привлекаемых к ним корыстолюбием и хотевших быть во всем господами, они положили на вече изгнать сих беспокойных гостей, и разграбили их имение. Владелец ростовский Димитрий Борисович, сват великаго князя, немедленно послал в орду брата своего Константина, чтобы оправдать народ или себя, и хан на сей раз не вступился за обиженных татар: чему были причиною или дары княжеские, или тогдашние внутренние неустройства в орде. Ногай более и более стеснял власть ханскую: наконец умертвил Телебугу и возвел на престол его брата, именем Тохту. К несчастью, Россия не могла еще воспользоваться сими междоусобицами ея тиранов, согласных в желании угнетать оную.

Великий князь, обязанный всем покровительству Ногаю, мог быть еще спокойнее прежнего, видя его располагающего судьбою ханов. Чтобы тем более угодить ему, он послал в орду сына юнаго Александра (который там и скончался). Но Андрей хитрыми происками успел склонить на свою сторону многих удельных князей, в особенности же Феодора Ярославского, любимца и — как вероятно — зятя Ногаева, представляя им Димитрия опасным и готовым стеснить их права, хотя великий князь совсем не думал о самовластии. За несколько лет до того времени оскорбленный тверским владетелем Михаилом Ярославичем, юношею гордым, он ходил вместе с новгородцами воевать его области, но должен был заключить с ним мир у Кашина, не смев решиться на битву и как бы признав независимость Тверского княжения. Андрей и Феодор, вступив в тесную связь, очернили Димитрия в глазах Ногаю, весьма равнодушного к справедливости и довольного случаем обогатить своих моголов новым впадением в Россию, где они били людей как птиц и брали добычу, не подвергаясь ни малейшей опасности. Ногай сказал слово, и многочисленные полки моголов устремились на разрушение. Дюдень, брат хана Тохты, предводительствовал ими: а князя Андрей и Феодор указывали ему путь в сердце отечества. Ди-

митрий находился в Переславле: не имея отважности встретить Дюдена ни с оружием, ни с убедительными доказательствами своей невиновности, он бежал через Волок в отдаленный Псков, к верному зятю Довмонту. Татары шли возвести Андрея на великое княжение и могли бы сделать то без всякого кровопролития: ибо никто не думал сопротивляться воле Ногаевой; но сей предлог был только обманом. Муром, Суздаль, Владимир, Юрьев, Переславль, Углич, Коломна, Москва, Дмитров, Можайск и еще несколько других городов были им взяты как неприятельские, люди пленены, жены и девицы обруганы. Духовенство, свободное от дани ханской, не спаслося от всеобщего бедствия: обнажая церкви, татары выломали даже медный пол собора Владимирского, называемый Чудесным в летописях. — В Переславле они не нашли ни одного человека: ибо граждане удалились заблаговременно с женами и детьми. Даниил Александрович Московский, брат и союзник Андреев, дружелюбно впустив татар в свой город, не мог защитить его от грабежа. Ужас царствовал повсюду. Одни леса дремучие, коими сия часть России тогда изобиловала, служили убежищем для земледельцев и граждан.

Дюдень, вступив в Тверскую область, думал взять столицу тем удобнее, что князь Михаил находился в орде. К счастью, бояре и народ изъявили великодушную смелость: с обрядами священными дав клятву друг другу обороняться до последнего человека, они составили войско, довольно сильное числом: многие люди из других областей, спасаясь от моголов, прибежали в Тверь и вооружились вместе с ея мужественными гражданами. К внезапной их радости, явился и князь Михаил, двадцатилетний юноша, любимый всеми. Не зная, что татары заняли Москву, он было едва не попался к ним в руки, но один сельский священник в окрестностях ея дал ему весть о том и показал дорогу безопасную. Духовенство встретило князя со крестами, народ с восхищением; думая, что он привез к ним спасение и победу, самые малодушные ободрились. Мужество в некоторых случаях также легко сообщается, как и робость. — Недостойный князь Андрей, быв свидетелем всех злодейств татарских, уже вел Дюдена к Твери; но сведав, что жители ея под начальством Михаила готовы дать им отпор сильный, моголы обратились к Новгородской области, ибо искали в России не славы побед, а только одной безопасно добываемой корысти. Разорением Волока заключилось сие губительство. Прислав дары воеводе могольскому, новгородцы объявили там Андрею, что они всегда желали иметь его своим князем и что ему нет нужды идти к ним с татарами. Дюдень отступил и вышел из России. Андрей приехал в Новгород; союзник же его Феодор Ростиславович взял себе Переславль-Залесский...»

Стр. 78. «...Достоинно замечания, что епископ Феогност ездил оттуда в Константинополь не только по церковным делам, но и в качестве

ханского посла к императору Михаилу, тестю Ногаеву. Сей славный Ногай — в тот самый год (1301 г. — прим. ред.), как Дюденево войско злодействовало в России — был побежден ханом Тохтою и найден между убитыми...»

(Продолжение следует)

Арсен КУБАНОВ

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ИЗ КНИГИ ИОАННА ШИЛЬТБЕРГЕРА «ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЕВРОПЕ, АЗИИ И АФРИКЕ С 1394 ГОДА ПО 1427 ГОД»

Книга «Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год» Иоганна Шильтбергера¹ вошла в научный обиход с 1867 г., когда профессор Одесского университета Ф. К. Брун (1804-1880 гг.) издал ее в переводе со старонемецкого. Она завоевала огромную популярность, и вскоре обширные комментарии к нему Ф. К. Бруна появились на немецком и английском языках².

Баварский солдат Иоганн Шильтбергер под командой венгерского короля Сигизмунда Люксембургского (1387-1437), впоследствии, в 1410 г., ставшего императором Священной Римской империи, участвовал в 1396 г. в крестовом походе, организованном римским папой Бонифацием IX. В битве под Никополем 25 сентября 1396 г. турецкий султан Баязид Ильдырым (1389-1402 гг. — А. К.) наголову разбил христианское войско, и Иоганн попал в плен.

За время 30-летнего пребывания в плену Иоганн посетил много стран, увидел множество народов и оставил нам описание некоторых из них. Он побывал в Болгарии, Молдавии, Венгрии, на Украине, в Турции, Византии, Египте, Палестине, Иордании, Иране, Средней Азии, Хорасане, Северном Кавказе, Грузии, Азербайджане, Крыму, Волге и Сибири.

Его мемуары, написанные после возвращения домой, изобилуют фантастическими описаниями и вряд ли могут служить надежным источником для раскрытия политической истории в описываемое им время. С другой стороны, написанная им книга дает интересный, а порой и уникальный материал по истории и этнографии народов Азии и Европы, в частности, некоторых народов нашей области.

За основу для этой статьи мы берем издание, подготовленное академиком З. М. Буниятовым³.

Описывая свои странствия, И. Шильтбергер, в частности, пишет следующее: «...Затем прошли мы через область, именуемую Шабран (средневековый город, находившийся близ Каспийского моря в районе Дивичей — А. К.) и через другую, называемую по-татарски Темир-Ка-

пи, что по-нашему означает Железные ворота (Дербент — А. К.). Они отделяют Персию от Татарии. Затем мы прошли через город Оригенс (предположительно в устье реки Терек — А. К.)*, который весьма обширен и лежит посреди большой реки Эдил. Далее — через гористую страну Джулад, населенную большим числом христиан, которые имеют там епископство. Их священники принадлежат к ордену кармелитов, которые не знают латыни, но молятся и поют по-татарски (выделено мною — А. К.) для того, чтобы их прихожане были более тверды в своей вере. Причем многие язычники принимают крещение, так как они понимают то, что читают и поют священники»⁴ (выделено мною — А. К.).

Эту часть путешествия И. Шильтбергер совершил, сопровождая золотоордынского принца Чакуру (1414-? — А. К.) из рода Уруса, сына Орды, поэтому датировка пребывания его в аланском городе Джуладе осложнена, но в любом случае это было после 1408 г. До этого года И. Шильтбергер находился на службе у Абу-Бакра, внука Тамерлана.

Вышеприведенный отрывок интересен нам тем, что в нем говорится о языковой принадлежности, по крайней мере, части жителей аланского города Джулада: «...многие язычники принимают святое крещение, так как они...», т. е. они понимают священников-кармелитов, которые молятся по-татарски (т. е. по-тюркски — А. К.). Эти сведения, оставленные нам автором книги, убедительно подтверждают факт тюркизации части алан, которая началась, по нашему мнению, со времен нашествия гуннов в IV в.

Хотелось бы сразу подчеркнуть, что автор книги не путает языки и прекрасно разбирается в них. К примеру, он пишет: «Есть еще одна страна Джагатай (в эпоху Тимуридов так называлась Средняя Азия — А. К.), где главный город Самарканд весьма большой и многолюдный. Жители здесь весьма храбры. Они говорят на особенном языке, наполовину турецком, наполовину персидском»⁵. Всегда, когда автору нужно уточнить язык народа, он делает специальную оговорку: «Есть также город, именуемый Магу, расположенный на горе. В этом городе есть епископ, а жители его католики. Их священники — доминиканцы, которые обедню служат на армянском языке»⁶. И еще: «В городе (Багдаде — А. К.) в употреблении два наречия — арабское и персидское»⁷.

Помимо этого, он приводит самые разные этнонимы и их эквиваленты на турецком языке. Например, он пишет о том, что турки называют греков — урум, русских — урус, болгар — булгар, венедов — арнаут, валахов — ифлак, ясов — ас, готов — тат, зихов — черкес и т. д.⁸

Здесь же уместно будет сказать о том, что И. Шильтбергер называет Джулад главным городом страны Бештамак. «... Затем страна Бешта-

* О локализации Оригенса (вар. Оркача) есть и другие мнения.

мак (прим. 199, имеется в виду Пятигорье — А. К.), весьма гористая с главным городом Джулад⁹. То есть автор книги очерчивает примерные границы исторической Западной Алании.*

Сообщение И. Шильтбергера о Джуладе — это одно звено в длинной цепи сведений о частичной тюркоязычности алан и асов. Часть фактов, свидетельствующих об этом, уже опубликованы¹⁰. Особо хотелось бы отметить новую книгу кандидата исторических наук И. Мизиева «История рядом» (Нальчик, 1990 г.), в которой автор самым тщательным образом рассматривает вопрос о языковой принадлежности части скифов, алан и асов.

Со своей стороны хотелось бы привести несколько фактов, косвенно подтверждающих тюркоязычность асов. В исландском средневековом эпосе «Старшая Эдда» говорится о том, что их боги, в том числе и верховное божество Один, родом из асов. «Князь асов — Один», — сообщает нам «Эдда»¹¹.

Факт этот сам по себе незначителен, но интересно то, что среди имен асов, бытовых терминов и антропонимов встречаются тюркские слова. К примеру, кличка одной из лошадей Одина Синир в тексте переводится как «Жилистый»¹². Нам кажется, что оно вполне сопоставимо с карачаево-балкарским синъир — «жилистый»¹³.

Сюда же можно включить название котла Эльдхримнир, в котором варят мифологического вепря (это название происходит от слова «hriþ» — сажа¹⁴, которое с некоторой натяжкой можно сопоставить с карачаево-балкарским къурум — «сажа»^{15**}).

Помимо этого в тексте приводится имя великанши Ерд — матери бога Тора, которое переводится как «земля». Ее имя, нам кажется, можно сопоставить с общетюркским «ер» — «земля» и карачаево-балкарским «джер» — «земля»¹⁶.

Вышеприведенные примеры из исландского эпоса, как нам кажется, могут служить исходным пунктом для изучения параллелей из скандинавского эпоса и тюркского мира. Хотя, справедливости ради, надо сказать о том, что еще в прошлом веке этот вопрос довольно-таки основательно рассмотрел Г. Н. Потанин¹⁷. Он же впервые в этой книге провел параллель между карачаевской легендой о принцессе Аллемели и италийской легендой о рождении Аттилы.

В своей книге И. Шильтбергер оставил нам интересные описания обычаев и обрядов разных народов, в том числе свадебный обряд (асов — А. К.), которые приняли активное участие в этногенезе балкарцев. Вот что он пишет в главе 58 «О том, как ясы празднуют свадьбу»: «У

* Джулад — Джулат (Северная Осетия) находится уже в пределах не Западной, а Восточной Алании (ред).

** Сопоставление довольно натянутое (ред).

грузин и ясов есть обычай, по которому перед выдачей замуж родители жениха условливаются с матерью невесты о том, что последняя должна быть чистая дева, чтобы в противном случае брак считался несостоявшимся. Итак, в назначенный для брака день невесту приводят с песнями к постели и кладут на нее. Затем приближается жених с молодыми людьми, держа в руках обнаженный меч, которым он ударяет по постели. Затем он вместе с товарищами садится перед постелью и пирует, поет и пляшет. По окончании пира они раздевают жениха до рубахи и удаляются, оставляя новобрачных в комнате наедине, а за дверями появляется брат или кто-нибудь из ближайших родственников жениха, чтобы сторожить с обнаженным мечом. Если окажется, что невеста уже не девица, то жених извещает об этом свою мать, которая приближается к постели с несколькими подругами для осмотра простыни. Если на простыне не встречаются они искомых ими знаков, то печалются. А когда утром являются родственники невесты для праздника, мать жениха уже держит в руке сосуд, полный вина, но с отверстием на дне, который она заткнула пальцем. Она подносит сосуд матери невесты и убирает палец, когда последняя хочет выпить, и вино выливается. «Такой точно была твоя дочь!» — говорит она. Для родителей невесты это большой срам, и они должны взять свою дочь обратно, так как условливались выдать чистую деву, но дочь их таковой не оказалась. Тогда священники и другие почетные лица заступаются и убеждают родителей жениха спросить своего сына — хочет ли он, чтобы она осталась его женой. Если он соглашается, то уже священники и другие лица приводят ее к нему снова. В противном случае их разводят, и он возвращает жене приданое, подобно тому, как и она должна возратить платья и другие подаренные ей вещи, после чего стороны могут вступить в новый брак¹⁸».

Думается, что эти сведения представляют определенный интерес для этнографов, занимающихся свадебными обрядами горцев Северного Кавказа.

Не меньший интерес представляют сведения И. Шильдбергера по этнографии адыгов. «Там же страна (земля) черкесов, также на побережье Черного моря, населенная христианами, исповедующими греческую веру... Они также занимаются разбоем и говорят на особенном языке. У них есть обычай класть убитых молнией в гроб, который потом вешают на высокое дерево. После этого приходят соседи, которые приносят с собой еду и напитки и начинают плясать и веселиться, режут баранов и быков и раздают большую часть мяса бедным. Это они делают в течение трех дней и повторяют то же самое каждый год, пока трупы совсем не истлеют, воображая, что человек, пораженный молнией, должен быть святым»¹⁹.

И. Шильтбергер в своей книге ничего не говорит о том, что черкесы таким образом хоронят людей, пораженных молнией, и поэтому нам кажется, что последнее предложение свидетельствует о том, что святым считали того, в чей труп попадала молния.

Этот обычай можно сопоставить с адыгской ритуальной традицией, о которой говорит в своей книге А. Т. Шортанов. Он пишет: «Вознесение адыгами трупов на деревья и сооружение столба Псатхи (бог души в адыгской мифологии — А. К.) символизировало приближение его души к верховному божеству, местонахождением которого всегда считалось небо»²⁰. На этой же странице А. Т. Шортанов ссылается на Эвлия Челеби, который якобы описал подобный обычай у адыгов в XVII в., но у Э. Челеби на указанной Шортановым странице вообще нет приводимой им фразы и речь идет не об адыгах, а, судя по примечанию 45, о горских евреях²¹. Следовательно, если сообщение Э. Челеби верно, то подобный обычай бытовал не только у адыгов, но и других народов Северного Кавказа. О том, что такой обычай существовал у кавказских народов еще в древности, писал автор III в. до н. э. Аполлоний Родосский: «Покинув корабль, они увидели много деревьев с тонкими листьями и с мертвыми телами, привязанными к их верхушкам веревками. До настоящего времени колхи кремацию тел умерших считают тяжким грехом. Они не сжигают покойников и не устанавливают мемориальных памятников на могилах. Они заворачивают тела в сырую кожу и подвешивают их на деревьях вдали от города»²².

Таким образом, благодаря наблюдательности И. Шильтбергера, можно проследить обряд захоронения, бытовавший у народов Кавказа с древнейших времен по крайней мере до XVII в.

Правда, нельзя утверждать, что этот обычай чисто кавказский, ведь почти полностью в таком или подобном виде он зафиксирован у некоторых народов древности и Сибири, но это уже тема специального исследования.

В книге имеется еще одно сообщение о черкесах. «После пятилетнего пребывания в этом городе (Каффе — А. К.) Маншук (господин Шильтбергера — А. К.) переправился через рукав Черного моря и прибыл в землю черкесов. Он оставался там шесть месяцев, потому что татарский король (вероятно, Кучук-Мухаммад, который убил Маншука в 1440 г. — А. К.), узнав о его пребывании там, велел объявить тамошнему владельцу, что он-де был бы весьма доволен, если бы владелец не позволял Маншуку оставаться в своей земле. Тогда Маншук перебрался в Мингрелию»²³.

Определить точно дату пребывания Маншука у черкесов довольно-таки сложно. Мы можем говорить лишь о периоде между 1419 г., когда Шильтбергер состоял на службе у Чакры, и 1440 г., в котором был убит Маншук.

Имеются также в книге И. Шильтбергера сообщения о предках ногайцев и их участии в политических делах описываемого времени. Сведения эти не вошли в монографию «Ногайцы»²⁴, поэтому постараемся восполнить этот пробел.

Описывая свои скитания в свите принца Чакры, И. Шильтбергер пишет: «Отсюда королевский сын (Чакра — А. К.) перешел в Великую Татарию, к вельможе, которого звали Едигей и который послал ему предложение возвратиться для занятия там престола. Едигей готовился тогда к походу в страну, называемую Сибирь».

Должен заметить, что в Великой Татарии есть сановник, который назначает и низвергает королей, которые все от него зависят. Тогда эту высокую должность занимал Едигей.

Татарские владетели имеют также привычку кочевать зимой и летом с женами и детьми и своими стадами. Там, где останавливается король, должны быть построены 100 тысяч юрт.

Вышеупомянутый королевский сын Чакра провожал Едигея в Сибирь. Они двигались два месяца, пока не прибыли в эту страну, где есть горы, простирающиеся на 32 дня ходьбы...»²⁵.

«После покорения Сибири Едигей и Чакра вступили в Булгарию (Волжская — А. К.), которая ими также была завоевана»²⁶.

Здесь же И. Шильтбергер приводит интереснейший факт о тюркских амазонках. «В бытность мою у Чакры перед ним и Едигеем предстала одна татарская дама по имени Садур-мелик, со свитой, состоящей из 4 тысяч девиц. Эта знатная дама, желая отомстить одному татарскому королю за то, что он убил ее мужа, просила Едигея, чтобы он помог ей изгнать этого короля. Необходимо знать, что эта дама, равно как и провожавшие ее женщины, ездила верхом и управлялась в стрельбе из лука не хуже мужчины и что она, готовясь к битве, привязывала к каждой стороне (лошади или седла) по мечу и луку».

Когда двоюродный брат короля, убившего ее мужа, будучи взят в плен в сражении с Чакрой, был отведен к ней, она приказала ему стать на колени, обнажила меч и одним ударом отсекала ему голову, говоря: «Теперь я отомстила!». Это случилось в моем присутствии, и я говорю здесь об этом как очевидец»²⁷.

Это сообщение И. Шильтбергера вполне сопоставимо со сведениями об амазонках авторов других эпох. Например, Фредерик Дюбуа де Монпере (1798-1850 гг.), ссылаясь на Рейнегтса и Потоцкого, пишет: «В те времена, когда наши предки, рассказывают кабардинцы, жили на берегах Черного моря, они часто воевали против эммечей (тюркское)²⁸, народа женщин, который занимал горный район между Черкесией и Сванетией вплоть до нынешней маленькой территории Кабарды. Они совсем не желали иметь среди себя мужчин, но принимали любую смелую женщину, которая хотела принимать уча-

стие в их походах и войти в их сообщество. После длительной, с переменным успехом войны две армии вновь встретились, чтобы начать битву, как вдруг командующая эммечей, которая обладала даром прорицания, потребовала секретной встречи с главой черкесов Тхульмом, обладавшим тем же даром. В поле между двумя армиями поставили шатер; прорицатель и прорицательница встретились там; несколько часов спустя прорицательница вышла из шатра и объявила своим соратницам, что она была побеждена, что хочет взять Тхульма себе в супруги и что, прекращая вражду, она советует поступить таким же образом и выбрать каждой себе по мужу во вражеском стане. Так и было сделано, и черкесы, наши предки, радостные возвратились в свои жилища с новыми подругами»²⁹.

Немалый интерес представляет сообщение Я. Потоцкого, на которое ссылается Ф. Д. де Монпере. «7 апреля... Я просил господина Лобата разузнать относительно предания о скифском короле Тульме и амазонках Эмеч (Emetch). Его розыски долгое время были столь же безрезультатны, как и усилия с моей стороны. Наконец он разыскал старика, который рассказал всю эту историю в том виде, как ее передает Рейнегс. Что очень ценно, что он говорил, что Тульм был ногайским вождем»³⁰.

Наиболее интересные и подробные сведения об амазонках XVII в. оставил нам Арканджело Ламберти, доминиканский патер из итальянского города Аверза, состоявший миссионером Конгрегации театинцев в Мингрелии предположительно с 1635 по 1653 г. Его сведения отличаются большой достоверностью, да и сам он писал: «Могу обещать, что в моем рассказе читатель найдет только верные факты, беспристрастно описанные». Так вот, он писал: «... когда я жил в Колхиде, пришло к владетелю известие, что какие-то народы в большом числе выступили из своей родной страны и образовали три войска; самое большое войско пошло на Московское царство, а другие направились на Кавказ, чтобы напасть на сванов и карачаевцев. Но со всех этих мест они были отброшены назад с большим уроном, и когда тамошние жители разделили убитых, то в числе их нашли много женщин. В подтверждение этого дадиану (Леван II — А. К.) как раз принесли оттуда несколько штук оружия, которое носили эти женщины. Оно доставило владетелю весьма большое удовольствие, и у него возбудило сильное желание, чтобы хоть одна из этих женщин живою попала в его руки. Поэтому владетель обещал большие подарки сванам и карачаевцам, если в случае вторичного нападения одну из них поймут и живой приведут к нему; уж очень сильно он желал увидеть, как эта женщина сражается с его подданными. Оружие, которое принесли владетелю, было очень красивое и сделано с изысканным изяществом женских рук. Каска была почти такая, какую носят наши кавалеристы; латы на

грудь, на спине и на руках состоят из тонких и плоских железных кусков наподобие чешуйчатого панциря, который легко можно надеть. К панцирю внизу приделано что-то вроде юбки, которая достигает до колен; она шерстяная, наподобие нашей саржи, но такая ярко-красная, что похожа на самую тонкую порфиру. Обувь была удивительна по виду и по крою; верхняя часть всецело была покрыта крохотными кусками белой меди, величиною не больше булавочной головки. Пуговицы эти с внутренней стороны имеют отверстия и нанизаны на тонкие, но крепкие тесемки из козьей шерсти, которые внутри удивительно красивы и с большим мастерством переплетены между собою. Стрелы у них очень длинны, почти в четыре пяди в длину, и позолочены с начала до конца; они из лучшей стали, но не заострены, как обыкновенная стрела, а плоски и отточены, как скальпель; ширина кончика иной раз равняется ширине пальца; другой раз еще больше, в три или четыре пальца. Вот все, что в этой стране я видел и слышал про этих воинственных женщин, которые, как мне передавали, обыкновенно воюют с татарами, называемыми калмуками»³¹.

Что касается сведений Ф. Д. де Монпере и Я. Потоцкого, то вряд ли возможно датировать описанные в них события. Иное дело сообщение А. Ламберти, которое можно довольно-таки точно датировать промежутками между 1635 и 1653 гг. Амазонки, о которых он упоминает, существенно отличаются от классических, которые не смешивались с мужчинами. Эти же воюют в составе обычного войска.

Известно, что у тюрков женщины часто воевали рядом с мужчинами. Такие же сведения зафиксированы в карачаево-балкарском нартском эпосе.

В XVII в. на Северном Кавказе реальной силой, способной послать войска сразу в трех направлениях — Московия, Сванетия и Карачай, — были ногайцы или крымские татары. Но крымские татары, которые вели в основном оседлый образ жизни, навряд ли брали женщин в походы, а ногайцы-кочевники вполне могли включить в войско женщин. Косвенным подтверждением того, что речь идет о ногайцах, служит сообщение Ламберти о том, что этот народ «обыкновенно» воюет с калмыками. Известно, что в XVII в. ногайцы вели с ними частые войны.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что книга И. Шильтбергера является ценным источником в изучении истории и этнографии некоторых народов нашей области.

¹ Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1867, т. 1, вып. 1-2.

² Успенский Ф. И. «Ф. К. Брун». Одесса, 1880. — С. 1-49.

³ Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. «Элм», Баку, 1984.

- 4 Шильтбергер И. Указ. раб., с. 33.
 5 Шильтбергер И. Указ. раб., с. 43.
 6 Шильтбергер И. Указ. раб., с. 41.
 7 Шильтбергер И. Указ. раб., с. 43.
 8 Шильтбергер И. Указ. раб., с. 65.
 9 Шильтбергер И. Указ. раб., с. 44.
 10 Кубанов А. К вопросу об этническом составе населения Западной Ала-
 нии // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987.
 11 «Беовульф, Старшая Эдда, Песнь о Нибелунгах». М., 1975. С. 667.
 12 «Беовульф...», с. 675.29.
 13 Къарачай-малкъар орус сёзлюк. М., 1989. С. 561.
 14 «Къарачай-малкъар...», с. 426.
 15 «Къарачай-малкъар...», с. 212.
 16 «Къарачай-малкъар...», с. 242.
 17 Потанин Г. Н. «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе». М.,
 1899.
 18 Шильтбергер И. Указ. раб., с. 66.
 19 Шильтбергер И. Указ. раб., с. 45.
 20 Шортанов А. Т. Адыгская мифология. Нальчик, 1982 г., с. 55.
 21 Челеби Э. Книга путешествий. Вып. 2. М., 1979 г., с. 227.
 22 Родосели А. Аргонавтика. Тбилиси, 1975, с. 122, 200-209.
 23 Шильтбергер И. Указ. раб., с. 67.
 24 Ногайцы. Черкесск, 1988.
 25 Шильтбергер И. Указ. раб., с. 34.
 26 Шильтбергер И. Указ. раб., с. 35.
 27 Шильтбергер И. Указ. раб., с. 36.
 28 Хубиев М. «Амазонкала эмда Кавказны легендалары» // «Ленинни байрагы». Черкесск. 14. 03. 85 г.
 29 Монпере Ф. де. Путешествие по Кавказу к черкесам и абазинам, в Колхиду, Грузию, Армению и в Крым. Т. 1. Париж, 1839, гл. «Амазонки» // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974.
 30 Потоцкий Я. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи. Т. 1, Париж, 1829, гл. XI // Адыги, балкарцы и карачаевцы.
 31 Ламберти А. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией, в котором говорится о происхождении, обычаях и природе этих стран // СМОМПК. Вып. 43. Тифлис, 1913.

Владимир ФОМЕНКО

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПЯТИГОРЬЯ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ НОГАЙЦЕВ ПРЕДКАВКАЗЬЯ

Настоящая статья посвящена вопросам культурно-этнической интерпретации археологических памятников Пятигорья XI—XIV вв. в связи с проблемой этногенеза ногайского народа.

В кавказоведческой литературе известны работы, затрагивающие избранную нами тему¹. Однако вопросы происхождения ногайского этноса и его связей с половецкими древностями, по мнению исследователей, вряд ли сегодня можно назвать решенными².

К настоящему времени нам известны следующие археологические свидетельства пребывания половцев в изучаемом районе:

1. В окрестностях Пятигорска и Кисловодска выявлены подкурганые половецкие погребения (могильники у пос. Константиновка³ и Нежинский⁴).

2. До 1950 года в Пятигорском краеведческом музее хранилась коллекция каменных изваяний, в том числе и половецких. В наши дни в музее сохранились лишь два скульптурных изображения половцев, одно из которых вывезено из г. Ессентуки⁵.

3. В погребениях XI—XII вв. аланского населения Пятигорья прослежены отчетливые следы половецкого влияния на погребальный обряд, что, возможно, свидетельствует о процессе тюркизации, проходившем в аланской среде (могильники Рим-гора и Кольцо-гора в окрестностях Кисловодска⁶). Наиболее вероятной причиной такого явления, очевидно, следует считать совместное участие алан и половцев в военных походах, о чем упоминается в грузинских летописных источниках⁷. Не менее показательны антропологические определения черепов из могильников крупных городских центров Алании XI—XII вв. Краниологические исследования, проведенные А. В. Шевченко, показывают, что уже в предмонгольскую эпоху некоторые группы аланского населения включали в себя значительный половецкий компонент (Змейский могильник в Северной Осетии⁸ и некрополь Нижне-Архызского городища в Верхнем Прикубанье⁹).

Известны в Пятигорье и памятники золотоордынской эпохи. Изучены три группы мавзолеев в районе г. Ессентуки. Всего в этом районе были обнаружены восемь усыпальниц XIV века. В сооружениях прослеживается влияние традиций не только среднеазиатской культовой архитектуры, но и азербайджанской и нижеволжской (городище Сарай-Берке)¹⁰. Из средневековых письменных источников известно, что в 1334 году арабский путешественник Ибн Батута посетил летнюю ставку Узбек-хана в местности Бешдаг (Пятигорье), где была совершена соборная молитва в мечети¹¹. Таким образом, анализ летописных данных позволил исследователям предположить наличие в Пятигорье в XIV веке летней ставки золотоордынских ханов¹².

В архиве археолога-краеведа А. П. Рунича сохранилась статья, в которой он связывает наличие разномасштабных следов пожарищ на некоторых раннесредневековых поселениях в бассейне р. Подкумок с чингизидским вторжением 1238—1239 годов¹³.

В последние годы появились новые материалы золотоордынского времени из исследуемого нами района. У подножия горы Бештау были обнаружены выходы культурного слоя ордынской эпохи и часть погребального инвентаря из захоронения этого же времени¹⁴. В окрестностях г. Железноводска на горе Развалка краеведами был

собран материал из жилых построек, очевидно, заброшенных во время вражеского набега, говорящий о существовании здесь поселения золотоордынского времени (красноглиняные тарные сосуды; железный замок, имеющий аналогии в древностях Киевской Руси; костяная дисковидная подвеска с прорезным орнаментом, типичная для позднекочевнических погребальных инвентарей)¹⁵. Керамика, аналогичная найденной в постройках Развальского городища, собрана нами на территории Рим-горского селища¹⁶.

Таким образом, на территории Пятигорья исследованы половецкие памятники и древности золотоордынской эпохи, которые также, возможно, следует связать с половцами.

Здесь нужно упомянуть о том, что исследователи этногенеза ногайцев справедливо пишут о формировании ногайского этноса как о сложном процессе с участием монгольских племен и тюркоязычного половецкого субстрата¹⁷. Археологические материалы Пятигорья позволяют считать вполне вероятным, что изучаемый район, в XIII веке вошедший в состав Золотой Орды, был одним из центров формирования ногайской народности, так как здесь присутствовали основные этнические группы (монголы и половцы), миксация которых и привела к образованию ногайского этноса. Сделанное предположение, основанное на данных археологии, как будто подтверждает гипотезу профессора В. Б. Виноградова и Т. С. Магомадовой о том, что именно Пятигорье является центром ранней истории тюркоязычного (протоногайского) племени борганов¹⁸.

Несомненный интерес вызывают два десятка топонимов Пятигорья тюркского происхождения. Карачаевские топонимы, локализующиеся к юго-западу от Кисловодска, нами не рассматриваются, так как их происхождение хронологически выходит за рамки настоящей статьи¹⁹.

Некоторые топографические и географические названия тюркского происхождения к нашим дням вышли из употребления и сохранились только на топографических картах XIX — начала XX веков. Итак, перечислим вышеупомянутые топонимы:

1. БАРАНКОШ — ручей, являющийся правым притоком р. Джемуха (система реки Кумы), начинается на северо-восточном склоне г. Бештау. Гидроним, очевидно, тюркского (половецкого) происхождения: «борган» — половецкий этноним, «кош» — стойбище.

2. БЕКМУРЗИН — название аула, располагавшегося в прошлом веке на р. Джемуха, на месте современного поселка Бородыновка. Возможен перевод топонима с ногайского — «бек», «мурза» — князь.

3. БЕШТАУ — название пятиглавой горы близ г. Пятигорска. Популярна версия перевода с тюркского «беш» — пять, «тау» — гора, то есть «пять гор» или «гора с пятью вершинами».

4. БОРАЛЫК — название горы Лысой, упомянутое П. С. Палласом в описании его путешествия от Георгиевска до Кисловодской крепости.

Переводится с ногайского: «боран» — ветер, буря, «-лык» — словообразовательный аффикс. Вероятно — «ветренное место».

5. **БОРГУСТАН (БОРГУСТАНСКАЯ)** — гора, средневековое городище, станица, горный хребет. Возможны два варианта перевода. Согласно первой версии, топоним Боргустан переводится с итальянского «борго» — город, «сант» — святой. Вероятно, это название связано с проникновением в район Пятигорья генуэзских купцов. Вторым вариантом предложен профессором В. Б. Виноградовым и Т. С. Магомедовой: с ногайского «борган» — этноним одного из половецких племен, «стан» — место кочевки, селение, то есть «селение борганов».

6. **БУГУНТА** — река (левый приток реки Подкумок), устье которой находится в г. Ессентуки. По мнению этнографа, кандидата исторических наук Р. Х. Керейтова, гидроним «бугунта» переводится с ногайского как узкое русло, тесная долина.

7. **ДЖУЦА (ЮЦА)** — местность, расположенная к югу и юго-западу от города Пятигорска. Название тюркоязычное (ногайское или половецкое). Перевод с тюркского «ети/джети» — семь, «су» — река, что соответствует разветвленной системе небольших речек — «Семиречье». В настоящее время название Джуща/Юца носят не только реки, но и расположенные в этой местности горы-лакколлиты и сельские населенные пункты.

8. **ЕССЕНТУКИ** — город, река, холм. Первоначально, очевидно, название урочища, местности. А. П. Руничем и Т. Б. Палимпсестовой высказано предположение о том, что топоним связан с именем собственным крупного золотоордынского феодала (Эсентуга). В книге Е. Б. Польской и Б. М. Розенфельда предлагаются еще два варианта перевода: с калмыцкого — девять знамен и с тюркского — здоровый волос, авторами книги документально не аргументированы.

9. **ИЛЬМУРЗИНО** — название аула, располагавшегося в прошлом веке на реке Куме близ современного аула Канглы. По мнению Р. Х. Керейтова, топоним переводится с ногайского: «эль» — селение, «мурза» — князь, селение князя.

10. **КАНГЛЫ** — современный ногайский аул, название которого восходит к средневековому этнониму кангюй/канглы.

11. **КАРРАС** — название колонии (современный пос. Иноземцево), основанной выходцами из Шотландии в 1802 году. Перевод этого топонима с шотландских диалектов английского языка нам неизвестен. Однако существует вариант перевода слова «Каррас» как этнонима тюркского происхождения: «кара» — черный, «ас/аш» — аланское племя, возможно, тюркского происхождения. Интересно, что в составе первых переселенцев Карраса были миссионеры Брунтон и Петерсон, распространявшие христианство среди горцев. В колонии воспитывались

выкупленные у работорговцев дети местных народов. Возможно, с колонией Каррас связано происхождение ногайской фамилии Карасовы.

12. КИРКИЛЬ — название реки (правый приток реки Кумы). На туристической карте 1969 года обозначен поселок Свободный Киркиль (современный поселок Свобода близ ст. Суворовской). Очевидно, топоним имел более широкое значение и отражал название всей местности. По мнению Р. Х. Керейтова, гидроним Киркиль переводится с ногайского: «кырык» — сорок, «эль» — селение, аул, то есть сорок аулов, и свидетельствует о плотной заселенности этой части прикумских степей ногайцами в прошлом веке.

13. КОКУРТЛЫ — гора, расположенная близ аула Канглы. У подножия горы выходит на поверхность минерализованная вода, содержащая сероводород и обладающая специфическим серным запахом, что и объясняет название горы (с ногайского «кокуртлы» — серный).

14. КОШ-СУ — название реки — правого притока реки Кумы. Переводится с тюркского: «кош» — стойбище, «су» — вода, река.

15. КУМА — река, крупнейшая водная артерия не только Пятигорья, но и всего северо-восточного Предкавказья. Существуют два варианта перевода этого гидронима. Наиболее популярна в литературе версия перевода с тюркского: от слова «кум» — песок, что связано с характером местности в низовьях реки Кумы, которая теряется в прикаспийских песках. Топоним также возможно перевести с абазинского. По мнению С. Басария, река Кума названа абазинами Гум по имени реки Гумы в Абхазии, в бассейне которой некогда обитала группа абазин Прикумья. К названию Кума восходят топонимы ПОД-КУМОК (правый приток реки Кумы) и ГУМ-БАШИ (перевал, соединяющий бассейны рек Кубань и Кума).

16. НАЙМАН БЕРЗЕНОВА — аул, существовавший на реке Джемуха к востоку от горы Змейка. Этот топоним, по мнению Р. Х. Керейтова, состоит из имен собственных ногайского происхождения.

17. НАУРЗОВ — аул, располагавшийся некогда близ современного аула Канглы. «Науруз/Навруз» — от таджикского «нав» — новый, «руз» — день — праздник Нового года по солнечному летоисчислению у персоязычных народов, который совпадает с весенним равноденствием. Праздник получил широкое распространение у многих мусульманских народов, в том числе и у ногайцев.

18. СУЛТАНОВСКИЙ — аул, располагавшийся в прошлом веке на месте современного города Мйнеральные Воды. Топоним, вероятно, связан с личностью султана Менгли-Гирея — ногайца, занимавшего значительный административный пост в первой половине XIX века.

19. СУРКУЛЬ — река, левый приток р. Кумы. Вышедшее из употребления название реки Курсавка. По мнению Р. Х. Керейтова,

гидроним «Суркуль» является искаженным производным от топонима КИРКИЛЬ.

20. СЮЕРЕШЕ — искаженное ногайское название горы Кинжал, расположенной близ а. Канглы. По сведениям Р. Х. Керейтова, название горы связано с легендой о ногайской красавице Шуюрши (в ногайской графике — Шуйирши).

Как видно из приведенного выше списка, не все топонимы тюркского происхождения могут быть безусловно названы ногайскими. Этому препятствуют особенности ногайского языка, отличающегося от других северо-кавказских языков кыпчакской группы заменой куманского (ш) на (с) и начального куманского (дж) на (й). Такое несоответствие прослеживается в словах БЕШТАУ и ДЖУЦА. Впрочем, топоним ДЖУЦА имеет и второй вариант — ЮЦА, вполне укладывающийся в рамки современного ногайского языка. Название теперешней горы Бештау также имеет варианты, упоминаемые в позднесредневековых письменных источниках: например, Бешдаг или искаженное Бестан, очевидно, соответствующее брагунскому (протоногайскому) Бестау. Нетрудно заметить, что многие вышеперечисленные топонимы заведомо ногайского происхождения, в том числе и ногайских аулов, заметно искажены иноязычным населением.

Необходимо сказать также, что для района наблюдается устойчивая закономерность в совпадении локализации известных нам топонимов тюркского происхождения и археологических памятников предмонгольского и золотоордынского времени в определенных довольно компактных районах: Боргустанский хребет и его подножие (БОРГУСТАН) — городище Рим-гора, курганы у пос. Нежинского, могильник Кольцо-гора; город Ессентуки и его окрестности (р. Бугунта, р. Ессентучок) — мавзолей XIV века и половецкие каменные изваяния; гора Бештау и ее подножие (р. Баранкош, кол. Каррас) — поселение на р. Гремучка и Развальское городище ордынского времени (см. прилагаемую к статье карту). Наиболее многочисленная группа топонимов ногайского происхождения локализуется вокруг а. Канглы, население которого говорит на ногайском языке. Пока малочисленны памятники XI-XIV веков в местности Джуца/Юца (мавзолей у ст. Скачки, погребения у кол. Константиновской), однако это, скорее, связано с недостаточной изученностью этого района.

В заключение отметим, что, безусловно, история ногайского народа представляет чрезвычайно большой интерес, нуждается в дальнейшей разработке и привлечении новых археологических источников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например, Виноградов В. Б. Мавзолей Борга-каш и ранняя история ногайцев // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск. 1980, с. 6-13.

- ² Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, М., 1971, с. 199.
- ³ Алексеева Е. П. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа, М., 1993, с. 35.
- ⁴ Корневский С. Н. Работы Предгорного отряда//Археологические открытия 1982 года. М., 1984.
- ⁵ Алексеев А. Воинствующие невежды//Пятигорская правда. № 69/3343. Пятигорск, 1950, с. 2; Алексеева Е. П. Карачаевцы и балкарцы..., с. 33.
- ⁶ Савенко С. Н. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI — перв. половины XII вв. могильника Кольцо-гора//Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе. 1986, с. 81.
- ⁷ Алексеева Е. П. Карачаевцы и балкарцы..., с. 28, 29, 37.
- ⁸ Шевченко А. В. Краниологии Предкавказской Алании X-XII вв.//Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе. 1986, с. 105.
- ⁹ Там же, с. 104.
- ¹⁰ Рунич А. П., Палимпсестова Т. Б. О эссендукских мавзолеях и ставке Узбек-хана//Советская археология, № 2, 1974, с. 229-238.
- ¹¹ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб, 1884, с. 301.
- ¹² Рунич А. П., Палимпсестова Т. Б. Указ. соч. с. 229.
- ¹³ Нарожный Е. И. А. П. Рунич и его вклад в изучение золотоордынских древностей Пятигорья//Археология и краеведение Кавминвод. Кисловодск, 1992, с. 48-49.
- ¹⁴ Сборь автора. Материал не опубликован.
- ¹⁵ В отчете Березина Я. Б., осмотревшего в 1981 году Развальское городище (архив Института Археологии РАН № 8710), памятник датирован концом I — началом II тыс. н. э.; в 1992 году городище и собранные краеведами находки осмотрел доктор исторических наук В. А. Кузнецов, по мнению которого, Развальское городище было обитаемо в золотоордынское время. Пользуясь случаем, выражаем нашу признательность В. А. Кузнецову за консультацию.
- ¹⁶ Сборь автора. Материал не опубликован.
- ¹⁷ Керейтов Р. Х. Некоторые вопросы этногенеза ногайцев//Археология и краеведение — ВУЗу и школе. Грозный. 1981, с. 39-40.
- ¹⁸ Виноградов В. Б. Указ. соч., с. 10.
- ¹⁹ Текеев К. М. Новые селения Карачая и Балкарии во второй половине XIX — начале XX века.

Половецкий калейдоскоп

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

По решению Кембриджского международного центра Женщиной 1993 года стала профессор, доктор исторических наук Валентина Павловна Невская, преподающая в Ставропольском пединституте, ранее жившая и работавшая у нас в г. Черкесске. Из десятков тысяч претенденток Валентина Павловна получила право называться Женщиной года. Ее имя будет занесено на страницы ежегодника «Кто есть кто?», издаваемого международным биографическим центром.

Нам вдвойне приятно за успех нашей землячки, недавно в адрес журнала, на имя члена редколлегии, кандидата исторических наук Р. Х. Керейтова мы получили открытку от Валентины Павловны.

«Дорогой Рамазан!

Большое спасибо Вам за интересный журнал. Прочитала с удовольствием не только Вашу, но и остальные статьи и

рассказы. Ваша статья мне особенно понравилась, спасибо за нее. Желаю Вам дальнейших успехов в науке и в жизненных делах, благополучия и счастья...»

В январе этого года в Черкесске в актовом зале училища искусств прошла презентация газеты «Карачаево-балкарский мир», издаваемой в г. Нальчике. Учредитель и главный редактор газеты — З. А. Батчаев. Газета выходит два раза в месяц. Издание поднимает острые проблемы двух братских народов, подробно освещает новости культуры, литературы и искусства. В этой рубрике мы перепечатаваем несколько материалов из газеты.

Новые имена в науке

Энвер Сеит-Умарович Токаев, 37 лет, карачаевец, возглавляет отдел прикладной биологии Академии наук (Сублимационная сушка продуктов специального назначения). Защитил диссертацию по теме «Создание эффективных технологических продуктов лечебного и профилактического питания на основе сырья животного происхождения».

Доктор технических наук, живет и работает в Москве.

Исмаил Абуевич Хапчаев, карачаевец, работает в Пятигорском филиале Ставропольского политехнического института.

В Ростове-на-Дону при госуниверситете защитил диссертацию на ученую степень доктора философских наук по теме «Принцип детерминизма и психофизиологическая проблема».

С. АЗАМАТОВ, г. Черкесск
(газета «Карачаево-Балкарский мир», № 1, январь 1994 г.).

Фото К-М. Чанкаева. Строящаяся мечеть в а. Учкеекен.

26-27 декабря в г. Элисте прошла Российская научно-практическая конференция, посвященная теме: «Репрессированные народы: упразднение их государственности и проблемы реабилитации». Конференция была организована Советом Министров Калмыкии и Калмыцким Государственным университетом. В работе конференции приняли участие ученые и представители репрессированных народов из Астрахани, Волжского, Волгограда, Майкопа, Махачкалы, Москвы, Нальчика, Ростова-на-Дону, Карачаевска, Элисты, Грозного, Назрани.

На пленарном заседании с докладами выступили Бугай Н. Ф. — д. и. н., г. Москва: «Репрессивный характер национальной политики в бывшем СССР: Уроки истории», Койчуев А. Д. — к. и. н., ректор Карачаево-Черкесского университета: «Упразднение национальной государственности карачаевцев и его последствия», Максимов К. Н. — д. и. н., г. Элиста: «Развитие калмыцкой государственности и проблемы ее реформирования на современном этапе», Убушаев В. Б. — д. и. н., г. Элиста: «О последствиях выселения калмыцкого народа», Алиева С. У. — г. Москва: «Депортация народов и ее последствия для многонационального общежития Рос-

сийской Федерации», Намсинов И. Е. — к. и. н., г. Элиста: «Депортация калмыцкого народа — трагедия ветеранов войны и труда», Борликов Г. М. — профессор, г. Элиста: «О подготовке высококвалифицированных кадров специалистов для народного хозяйства на этапе национального возрождения Калмыкии».

Работа конференции проходила по следующим секциям:

1) «Ликвидация национальной государственности российских народов и ее последствия»,

2) «Расселение, трудовое и бытовое устройство депортируемых народов»,

3) «Проблемы развития репрессированных народов на современном этапе».

Тезисы материалов конференции уже опубликованы. В тезисах выступлений: Асхакова С. И. — к. ф. н., Карачаевск, «Политика реабилитации карачаевского народа», Урусова К. С-Б. — «Социально-демографические последствия депортации карачаевцев», Тебуева Р. С. «К вопросу о причинах депортации карачаевцев», Каракетовой И. М. — «О репрессированных карачаевцах — участниках Великой Отечественной войны», Боташевой З. Б. — «Упразднение национальной государственности карачаевцев и его последствия в развитии культуры и искусства», Боташева Р. Х. — «Проблемы развития культуры и искусства карачаевцев на современном этапе», Узденовой С. Б. — «Образование карачаевских детей: прошлое и будущее» — отмечены различные аспекты жизни трагических лет карачаевского народа, а также подчеркиваются вопросы развития культуры, искусства и образования карачаевского народа на современном этапе. Выступление Белоозерова С. А. «Малый этнос в многонациональном государстве демократического типа» посвящено некоторым вопросам реабилитации казачества.

Привлекли внимание тезисы выступления Р. Х. Керейтова «Некоторые проблемы ногайского народа на современном этапе». Он вначале сделал экскурс в историю ногайцев, сказал о фактах, которые привели к грани исчезновения народа. Свое внимание автор акцентировал на том, что единое ногайское население, которое компактно расселено в аулах Ногайской степи, было разделено между тремя государственными образованиями — Дагестаном, Чечено-Ингушетией, Ставропольским краем, что пагубным образом отразилось на развитии 80-тысячного ногайского народа. Приведена очень точная цитата из ж. «Новое время» Вадима Тютюника: «Ногайцев не депортировали, их миновала чаша сия. Но безучастные администраторы так кроили карту, что доля ногайцев едва ли предпочтительнее». Исходя из сложившейся ситуации Р. Х. Керейтов предложил создать единый национально-культурный центр ногайцев с государственным аппаратом в одном из мест их компактного расселения. Думается, что такое предложение вполне приемлемо.

З. ЗИНЕЕВА,
научный сотрудник Карачаево-Черкесского ИГИ.

«Новые имена — 93»

В Карачаево-Черкесии завершился первый республиканский конкурс «Новые имена — 93». В нем приняли участие талантливые юные музыканты, вокалисты, художники, танцоры, тецы, поэты.

Не многим из них удалось получить самые высшие оценки жюри. В числе этих немногих вокалистка из Адыге-Хабльского района, в недавнем прошлом — выпускница Черкесского училища культуры и искусств Рита Дохшорова. За обе исполненные ею на родном, ногайском, языке песни все члены жюри единодушно поставили ей наивысшую оценку конкурса — «5».

Кроме нее, так высоко было оценено исполнение еще одного вокалиста — Алибека Тамбиева из Учкеевна.

Не будет преувеличением сказать, что настоящим открытием конкурса явилось также выступление Натальи Алейниковой из Черкесска, обладающей великолепно-

ным голосом и явно тяготеющей к классике. Не в обиду будь сказано остальным конкурсантам, занявшим более высокие места, но Наталья явно обладает несопоставимым с данными других конкурсантов (кроме разве что названных выше) талантом.

Среди хореографов выделялись совсем юные Диана Хагова и Азамат Евгамуков из Черкесска, уже «остепененные» Лена Фенева и Вася Долгих, а также Инга Колесникова из Прикубанского района.

Не вызывает сомнений поэтическое мастерство Анны Крымской, художественный талант Тамерлана Канглиева, композиторские способности Патии Узденовой из Малокарачаевского района, как всегда великолепной игрой на скрипке пленила Маша Ашхунова...

Не вижу смысла продолжать перечень всех дипломантов и лауреатов конкурса, поскольку их было очень много. Те же, что названы выше, более всего привлекли мое внимание как зрителя.

Конкурс показал, что талантов у нас в республике немало, причем очень много не только способных молодых людей, но и весьма и весьма одаренных детей, и даже дошкольников.

И за то, что мы смогли зажечь на сцене наши «маленькие звездочки», спасибо организаторам конкурса — республиканскому Фонду культуры и Союзу молодежи. Спонсоры конкурса — комитет по делам молодежи Совета Министров КЧР и управление народного образования республики.

Впереди, как сказала, выступая на заключительном концерте, председатель жюри Рита Узденова, — конкурс «Новые имена — 95».

С. ЗАЙЦЕВА,

корреспондент газеты «День республики».

Фото К.-М. Чанкаева. Сцена из балета.

Жив Карча!

Одним из главных событий в культурной жизни Карачаево-Черкесии в минувшем году можно по праву считать постановку балета «Айтуган — дочь Карчи», осуществленную накануне трагического юбилея — пятидесятилетия депортации карачаевского народа.

Авторы балета, композитор М. Кочкаров и журналист М. Шаманова (либретто), сумели языком жеста, пластики, музыки донести правду о своем народе, его трагической судьбе, а также о его несгибаемой воле, которая помогла ему выжить, стать сильным и ... создать собственный балет. Народ жив, пока жива его историческая память, живы искусство, культура.

Постановку балета осуществила молодая труппа из Краснодара под руководством балетмейстера Малхасянца. В творческом коллективе нет ни одного горца, тем не менее он сумел проникнуться народным духом, и зрители, присутствовавшие на премьере, дали очень высокую оценку искусству артистов из Краснодара, главным образом, выразившуюся в словах: «Это — горцы». Великолепно оформление, благодарить за которое следует нашего художника Умара Мижева, прекрасны костюмы, выше всяких похвал работа осветителей.

Премьера состоялась в Краснодаре. По словам авторов балета, они очень опасались, что тема окажется «чуждой» для русского зрителя, что их ожидает провал. Но переживания оказались напрасными. После премьеры в зале долго не смолкали аплодисменты, а на сцену летели букеты ярких кубанских цветов.

Аналогичную реакцию вызвал показ балета и в Черкесске. А затем с постановкой балета «Айтуган — дочь Карчи» познакомились и зрители «дальнего» зарубежья — труппа побывала во Франции.

И еще один нюанс: большой интерес к спектаклю проявила администрация Краснодара и Краснодарского края, сделавшие все возможное для его успешной постановки.

Оркестр играет не только классику

В Карачаево-Черкесской филармонии родился новый коллектив. В конце года состоялась его презентация, собравшая немало народу и давшая возможность публике судить о его высоких профессиональных качествах. Исполнение уже первых двух-трех произведений позволило знатокам судить о том, что коллектив подобрался очень сильный и ему можно теперь не делать скидок на молодость. Речь идет о камерном оркестре под руководством талантливого музыканта и композитора Мурата Туаршева.

Камерный оркестр, объединивший одаренных музыкантов из разных мест Карачаево-Черкесии, специализируется не только на классике, хотя, по словам Туаршева, все-таки более всего они тяготеют именно к классической музыке. В репертуаре — и фольклорные произведения в обработке самого Мурата. Так, уже готова и «обкатана» на зрителе черкесская программа, в стадии доработки — карачаевская. Привести фольклорные произведения в соответствие со спецификой камерного оркестра, отобрать именно такие мелодии, которые более всего раскрывают национальный характер, очень сложно, тем не менее в планах коллектива — сделать специальные программы музыкальных произведений всех народов, населяющих Карачаево-Черкессию.

Стати, о профессионализме коллектива и его руководителя говорит и тот факт, что ряд исполнителей уже побывали на гастролях в США, Турции (хотя мнение Мурата — рано, надо еще много работать, а не гастролить, но он отличается, как говорят, сверхтребовательностью), а самого Туаршева пригласили в Гнесинский институт (I) в Москве совершенствоваться в композиции. Многих ли приглашают в

подобные вузы? Приглашение он, естественно, принял, хотя уже имеет высшее музыкальное образование — закончил Ростовскую консерваторию. Но для того, чтобы достичь совершенства, большой музыкант всегда стремится учиться.

С. ЗАЙЦЕВА

Жена хана — Любовь Гочияева

«Любовь Гочияева... Многим зрителям республиканского драматического театра полюбилась эта красивая, грациозная актриса, талантливо воплощающая на сцене характерные, запоминающиеся роли. Красота и обаяние, если в них нет духовности, богатства внутреннего мира, интеллигентности, наконец, воспринимаются лишь как явление чисто физиологическое, а потому не задевают особо ни души, ни мысли. Но если в красивой женщине есть еще и искра божья таланта, вдохновенья, неординарности, тогда берегитесь, мужчины и ... кинорежиссеры! Именно так, потому что сейчас Гочияева снимается в кинобоевике «Ермак», который ставят кинорежиссеры В. Краснопольский и В. Усков. Зрителям знакомы их талантливые киноленты «Тени исчезают в полдень», «Вечный зов», «Ночные забавы».

В этом кинофильме Любовь Гочияева играет роль красавицы жены хана».

Газета «День республики» от 15 мая 1994 г.

Когда уже верстался этот номер журнала, из Москвы пришла телеграмма:

«Черкесск Ленина 42 драмтеатр заслуженной артистке России Гочияевой

Уважаемая Любовь Солтан-Хамитовна примите наши искренние поздравления присвоением Вам почетного звания желаем дальнейших творческих успехов удачи новых ролей радуемся вместе Вами Уважением — Ульянов»

Редакционная коллегия «Половецкой луны» с радостью присоединяется к поздравлению корифеем русского театра Михаилом Ульяновым нашей талантливой землячки.

Имел случай родиться...

Вот еще один феномен «совковой» действительности. Всем памятен состоявшийся не так давно в Черкесске блистательный бенефис народного артиста Кабардино-Балкарской Республики Руслана Гочияева, уроженца Карачаево-Черкесии. Крвно и генно он связан с этой землей.

А вы когда-нибудь задумывались о том, почему иные талантливые люди — актеры, композиторы, писатели и поэты — у нас, в бывшей автономной области, приатке Ставропольского края, годами и десятилетиями носят почетные, но чужие звания? Заслуженные, народные и проч., но только не карачаевского, не черкесского, не русского, не абазинского, не ногайского народов... Скажем, карачаевец, или черкес, или другой является заслуженным артистом, композитором, деятелем искусств Кабардино-Балкарской или Абхазской АССР.

Почему так было? Разве они не наши? Почему все эти десятилетия, чтобы удостоверить истинный талант, надо было этому таланту, жившему в Карачаево-Черкесии и служившему своему народу, называться именем другой республики?

Да потому, что он имел случай родиться в автономной области, которая не дотягивает до статуса республики. А талант, по советским понятиям, может родиться только в республике. По-советски это очень просто и ясно — не высывайся. Хотя, по здравому смыслу, — это абсурд. А таланты у нас были и, слава Богу и Аллаху, не переводятся. С созданием Карачаево-Черкесской Республики, надо надеяться, этой глупой выдумке будет положен конец. Сегодня мы рассказываем об одном из таких талантов.

Театр — двулик: одно его лицо — Актер на сцене, другое — Зритель по ту сторону рампы. Актер вдохновенно творит, его творчество — не обычная игра, не простое преобразование, он — дерзает. А зритель, доверившись ему и следуя за ним, проникает в самый смысл жизни героя, торопится вобрать в себя те волнующие, захватывающие душу чувства, которые возвращают нас в чудесную пору жизни и души — детство.

Откуда появился театральный восторг? Скрещиваются два потока воображения — творящих сценическое действие и воспринимающих это действие. Встреча двух духовных сил порождает магию театра, актерскую легенду.

Мало любить театр и быть преданным театру, необходимо суметь найти свое лицо, свой стиль игры, а затем убедить сотоварищей по сцене и Зрителя (хотя Зритель это может признать сразу и безоговорочно), что ты индивидуальность. Наиболее яркими признаками актерской одаренности являются чувство природы и темперамент. Под «чувством правды» разумеется своего рода наивность, способность верить в вымысел. Под темпераментом понимается способность к активности, способность увлекаться.

Одаренность в актерском искусстве выражается, конечно, не только в этих элементарных признаках — это и интуиция, и воображение, и наблюдательность, и целеустремленность, и память, и многое, многое другое. Парадокс, но о нас судят по тому, что мы сделали, а мы о себе — по тому, что мы можем сделать...

Руслан Магометович Гочияев — народный артист Кабардино-Балкарии — с первых шагов сценической жизни запомнился и полюбился зрителям. Актер комедийный, острохарактерный, любит работать в гротескном ключе. Роли отработывает до мельчайших деталей, порой до эксцентрики. Руслан радуется, когда зритель не узнает его в новом облике, ну, просто как ребенок, радуется... Холерик по темпераменту, он во всем «максималист». Максимум эмоций, стимулирующих максимум чувств, чего не хватает иногда его коллегам по сцене. Случается так, что эмоции хлещут через край, опережая текст.

Конечно же, как известно, мысль актера — фантазия, а не рассудок. Но это не означает, что актер не должен мыслить. В студенческие годы Руслан впервые

встретился с Шекспиром. Никогда не забудет он каникулы в Архызе, где они отдыхали и репетировали «Ромео и Джульетту», отрывок из «Отелло», в которых Руслан был назначен на роли Ромео и Яго. Репетировали и занимались по системе Ежи Гротовского под руководством художественного руководителя студии Асхата Хабичева и режиссера Александра Никулина, выпускников курса Юрия Завадского. С ролью Яго Гочияев еще раз встретился в ГИТИСе, уже в режиссерской дипломной работе Хасана Биджиева.

Вот только небольшой перечень работ актера, достаточный для того, чтобы иметь представление о разноплановости его актерских возможностей: «Бесфамильная невеста» (Х. Байрамукова), «Изобретательная влюбленная» (Лопе де Вега), «Плутни Скапена» (Ж. Б. Мольера), «Хозяйка гостиницы» (К. Гольдони), «Ходка и Азраил» (Ш. Алиев), в которых Руслан играл главные роли. Этот список можно продолжить, и получится около 50-ти ролей.

...С 4 по 12 сентября 1991 года в Нальчике проходил I-ый фестиваль национальной культуры карачаевцев и балкарцев. Руслан Гочияев был одним из организаторов и режиссеров этого фестиваля. Невозможно быть актером без любви к искусству, без ответственности перед общечеловеческой культурой, без огромной отдачи и неистового служения своему Делу. И да возвысится тот, кто целеустремлен и одержим врожденным талантом, как Руслан!

Сейчас разгораются споры: нужен ли театр, что должен театр? Как в нем должно сочетаться единство: Актер — Зритель?

Театр должен стремиться к некоей универсальной «похожести» на классические образы, его задача — выразить национальное своеобразие каждого народа.

Я не ставила перед собой цели — произвести критический анализ театральной деятельности единственного среди нас народного артиста Кабардино-Балкарской АССР Руслана Гочияева. Меня, как актрису, привлекает поэтика его неповторимого и своеобразного актерского сценического темперамента. А также волнует проблема нашего театрального завтра. Театр во все времена был и будет совестью и душой народа, его мироощущением, и Актер — его чернорабочий.

Л. ГОЧИЯЕВА,
заслуженная артистка РФ

От редакции. Чтобы у читателя не возникло подозрения, что актриса Любовь Гочияева, как кукушка петуха, хвалит артиста Руслана Гочияева, сообщаем, что они не являются близкими родственниками. А фамилия Гочияев у карачаевцев, все равно что фамилия Иванов на Руси.

Затмений не будет

Ноябрь 1991-го. Терекли-Мектеб. Всесоюзная научно-практическая конференция, посвященная 600-летию ногайского эпоса «Эдиге»...

Читатель, наверно, удивится необычной преамбуле статьи. Но именно так я решила начать свой разговор о «Половецкой луне», осветившей наши души на этом большом Байраме, который остался в памяти у ногайцев Астраханской области, Северного Кавказа, Дагестана и у всех его гостей. В этой статье я хочу поделиться своей радостью и впечатлениями о журнале, увидевшем свет немногим более двух лет назад.

Устроители Байрама каждому делегату конференции вручили памятную папку. Как велика была моя радость, когда я увидела в ней первый номер «Половецкой луны»! Не верилось, что держу в руках журнал, который так давно ждал мой народ. А какое оригинальное название — «Половецкая луна»!

Внимательно просмотрев номер, я тут же отметила неоспоримые достоинства этого удивительного издания: глубину исторических фактов, тематическое разнообразие материалов, чувство меры и такта в освещении событий недавнего прошлого и сегодняшнего дня, уважение к читателю создателей журнала. Что же касается последующих номеров — то все они хороши, а № 1-2/5-6 1993 года (сдвоенный) удался на славу!

С волнением я прочитала в нем повесть С. Ахловой «Высокородный», в которой ставится и решается извечная проблема — «отцов» и «детей» и очень хорошо показана трагедия главного героя — ногайца Саламата, потерявшего родину, истерзанного страданиями. Запали в душу гневные слова его дочери Цекух: «Я не судья, папа! Я жертва твоих грехов! Страдалица последствий твоих ошибок! Жизнь легко сломала твою волю, и ты — единственный представитель своего рода — не смог сохранить не только свою национальность, но даже и свою веру. Ты подумай хорошенько, папа! Если каждый будет думать, как ты, какая, мол, разница, кто какой национальности, и начнет плевать на обычаи своих предков, — в кого превратятся люди?» Этот упрек девочки-подростка отцу я восприняла как обращение к нам, молодым, предостережение от возможных ошибок.

«Мы историю свою знаем плохо. В течение нескольких столетий, в особенности в последние 70—80 лет, нас приучали глубоко не вникать в прошлое и не изучать свою историю: вы, мол, малый народ...» — пишет Фатих Урманче в своей статье «Ханбийкэ Нурсолтан» — об одной из первых ногайских женщин-политиков. Опять упрек, и упрек справедливый, в адрес ныне живущих.

Все номера «Половецкой луны» печатают богатые исторические и языковедческие материалы; такими, в частности, являются сведения, представленные И. Дроном из Кишинева, — «К этимологии ряда топонимов ногайского происхождения». Автор дает характеристику 26 топонимов (территория Республики Молдова), которые ранее были отнесены к разряду «неизвестного» происхождения. А ведь мои предки оставили очень много названий! В связи с вышесказанным, журнал стал верным и надежным помощником в нахождении ответов на интересующие меня вопросы.

Всегда с нетерпением жду публикаций работ известного ногайского историка-этнографа Р. Х. Керейтова. Одной из таких работ и явилось научное исследование «Этноним Кыпшак — у ногайцев». Автор, опираясь на достоверные исторические данные, утверждает, что «Ногайцы — интересный, с четко сохранившейся этнонимикой, богатый языком, культурой народ». Он привел даже тамги родов племени кыпшак. Точное обоснование выводов автора, использование трудов многих ученых-тюркологов, доступное читателю изложение материала — все это дает возможность судить о Керейтове как о вдумчивом и знающем свое дело специалисте.

Очень актуальна, на мой взгляд, статья профессора из г. Нальчика В. Дзидзоева «Истоки проблемы ногайского народа». Никогда бы не подумала, что проблемы моего народа волнуют и интересуют представителей других этносов. Автор хорошо знает историю ногайцев — в статье на основе документов показана трагедия, приведшая к территориальному разделу ногайцев. «Ногайцы, как известно, не были репрессированы, — пишет автор. — Однако то, что с ними произошло в начале 1957 года, нельзя характеризовать иначе как репрессия». Меня до глубины души тронули эти строки. Я благодарна человеку осетинской национальности, воспринявшему нашу боль как свою.

Доклад А. М. Аджиева «Мира, согласия и стабильности», прозвучавший на съезде народов Дагестана, перекликается с вышеуказанной статьей. В нем тоже поднимаются проблемы ногайского народа и Ногайской степи.

«Наш журнал — реальная возможность, способная объединить интеллектуальные силы нашего народа» — эта фраза из первого номера «Половецкой луны» стала как бы девизом журнала, его визитной карточкой. Но сейчас дело обстоит так, что этот девиз — уже не только для интеллектуальных сил ногайского народа, но и для специалистов других регионов и других народов: Ф. Урманче, И. Дрона, Ю. Евстигнеева, акад. В. Б. Виноградова, В. Дзидзоева и многих других. Отсюда следует вывод: география авторов журнала расширяется.

Хочу обратиться к издателям журнала с предложением. Дело в том, что «Половецкая луна» охватывает все стороны духовной жизни людей. Может, поэтому следует включить музыкальную страничку? Ведь сколько новых хороших песен написано в последнее время! Оперативность журнала дала бы возможность ногайцам не только слушать, но и разучивать эти песни в школах, детских садах, Дворцах культуры.

В заключение хочу пожелать новых больших успехов сотрудникам редакции журнала. В природе бывают затмения Луны, это закономерное явление, но пусть никогда не будет затмений у «Половецкой луны»!

З. ЗИНЕЕВА

Баймурза Калмыков,

кандидат педагогических наук, доцент

САМОБЫТНЫЕ ФИЗИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ И ИГРЫ У ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

На протяжении своей многовековой истории тюркские, как и многие другие народы, выработали богатые традиции в физическом воспитании населения посредством самобытных физических упражнений и игр, сумели сохранить и принести их через все социально-экономические эпохи.

Как известно, тюркские языки включают подгруппы: чувашскую, или булгарскую (чувашский язык), огузскую, или юго-западную (турецкий, азербайджанский, туркменский, гагаузский и др.), кыпчакскую, или северо-западную (казахский, татарский, башкирский, каракалпакский, ногайский, карачаево-балкарский, кумыкский, киргизский и караимский), карлукскую, или юго-восточную (узбекский и уйгурский), якутскую (якутский и долганский), южно-сибирскую (алтайский, хакасский, тувинский и др. языки).

В настоящее время в научно-методической литературе, посвященной анализу самобытных средств физического воспитания тюркских народов, указывается на

На снимке: Национальная борьба в ауле Икон-Халк.

эффективность использования национальных видов физических упражнений и игр. Об этом писали такие ученые, как: М. Таликеев (1961), Г. Б. Агаев (1965), Т. Н. Бобовская (1967), В. А. Апеков (1967), М. Дибирев (1968), А. К. Атаев (1969), Х. К. Байрамкулов (1970), Э. Х. Галеев (1973), М. М. Сахабутдинов (1976), К. Ш. Шаниязов (1978), Х. В. Анаркулов (1980), Б. Х. Калмыков (1980), Т. Ж. Бекбатчаев (1981), А. Акшураев (1983), А. Джикиев (1983), Г. Языев (1985), Р. Х. Керейтов (1989), Б. Х. Калмыков, Ф. Х. Керейтов, В. Х. Аюбов (1991) и др.

Большой популярностью у тюркских народов с давних времен пользовались и пользуются по настоящее время такие самобытные физические упражнения, как: скачки (ат шабыс, ат чабыш, аламан байга, аламан пойга), борьба (куьрес, кураш, гуреш, тутуш), перетягивание аркана, толкание камня, лазание по шесту и т. п.

Ниже мы приводим некоторые из них, бытующие у ногайцев.

Ат шабыс. Скачка проводилась, как правило, во время праздников, когда съезжался из окрестных аулов народ. Главной темой разговоров у собравшихся являлась лошадь, ее достоинства: беговые качества, выносливость, красота и т. д. Эти разговоры обычно переходили в спор, который и разрешался состязанием. В нем по традиции участвовали не только спорившие, но и все находившиеся на празднике. Седлали коней, выстраивали в одну линию и по сигналу бросались вперед, в степь, до определенного места, с которого вся скакавшая кавалькада поворачивала обратно. Тот, кто возвращался первым, считался победителем.

Узакка шабысу. Это скачки на длинные и сверхдлинные дистанции. Состязания проходили на пересеченной местности, изобиловавшей различными естественными препятствиями. Считались, как правило, первым и главным видом программы всех

спортивных праздников. В этих скачках большое значение имело тактическое мастерство наездника. Иногда побеждал не тот, у кого более резвая и выносливая лошадь, а тот, кто умел тактически правильно провести состязания, быстро оценить обстановку, хорошо подготовить лошадь к скачке и правильно распределить ее силы на дистанции.

АТ ЕГУ — состязания на быструю упряжку. Судьи определяли линию старта и финиша. По команде стартера участники выстраивались в одну линию с определенным интервалом. По команде «Атларды егиньгиз!» быстро запрягали лошадей и начинали скачку. Победителем считался тот, кто быстрее доехал до финиша.

АТ ОМЫРАУЛАСТЫРУ — вытеснение на конях из круга. Для состязания выбиралась ровная площадка, на которой обозначался круг диаметром 10—15 м. В круг вызывали двух всадников, которые, сидя на конях, старались вытеснить друг друга из круга. Здесь не разрешалось пользоваться кнутом, наносить какие-либо удары противнику, его лошади. Побеждал лишь тот, кто умел быстро и точно привести в движение своего коня, делать различные повороты и обманные движения конем.

АУДАСТЫРУ — единоборство всадников.

Два всадника в единоборстве между собой стремились стащить один другого с коня. Победа присуждалась тому, кто сумел спустить своего соперника на землю. Эти состязания требовали от всадников большой физической силы, ловкости и смелости, поэтому на них допускались хорошо подготовленные юноши не моложе 18 лет.

ЙОРГА ШАБЫС — скачки на иноходцах.

Йорга — это иноходец, движения которого отличались мягкостью и ритмичностью. При беге правая передняя и правая задняя (левая передняя и левая задняя) ноги лошади выносились вперед одновременно. Во время состязаний хорошие йорга никогда не переходили на обычный бег. За каждое нарушение этого правила участники йорга шабыс штрафовались, после третьего нарушения снимались с дистанции. Состязания проводились только на короткие дистанции.

КУНАН ШАБЫС — скачки на трехлетних лошадях на короткие дистанции.

КУЪМИС АЛУ. Всадник на полном скаку лошади, наклонившись вниз, поднимал один за другим небольшие призы, лежавшие друг от друга на расстоянии 100—300 м. Победителем считался всадник, поднявший с земли наибольшее количество призов.

КЫЗ КУУ — скачка-погоня за девушкой (невестой). Кыз куу имел большое сходство с древнейшими спортивными состязаниями, проводившимися по случаю заключения брака между женихом и невестой. На старт вызывались кыз (девушка) и джигит (йигит), причем йигит, в зависимости от длины дистанции, отводился на некоторое расстояние назад (гандикап). Давался старт. Йигит старался догнать девушку и сорвать с ее головы платок (яулык), чтобы доказать свою победу. А девушка, наоборот, старалась уйти от преследователя и стать первой на финише.

УЛАК ТАРТЫС — козлодрание. В середине поля размером 500x250 м очерчивался финишный круг диаметром 2 м, на который участники стремились забросить тушу козла. В начале игры улак находился в 400 м от центра. Участники выстраивались на стартовой линии вблизи финишного круга и по сигналу судьи скакали к улаку, стремясь в силовой борьбе завладеть им.

КУЪРЕС — борьба. Национальная борьба (куърес) получила отражение в художественной литературе, фольклоре, героическом эпосе тюркских народов. Встречаются упоминания о куъресе как одном из видов рукопашного боя во время военных действий.

Состязания проводились обычно в новогодние праздничные дни (науруза), а также во время весенних праздников (сабантой). В борьбе участвовали как местные, так и приезжие прославленные борцы (пелуаны), а также любители из числа зрителей.

Правила борьбы разрешали, оторвав противника от ковра, взять его на бедро и произвести бросок на спину или на бок без отрыва рук от пояса. Характерная особенность борьбы — наличие в нем разнообразных приемов — различных подножек и зацепок, бросков стоя и с падением, многочисленных поворотов и «кружения» противника.

Борьба продолжалась обычно 3—6 мин., но были случаи, когда она затягивалась и на более долгое время (время борьбы тогда еще не было ограничено). Быть победителем в куъресе считалось весьма лестным для молодого человека. Победив в схватках не одного

противника, пелуан становился гордостью земляков, знаменитостью своего аула. В то же время борцы не различались по весовым категориям, разыгрывалось лишь абсолютное первенство.

АРКАНМАН ТАРТЫСУ — зрелищно красивое состязание силачей в перетягивании аркана. Команды могли выставлять отдельные фамилии (тукъум), кварталы (тоьгерек), аулы, и состояли они из 7—11 человек. Аркан изготовлялся, как правило, из конских волос. Победителем считалась та команда, которая перетягивала другую на договоренное расстояние от линии начала состязания.

КУРЫККА МИНУЪ — лазание по шесту. Для этой цели использовались шесты различной высоты и диаметра. В некоторых случаях шесты обмазывались жиром. Состязания проводились двух видов: достать предмет на шесте, который служит призом, и как можно выше залезть по шесту, обмазанному жиром.

ОК АТУ — стрельба из лука на дальность и меткость. На расстоянии 40—50 м вешали войлок (кийиз), на котором очерчивали круг для попадания. На полном скаку с лошади поражали эту цель.

ТАС АТУ — толкание камня. Для состязания камень выбирали овальной формы. Толкали камень с места или с произвольного разбега. В большинстве случаев толкали камень с места (ногайша), при этом ноги нельзя было отрывать от земли до тех пор, пока камень не упадет на землю. Техника исполнения толчка камня была идентична толканию ядра, в современном понимании. Вес камня подбирался соответственно возрасту соревновавшихся (3—7 кг).

АУРЛЫКТЫ КОБТЕРУЪ — поднятие тяжести. Для этого выбирали тяжелый камень, поднимали его обеими руками до пояса или до груди. Победителем считался тот, кто поднимал самый тяжелый камень.

У тюркских народов большой популярностью пользовались также игры.

ОРДА — подвижная игра для детей. В светлые ночи дети собирались в назначенном месте и делились на две группы. Одна из групп имела суьек (кость). Эту кость бросали в сторону, и все бежали ее искать. Нашедший кость, крикнув: «Суьек менде!» (кость у меня), стремительно бежал к условленному месту, называемому «орда». Если ему удавалось добежать до цели раньше противников, то они возили его на спине. Игру можно было проводить и днем.

АКСАК КАРГА — хромая ворона. Две команды с равным количеством игравших выстраивались друг против друга. По очереди каждый из них завязывал себе ногу (правую или левую) так, чтобы платок охватывал голень и бедро одной ноги. Затем подавалась команда «марш!», и игроки обеих команд на одной ноге скакали до противоположной команды, а потом, развязав платок, бежали обратно, к своей группе. Платок передавался другому игроку, и так продолжалось до последнего игравшего, который бежал к организатору игры и передавал ему платок. Выигрывала та команда, которая первой передала платок организатору игры.

КИСЕНЛИ АТЛАР — спутанные кони. Игравшие делились на три-четыре команды и выстраивались за линией. Напротив линии ставили флажки, стойки. По сигналу первые игроки команд начинали прыжки, обегали флажки и возвращались обратно бегом. Затем бежали вторые и т. д. Выигрывала команда, закончившая эстафету первой. Прыгать следовало отталкиваясь обеими ногами одновременно, помогая руками.

Рамки статьи не позволяют привести здесь все известные самобытные физические упражнения и игры тюркских народов. Мы включили лишь некоторые из них, которые входят обычно в программы ногайских праздников «Сабантой» и «Байрам» в настоящее время, а также подвижные игры, проводимые на уроках физической культуры в ногайских школах.

Дальнейшее изучение средств физического воспитания на конкретном материале богатой истории тюркских народов имеет большое значение и призвано глубже разобраться в сущности и роли народных игр и физических упражнений в настоящее время.

Таким образом, задачи сегодняшнего дня требуют изучения и внедрения наиболее прогрессивных форм, средств и методов физической культуры не только рядом живущих народов, но и наших соотечественников, проживающих за рубежом.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Агаев Г. Б. Исследование опыта применения азербайджанских народных игр в школах Азербайджана. — Баку, 1965.
2. Архипов А. Этнографический очерк ногайцев и туркмен//Кавказский календарь. — Тифлис, 1859, с. 350.
3. Атаев А. К. Исследование эффективности применения национальных видов спорта и народных игр и специальных упражнений для развития физических качеств школьников Узбекистана. — Л., 1969.
4. Апеков В. А. Физическая культура и спорт в Кабардино-Балкарской АССР. — Нальчик, 1967.
5. Анаркулов Х. В. Пути повышения эффективности физического воспитания школьников на основе региональных факторов и народных подвижных игр (на материале Кирг. ССР). — Фрунзе, 1980.
6. Байрамкулов Х. К. Исследование самобытных физических упражнений карацевцев и балкарцев. (Дисс. канд. пед. наук.) — М. 1970.
7. Бекбатчаев Т. Ж. Применение традиционных казахских народных игр и упражнений в системе физического воспитания в школе. — Алматы, 1981.
8. Бобовская Т. Н. Исследование эффективности народных физических упражнений в работе по физическому воспитанию в школе (на примере киргизских школ). — М., 1967.
9. Галеев Э. Х. Татарские народные традиции физического воспитания и их использование в практике учебно-воспитательной работы. — Казань, 1973.
10. Гроздова И. Н., Токарев С. А. Введение//Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX-начало XX в. Весенние праздники. — М.: Наука, 1977, с. 5.
11. Джикиев А. Традиционные туркменские праздники, развлечения и игры. — Ашхабад.: Ылым, 1983, с. 12.
12. Калмыков Б. Х. Традиционные физические упражнения и игры ногайцев//Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. — Черкесск, 1980, с. 149.
13. Калмыков Б. Х. Ат шабыс эм баскалар//Ленин йолы. 11 июня 1980.
14. Калмыков Б. О внедрении в быт национальных видов физических упражнений и игр у Кубанских ногайцев//Опыт и перспективы содержания и методов подготовки учителей физической культуры. — Махачкала, 15-17 октября 1990.
15. Калмыков Б. Х., Керейтов Ф. Х., Аюбов В. Х. Использование национальных средств физического воспитания при проведении физкультурно-фольклорного праздника аула у Кубанских ногайцев//Проблемы физического воспитания учащейся молодежи. — Карачаевск, 14-18 мая 1991.
16. Калмыков Б. Х., Мусакаев И. Н. Традиционные национальные игры ногайцев Кизлярского района ДАССР//Подготовка учителей физической культуры в свете перестройки общеобразовательной и высшей школы. — Грозный, 16-19 сентября 1991.
17. Калмыков Б. Х. Ногайлардың миллет ойынлары//Ногай давысы, окт. 1991.
18. Калмыков Б. Х. Традиционные состязания и народные игры ногайцев//Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды. — Терекли-Мектеб, Москва, 15-17 ноября 1991, с. 50.
19. Калмыков Б. Х. Ногай бала ойынлары//Ногай давысы, 8 августа 1992.
20. Калмыков Б. Х. Возрождение сабантоя//Половецкая луна, № 2/4, 1992, с. 116.
21. Калмыков Б. Х. Халкымыздың байрамы//Ногай давысы, 23 февраля 1993.
22. Керейтов Р. Х. Народный календарь и календарная обрядность ногайцев//Календарь и календарная обрядность народов Карачаево-Черкесии. — Черкесск, 1989, с. 91.
23. Мансуров И. И. Физическая культура и спорт в быту народов Карачаево-Черкесии. — Л., 1974.
24. Народы мира//Историко-этнографический справочник. Главный редактор Ю. В. Бромлей. — «Советская энциклопедия». — М., 1988.

25. Сахабутдинов М. М. Исследование самобытных средств физического воспитания татар. — Л., 1976.

26. Таликеев М. Развитие казахских национальных видов спорта и игр с периода присоединения Казахстана к России до ВОСР. — Л., 1961.

27. Шаниязов К. Ш. Традиционные игры и развлечения узбеков, отражающие быт скотоводов//Всероссийская сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропометрических исследований 1976-77 гг. Тезисы докладов. — Ереван, с. 235.

28. Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту. Под редакцией Г. И. Кукушкина. — М. — ФИС. Том I, 1961, с. 342; том II, 1962, с. 18; том III, 1963, с. 190.

29. Языев Г. Туркменские национальные средства физического воспитания на уроках физической культуры в школе. — М., 1985.

Светлана АККИЕВА,

кандидат исторических наук

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

В последние годы активные разработки в освещении этногенеза тюркоязычных народов переживают своеобразный бум. По древней истории татар, башкир, казахов, киргизов, хакасов, якутов, карачаево-балкарцев насчитываются несколько действительно серьезных исследований. В них речь идет о древней истории тюрков и о самом их появлении на исторической арене.

Изучение наиболее древних пластов всегда сопряжено с трудностью поиска источников. И только на стыке наук — палеоантропологии, лингвистики, археологии — можно реконструировать этническую историю заселения той или иной края и сказать определенно, пришельцы или аборигены те или иные народы на данной территории. В ряду исследований, где широко применен этот метод, необходимо назвать одну из последних работ нашего прекрасного историка И. М. Мизиева в соавторстве с известным карачаевским ученым К. Т. Лайпановым «О происхождении тюркских народов».

Эта работа продолжает ряд исследований И. М. Мизиева, посвященных древней истории карачаевцев, балкарцев и собственно древних тюрков. Содержание книги свидетельствует прежде всего о последовательности авторов. Они обращаются к этнической истории древних тюрков, пытаются проследить все звенья этой сложной цепи.

Отличительная особенность книги — опора на фактический материал, строгая документальность и логика изложения, новый подход к многим проблемам, решение сложных вопросов.

Давая подробный обзор существующих взглядов на проблему этногенеза и ранней этнической истории древних тюрков, авторы выражают достаточно четко свою позицию, но в отдельных случаях они дают просто понять, что то или иное предложение не кажется им несомненным или просто маловероятным, что свидетельствует об осторожности в подходах к столь сложным проблемам исторического прошлого и не заслуживает осуждения.

Следует сказать несколько слов об использовании в этногенетических построениях лингвистических данных как в рецензируемой книге, так и в упоминаемых в ней работах. Прежде всего далеко не все имеющиеся на сегодняшний день данные учитываются; часто незаслуженное предпочтение отдается тем из них, которые подтверждают гипотезу, поддерживаемую авторами, нередко используются устаревшие лингвистические факты.

Весьма спорно, но вместе с тем и не лишено смысла смелое предположение, что Волго-Уралье является родиной протюрков.

Большинство ученых до недавнего времени считали, что прародиной всех тюрков был Алтай. Теперь же многие исследователи придерживаются другой точки зрения, согласно которой прародина тюрков — регион Волги, Урала. Это утверждение, может быть, и спорно, но вместе с тем оно позволяет решить многие проблемы этногенеза тюрков.

Авторы пишут: «Признавая совместное проживание в течение нескольких тысячелетий в Волго-Уралье далеких предков финно-угров и тюрков, мы в то же время считаем, что в лесостепной зоне этого региона преобладающим населением являлись протюрки».

Приводимый тезис о том, что ряд локальных вариантов древнейшей кочевнической культуры IV — III тыс. до н. э. почти буквально совпадает с такими вариантами культуры средневековых кочевников, весьма привлекателен, но, на мой взгляд, требует более осторожного подхода.

О критическом использовании археологического материала и о высоком качестве интерпретации свидетельствуют две главы: «Ямно-афанасьевцы и их наследники в южной Сибири» и «Ямная культура и ее наследники в Причерноморье».

В данной работе наряду с лингвистическими и археологическими источниками очень плодотворно используются данные этнографии. Это дает возможность по-новому взглянуть на скифскую проблему и сделать вывод, что скифы не только ираноязычны. Осветить эту большую и сложную проблему в данной работе до конца не удалось. Но такая цель авторами и не ставилась.

Мизиев И. М. и Лайпанов К. Т. вновь заострили внимание на тюркской проблеме и высказали о ней свое мнение. Оценивая в общем их труд, можно поздравить наших читателей с появлением интересной и содержательной научной работы о древних тюрках. Благодаря легкости и доступности языка, которым написана работа, материал не останется непонятым массовым читателем, а у серьезных историков вызовет, несомненно, много вопросов и послужит мощным толчком для дальнейшего исследования истории и этногенеза тюркских народов.

Труды И. М. Мизиева стали широко известны во всем тюркском мире. Совсем недавно одно из турецких издательств массовым тиражом выпустило книгу Исмаила Мусаевича Мизиева «Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа». Я думаю, что это радость не только для автора, но и для всех нас, интересующихся своими корнями и своей историей.

*Газета «Кабардино-Балкарский мир»,
№ 1/4/ января 1994 г.*

Рамазан КЕРЕЙТОВ,

кандидат исторических наук

ЦЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ ТЮРКОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Проблема культуры народов, издревле населявших территорию Северного Кавказа, с каждым годом приобретает все большую актуальность. И это не случайно, ибо изучение исторического прошлого неразрывно связано с интересами нынешних поколений людей. Оно всесторонне развивает и воспитывает их, способствует осмыслению ими своего места в жизни. Именно этим требованиям отвечает фундаментальный труд известного археолога Х. Х. Биджиева «Тюрки Северного Кавказа», который увидел свет в 1993 году в г. Черкесске.

Актуальность книги Х. Х. Биджиева обусловлена теоретической и практической значимостью обобщения материалов о поселениях раннего средневековья, так как на эту тему специальных монографических исследований до сих пор нет. Она усиливается и тем, что задача изучения поселений рассматриваемой территории является также и задачей изучения истории и культуры тюркских народов. Эти проблемы постоянно встают перед специалистами, изучающими тюркоязычные народы Евразии. В последнее время они часто становились предметом многих острых дискуссий.

Во введении исследования Х. Х. Биджиева кратко, но убедительно обоснованы объект, хронологические рамки, степень изученности, цель и задачи предпринятого исследования.

История изучения, историография и характеристика источников даны автором в первой главе. С основными положениями, изложенными в этой главе, можно согласиться. Они дают хороший очерк историографии, начиная с работ XVIII века. Х. Х. Биджиев четко и ясно подчеркивает то, что отличает его исследование от работ предшественников. Судя по характеристике источников, автор тщательно проработал основную массу археологических материалов по Карачаево-Черкесии и Центральному Предкавказью. В анализе источников обращает на себя внимание огромная полевая работа, проведенная автором в течение более 20 лет в этой местности.

Глава 2-я — «Поселения» — является одной из содержательных и важных. По планировке и топографии Х. Х. Биджиев разделил поселения на три большие группы. Памятники первой группы представлены открытыми поселениями — селищами, не имеющими оборонительных сооружений. Вторую группу составляют укрепленные поселения, которые в свою очередь разделяются еще на три типа. Третью группу составляют поселения, имеющие трехчастное деление: цитадель, собственно крепость и открытое селище.

Удачным, на мой взгляд, является раздел, посвященный строительной культуре и архитектуре. Х. Х. Биджиев оборонительные сооружения подразделяет на две группы: земляные и каменные, здесь приведено множество ярких материалов, характеризующих высокую строительную культуру и архитектуру крепостей на рассматриваемой территории.

Автор большое внимание уделяет анализу строительной культуры и фортификации Хумаринского городища. Он считает, что среди памятников Северного Кавказа строительная культура этого городища стоит особняком, так как его крепостная архитектура отличается от аналогичных сооружений района не только совершенной техникой кладки стен, но и их мощностью. Ученый справедливо сопоставляет строительную культуру и материалы Хумары с синхронными памятниками Подонья, Приазовья и Дунайской Болгарии. Как точно замечает Х. Х. Биджиев, по мощности крепостных сооружений среди памятников Северного Кавказа особняком стоят Хумара и Дербент. Возникновение этих двух памятников тесно связано с политическими событиями, происходившими на Северном Кавказе и на всем юге нашей страны...

В заключении этой главы автор интересно и убедительно анализирует хазаро-болгаро-аланские и хазаро-арабо-византийские отношения в VII—IX вв. н. э. Можно согласиться с ним в том, что хазаро-болгары первоначально были во враждебных отношениях с аланами, а также с его мнением о причинах переселения алан на Дон, о границах Хазарского каганата, о связи строительства Хумаринской крепости хазарами с усилением угрозы арабской экспансии.

Удачной считаю третью главу — «Жилище, хозяйственные постройки и памятники культа». Коассифицируя жилище, заостряя внимание на его этнической интерпретации, автор обстоятельно анализирует названные объекты, отвечает на многие вопросы жилищного строительства и культовой архитектуры. Важно отметить,

что при изучении поставленной проблемы умело используются материалы этнографии современных тюркоязычных народов Северного Кавказа. Жилища делаются автором на четыре типа — юртообразные, полуземлянки, турлучные и каменные постройки. Очень обстоятельно прослежены конструктивные особенности жилища — стен, полов, фундамента и т. п. Описаны башни и хозяйственные постройки. Подчеркнуто, что для каждого типа жилища характерен свой ареал. Подвергнутые анализу материалы позволили сделать вывод о том, что юртообразное жилище было характерно для тюркоязычных племен и рассматривать его надо как кочевническую традицию. Полуземлянки и турлучные постройки были характерны для местных племен, аланов и тюрков. Что касается построек из камня, то каменное строительство в условиях Кавказа глубоко традиционно и имеет преемственность от более ранних памятников края.

Уникален материал о хумаринском святилище, рассмотренный на широком фоне синхронных памятников Евразии.

Х. Х. Биджиев творчески подошел к изучению надписей и знаков в четвертой главе книги. Пожалуй, впервые в работе Х. Х. Биджиева знаки и тамги, происходящие из археологических объектов, выступают как достоверный исторический источник. В отличие от предшественников, автор постарался разобраться в вопросах датировки и этнической интерпретации надписей. Основу главы составляет богатый полевой археолого-этнографический материал и литературные источники.

В пятой главе книги — «Хронология и этническая интерпретация памятников» — на интересном материале определены хронология и этническая принадлежность памятников. Датировка рассмотренных памятников, данная в соответствии с хронологией хорошо известных степных болгаро-хазарских древностей, достаточно убедительна. Проанализированный материал позволил сделать вывод о сложном составе населения края, о длительном соседстве и контакте местного и пришлого населения, о взаимовлиянии их культур, о переходе пришлого населения к оседлости.

Интересна и часть работы, посвященная каменным изваяниям, которые автор, на мой взгляд, правильно рассматривает как памятник докипчакских тюрков. Эта часть книги содержит большой сравнительный материал из различных регионов Евразии. Х. Х. Биджиев впервые собрал, систематизировал и основательно интерпретировал сведения о каменных изваяниях рассматриваемой территории. Этот материал исследуется на широком фоне средневековой скульптуры тюрков Евразии, что придает анализу и датировкам, предлагаемым автором, достаточную убедительность.

В заключении, которому посвящена VII глава работы, автор подводит итоги исследования. Новые материалы позволяют Х. Х. Биджиеву проследить наследие тюрков в последующей истории региона и увидеть в новых аспектах этногенез современных народов Северного Кавказа — балкарцев, карачевцев, кумыков, ногайцев. В этом труде во всей полноте показана роль тюркских народов в истории и культуре указанного региона и за его пределами. Книга хорошо иллюстрирована.

В целом работа Х. Х. Биджиева характеризуется большой глубиной анализа, новизной выводов, умелым использованием материалов, которые позволяют создать широкую и общую историческую картину при наличии мелких живых деталей, присущих культуре населения раннего средневековья.

Вместе с тем есть ряд пожеланий. Например, первую главу книги можно было представить более компактно. При рассмотрении каменных изваяний автор грешит излишней дробной типологией и классификацией. Имеются стилистические погрешности и невыверенность слов, и особенно фамилий. При ссылке на ногайский материал автор пошел на поводу литературного ногайского языка, ориентированного на «йоканье», в то время как среди ногайского населения, почти

во всех местах их обитания легко можно встретить и «джоканье», и «жоканье». По вполне понятным причинам автор мало пользуется археологическим материалом, характеризующим ногайцев, ибо ногайцы не имеют административного государственного образования на Северном Кавказе. К сожалению, многие, даже археологические, данные зачастую приписываются тем народам, которые к настоящему времени живут в определенной области, республике. Понятна позиция автора в последующей его заявке: «Предлагаемая работа посвящена вопросам истории и культуры тюркоязычных народов Северного Кавказа — прямых предков карачаевцев, балкарцев, кумыков»/С. 5/. Видимо, автор не зря заострил свое внимание именно на этих тюркоязычных народах Северного Кавказа, по которым «мало или совсем отсутствуют письменные источники» /С. 6/. О предках ногайцев этого не скажешь, ибо по ним имеется достаточно письменных данных, хотя бы даже по этнонимам; уйсун, уйгур, найман, кышак, керейт, канглы, конграт и т. д., чего нет у выше отмеченных народов. Можно было бы использовать и литературу, посвященную тюркам, например, работы академиков В. В. Радлова, В. В. Бартольда, В. М. Жирмунского и др. авторов. К сожалению, Х. Х. Биджиев обошел вниманием достаточно известный материал о Борга-каше, опубликованный профессором В. Б. Виноградовым, в котором он связывает мавзолей Борга-каш с ранней историей ногайцев. При характеристике Эльтаркача можно было бы вспомнить и работу А. Фирковича относительно принадлежности некоторых памятников.

Однако отмеченные погрешности нисколько не умаляют достоинство работы Х. Х. Биджиева. Книга ставит и решает актуальные проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа, написана на высоком теоретическом уровне, имеет практический выход. Основные выводы автора убедительны и не вызывают никаких сомнений.

Улыбка Ходжи Насреддина

Наш Ходжа Насреддин уже был в карачаевских аулах, и в предыдущих номерах мы публиковали его занимательные истории. Но в Карачае есть очень близкий Ходже и довольно известный весельчак Алан. Замечательный карачаевский писатель и ученый Магомед Хубиев, ныне покойный (пусть земля ему будет пухом), собрал и оставил потомкам несколько книг об Алане. Алан почти брат Ходжи, и мы думаем, что он часто будет в гостях у нас.

Магомед ХУБИЕВ.

ВСТРЕЧА С ХУДОЖНИКОМ

Алан торопился на работу. Художник Улут, встретив его, попросил:

— Мне необходимо написать портрет неприятного человека, попозировь мне, пожалуйста.

Алан вытащил из кармана зеркальце и, протягивая ему, сказал:

— Извини, я очень тороплюсь, а ты смотри в зеркало и рисуй. Будет как раз то, что тебе надо.

ОБЫЧАЙ НАОБОРОТ

— Почему люди радуются, когда рождается человек, а когда умирает — плачут? — спросил Алана Тьююшбий. — Когда и кем установлен этот обычай?

— Не ломай над этим голову, когда ты умрешь, обычай, видимо, буде: нарушен.

ОЧЕРЕДЬ МУНЗИРА

Проходя мимо магазина, Алан увидел очередь и подошел к ней.

— Хорошие туфли привезли, — сказал ему Мунзир. — Я как услышал, так и прибежал, но оказался самым последним. Наверно, мне не хватит.

В это время еще кто-то подошел и занял очередь за Мунзиром.

— Не волнуйся, — успокоил его Алан, — может, и тебе туфли достанутся, ви-дишь, теперь ты уже не последний.

ЕСЛИ В СТАРОЕ ВРЕМЯ...

Сеит-Умару казалось, что когда он проходит по улице, то все люди бросают работу и любуются им. Хотя на самом деле в нем ничего особенного не было.

— Современные люди не умеют ценить истинных героев, — нередко говорил он. — В старое время я бы мог стать ханом, смотреть на всех с трона.

— О, тогда я бы стал еще более известным, — в тон ему произнес Алан. — Я бы сбросил тебя с трона.

О СМЕРТИ И ЛУНЕ

- Я знаю, что человек на Земле живет не вечно, и мне хотелось бы после смерти быть похороненным на Луне, — задумчиво сказал Кекшиу.
- Зачем это тебе? — спросил Алан.
- Хочу, чтобы все люди с Земли видели мою могилу, — ответил тот.
- Тогда и я тоже хотел бы быть похороненным на Луне, — в тон ему сказал Алан.
- А тебе зачем?
- Чтобы вечно смотреть оттуда на родную Землю.

ХОРОШО, ЧТО ПЛОХО

- Шогайб прожил с женою десять лет. И вдруг решил с ней развестись.
- Почему же ты так поступаешь? Сколько лет жили и вдруг ни с того ни с сего расходитесь? — спрашивали люди.
- Я наконец понял, что она глупа, — оправдывался Шогайб.
- Если бы она была умной, — заметил Алан, — разве она терпела бы тебя столько лет?

СПУТНИК НАФИСАТ

- Конакбия стыдили за то, что он все время ходит за Нафисат, все время вертится вокруг нее, хотя она никак не соглашается выходить за него замуж.
- Что же тут плохого? — заступился за Конакбия Алан. — Земля всю жизнь вращается вокруг Солнца, и никому не приходит в голову упрекать ее за это.

КТО БОЛЕЕ СЧАСТЛИВ?

- Алан сделал девушке предложение. Она согласилась, сказав:
- Я знаю, что ты будешь счастлив.
- О, конечно, я буду счастлив, но все же не так, как ты! — польстил Алан невесте.

ПЕРЕВОДЧИК НУЖЕН

- Встретив Алана, Мачар остановил его и попросил зайти к нему домой. Алан зашел и видит: все имущество разделено на две части.
- Что случилось? Почему делитесь? — удивился Алан.
- Не можем жить вместе, решили разойтись. Будь нашим свидетелем, — ответил Мачар.
- Из-за чего же вы расходитесь?
- Да вот, не понимаем мы совсем друг друга.
- Если только в этом дело, — сказал Алан, — тогда поставьте вещи на свои места, я сейчас схожу за переводчиком.

ДУМАТЬ НАДО

- Слушай, Алан, — обратился Дадин. — Ты знаешь, у меня жена, двое детей, но когда я вижу красивых женщин, забываю все и не хочу идти домой. Что мне делать?
- Подумать, — ответил Алан.
- О чем?
- О том, что и жена твоя тоже видит красивых мужчин.

ИСКРЕННИЕ ДРУЗЬЯ

- Сафарбий сам отремонтировал машину Сарыкиши, — сказал Догалай.
- Интересно, сколько же он взял за работу? — спросили его.

— Нисколько, они же друзья. Хотя ремонт стоил рублей десять, а Сарыкиши обошелся одним магарычом.

— А магарыч ему обошелся в сорок рублей, — заметил Алан.

НЕТ ДРУГОГО ВЫХОДА

— Вы слышали? Мырза собирается на Луну? — спросил Алан друзей.

— Не может быть! — засмеялись те. — Он не космонавт и даже не летчик.

— Вы не смейтесь, у него ведь нет другого выхода: жена ему не разрешает работать вместе с женщинами, а на земле нет такого места, где бы не работали женщины.

УГРОЗА ТЕЩИ

— Если он не бросит пить, — сказала Джумалия, — то жена от него уйдет.

— Тогда ему нет смысла бросать, — заметил Алан.

КОГО БОЛЬШЕ ЛЮБИТ АЛАН

Двое друзей без конца спрашивали Алана, кого из них он любит больше. Алан отвечал, что любит обоих одинаково, но друзья на этом не успокаивались.

— Вот если бы мы висели над пропастью, — спросили они, — а тебе сказали бы, что один из нас непременно должен быть сброшен вниз, кого бы ты сбросил?

Алану их назойливость надоела.

— Поедемте, — предложил он.

— Куда? — удивились друзья.

— К пропасти, — ответил Алан. — Вы повисните над ней, а я подумаю, кого из вас сбросить, а кого оставить.

ДОМА И НА УЛИЦЕ

— Без развода, наверное, нам не обойтись, — печалился Набий Алану.

— Почему?

— Понимаешь, на улице даже чужие люди часто ко мне за советом обращаются, а дома жена никогда не сделает того, что я скажу ей сделать.

— Никакого развода не надо, это можно легко уладить.

— Каким образом?

— Ничего не говори жене дома, говори с нею только на улице.

ЗА ЧТО ДЕНЬГИ ПЛАТЯТ?

— Непонятно, почему Тинимек хвалит стихи Срафила, а об Исхаке ничего не пишет, будто книги Срафила лучше книг Исхака, — недоумевали читатели.

— Что ж тут непонятного? — заметил Алан. — Книги Исхака говорят сами за себя, а о книгах Срафила приходится говорить критику.

ОБА ПРАВЫ

Зетулу начать писать недавно, а Джетулу уже имел солидный поэтический стаж. Они часто спорили между собой о том, кто из них талантливей. Зетулу считал, что стихи Джетула просто бессмыслица. А Джетулу был уверен, что стихи Зетула — набор пустых слов.

— Скажи, пожалуйста, — обратились они к Алану. — Кто из нас прав?

— Я совершенно согласен с той оценкой, какую вы даете стихам друг друга, — ответил Алан.

ХОРОШО, ЧТО НЕ ВЬЮТ

— Главное — издать произведение, а написать можно всегда, — рассуждал ве- село Бекер.

Но через несколько дней после выхода в свет его книги он помрачнел.

— Что-нибудь случилось? — спросил Алан.

— В пух и прах раскритиковали мою книгу.

— Это еще ничего, — успокоил его Алан. — За такие произведения обычно бьют.

РЕЦЕНЗИЯ НА СТИХИ

Лязим думал, что он один из тех, кого не понимают современники. Однажды он принес рукопись своих стихов Алану:

— Прочти! Если не понравится — порви!

— Я не хочу работать за других! — ответил Алан. — Сам писал, сам и рви.

КНИГА И СТАТЬЯ

Джанкиши, встретив Алана, спросил:

— Я прочел статью Пахау, но ничего не понял. Странно, зачем ее напечатали?

О чем пишется в статье?

— О книге Тауалия.

— А что же тут удивительного: если нельзя понять саму книгу, как же можно понять статью о ней?

ОТПУСК

Вернувшись из очередного отпуска, Ожар пришел к Алану.

— Не удалось провести отпуск так, как я хотел, — пожаловался он. — Я ведь хотел попутешествовать, походить по горам, но каждый день ко мне кто-нибудь приходил в гости, так никуда и не съездил.

— Это еще ничего, ты отпуск провел в своем доме, а вот Сокка провел свой отпуск, обходя чужие дома.

— Что за наказание было такое?

— Дело в том, что перед отпуском вышла его книга стихов, а он ходил по аулу, чтобы поругаться с теми, кто отрицательно отозвался о его книге.

СТЕПЕНЬ ЖАДНОСТИ

— Татий до того бережлива, что праздничные туфли даже и по праздникам не надевает, боится износить, — говорили в ауле.

— Татий по сравнению с нашей Дамий — широкая натура, — сказал Алан.

— Не может быть!

— Судите сами: имея дома трюмо, но, боясь его испортить, она ходит к соседям, чтобы смотреть на себя в зеркало.

ПУТЕВКА С УСЛОВИЕМ

На заседании месткома обсуждали Джобая: работает спустя рукава, забывает, что он отец семейства, с «зеленым змием» дружит, дисциплину нарушает...

— Если вы уж за меня так болеете, то достаньте мне путевку, я хочу полететь в космос, — ехидно сказал Джобай.

— Хорошо, достанем, — согласился Алан, только ты дай нам расписку, что не вернешься обратно.

ОШИБКИ СОЛАГАЯ

На каждом отчетном собрании председатель месткома Солагай говорил, что он хорошо понимает свои ошибки и промахи, что учтет их в дальнейшем.

— Боюсь, что Солагай и уходя на пенсию скажет то же самое, — заметил Алан.

Юсуф Созаруков

Литературные пародии

ФАНТАЗИЯ

В каком-то несогласье диком
Простор земли, простор небес.
... Был год. С кочевническим гиком
Отсюда почвы слой исчез.

(Александр Родионов)

Послушный мерин тащит сани,
Укатан плотно зимний тракт.
Я, полон дум о мирозданье,
Шагам коня киваю в такт.

Березка у дороги никнет.
Вдали пейзаж уныл и гол.
Подумалось: «Вдруг почва гикнет
И вдаль поскачет, как монгол!..»

И обомлел от мысли тяжелой,
При этой перспективе злой:
«Ведь я тогда со всей упряжкой
Сойду за самый верхний слой?!»

Не-т-нет, я дико не согласен!!
За что угоном мне грозят?!
Уж коли тут проезд опасен,
То поверну-ка я назад.

ЗАКОН ПРИРОДЫ

...Для белки нужен белк,
Для мухи нужен мух...
Таков уж на земле
Неписанный закон.

...Я не беснуюсь, не кричу.
Я не бандитствую снахрапу.
Молчу, я сотни лет молчу.
Молчу, посасывая лапу.

(Леонид Мерзликін)

Поэты! Ну с чего бы вам шуметь?
Сейчас скажу и все вам станет ясно.
Медведке полагается медведь.

Надеюсь, с этим вы вполне согласны?
 При утке должен утк существовать.
 И рысь должна водиться с рысаками.
 По куропатке куропат квохтатъ
 Обязан просто днями и ночами.
 Пусть жабу жаб в романах воспоет!
 Пусть нежный сорок бережет сороку!
 Пусть чайку чайк невестушкой введет
 В свое гнездо к положенному сроку!
 Да будет так! Аминь! Я все сказал.
 Снимите пред моим законом шляпы!
 Я тот закон веками создавал:
 Молчал, сопел, высасывал из лапы.

Альберт Узленов

ДОСАДА

Под вишней цветущей свинья отдыхает.
 Вверху средь ветвей соловей распекает.
 Вскочила Свинья, возмущеньем горя:
 — Эй! Кто там захрюкал ни свет ни заря?!

*Перевод с карачаевского
 Ю. Созарукова*

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, имен собственных и прочих сведений, а также за разглашение данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов. Ответственность за содержание рекламных материалов несут рекламодатели.

Сдано в набор 20.02.94.

Подписано в печать 20.07.94.

Формат 60x84¹/16. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс», «Свисс». Печать офсетная.

Усл. п. л. 8,4. Усл. кр.-отг. 8,7. Уч. изд. л. 11,7.

Тираж 6000 экз. Заказ № 5114. Цена договорная.

Журнал «Половецкая луна» зарегистрирован в Министерстве печати и информации РСФСР 13 марта 1991 года, регистрационный № 728.

Учредители — Иса КАПАЕВ и Валерий КАЗАКОВ.

Отпечатано в Карачаево-Черкесском АО «Полиграфист».
 357100, Карачаево-Черкесская Республика, г. Черкесск, ул.
 Первомайская, 47.

Фото Федора Подкобылки. Актриса Любовь ГОЧИЯЕВА.